

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LVIII

№ 4
октябрь-декабрь 2021

ТАШКЕНТ
2022

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего окрбга**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Епископ Тихон (Шарапов) и его автограф (из рукописи М. Губонина). Михаил Губонин. Последний лист рукописи М. Губонина. С. 36.

Стр. 3: Фитрат с членами Революционного Комитета БНСР, Бухара, сентябрь 1920 г. Сидят (слева направо): М. Саиджанов, Абдусайтов, Ф. Ходжаев, Фитрат, М. Ходжаев. Стоят (слева направо): М. Бурханов, Н. Хусаинов, А. Акчурин. (Центральный государственный архив кинофотодокументов Российской Федерации, г. Красногорск; фотоотдел, № ед. хр. 33015). Обложка книги Фитрата «Эпоха правления эмира Алим-хана» (Сталин-абад, 1930). Востоковед Фёдор Ростопчин. С. 50.

Восток Свыше. 2021, № 4 (LVIII). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. «Ветви старой яблони плодоносят...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Мария из Гаврилова-Яма. *75 лет преставления мученицы*

Марии Даниловой 6

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

150-летие Ташкентской епархии, закладка нового храма и другие

события 14

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

**Тема: Епископат Русской Церкви в Средней Азии в 1920-х -
начале 1930-х годов**

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ. Ссылное духовенство в письмах и воспоминаниях.

Митрополит Арсений (Стадницкий) в Средней Азии 19

Иерей Александр МАЗЫРИН. «Непрененно в старом городе, на кошке и

в чапане...» Средняя Азия в жизни епископа Тихона (Шарапова) ... 36

Юрий ФЛЫГИН. «Я просто терял голову с Туркестанскими делами...»

О служении митрополита Никандра (Феноменова)

на ташкентской кафедре (1927–1933) 45

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Александр ДЖУМАЕВ. «Мы вставали, когда в кабинет входил Фитрат».

Абдурауф Фитрат, русская культура и советское

востоковедение 50

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О времени и вечности. О счастье 70

Содержание (окончание)

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в «Фейсбуке» последних лет 75

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли 90

ПРОЗА

Ризо АХМАД. Рассказы 104

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...
Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года 117

Авторы номера 139

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2021 год 140

Информация для авторов 142

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Ветви старой яблони плодоносят,
а на соседних – седой лишай.
Какой будет эта осень,
сама решай.
Давай поверим ее посулам,
хитросплетеньям тернистых дуг,
покуда ветер внезапным гулом
не переполнил окрестность вдруг.

Зимою космос зазывней станет
свои пространства приоткрывать.
А мы, лесковские соборяне,
всё беспокойнее будем спать.
Как будто вызнать взялись пароли
в преддверье первого мартабря
у террористов «Земли и воли»
и так спасти своего Царя.

При этом даже не представляя,
как нам дойти на заре скупой,
вскользь по льду реку пересекая
с уже завьюженною тропой,
туда – где сделает так Создатель,
чтоб стало многое по плечу,
чтоб ставил бывший бомбометатель
в своем приходе за нас свечу.

Сентябрь, 2016

Календарные страницы *главного редактора*

Мария из Гаврилова-Яма

75 лет преставления мученицы Марии Даниловой

12 января 1946 года страна жила своей обычной государственной жизнью. В передовой статье «Правды» сообщалось о «неустанной заботе товарища Сталина, большевистской партии и советского правительства об укреплении колхозов и совхозов, о повышении жизненного уровня всего народа».

Наркомат молочной и мясной промышленности издал приказ № 31 об итогах Всесоюзного социалистического соревнования за декабрь 1945 года.

В Москве начались финальные матчи первенства по хоккею; в первой же встрече «Спартак» победил московское «Динамо» со счетом 1:0...

В тот же день, 12 января 1946 года, произошло еще одно событие.

Было оно неприметным, неторжественным и лишенным не то что всесоюзного, но даже самого захудалого районного значения.

О нем не сообщалось в газетах и не объявлялось по радио. Было бы даже странно, если бы среди маршей и бодрых новостей вдруг сообщили об этом. И вообще, кроме нескольких усталых, голодных людей, это событие вряд ли кто заметил.

А случилось вот что. В день, когда советские любители хоккея следили за напряженной борьбой между «Спартаком» и «Динамо», а Наркомат мясной и молочной промышленности докладывал об итогах соцсоревнования, скончалась в СССР незаметная старуха Мария Данилова.

Скончалась она в одном из исправительно-трудовых лагерей, хотя где – в бараке или в лазарете, – неизвестно; да и название лагеря нигде не значится.

Как отнеслись к этому привычному для лагерной жизни происшествию бывшие при этом люди, тоже неизвестно. Поискали, должно быть, у старухи пульс и не нашли; послушали сердце – тоже тишина... После чего сняли отпечатки пальцев, как то требовалось для документа.

Должно было быть оповещено и лагерное начальство, чтобы сделать нужную запись и снять умершую со скудного лагерного довольствия. Наконец, должен был прийти кто-то из похоронной бригады. Обычно это были уголовники, имевшие к покойникам свой интерес: обыскивали одежду и оглядывали рот, нет ли золотых

коронки. Потом скидывали в ров, присыпали мерзлой землей и слегка притаптывали сверху.

А ведь могла она, Мария Федоровна Данилова, и жить получше, и умереть по красивее. И происхождение у нее, по советским понятиям, было самым что ни на есть подходящим, рабочим. Родилась в семье ткача Федора Усачева 25 февраля 1884 года в Юхнове, во Владимирской губернии. И дальнейшая биография тоже вполне соответствовала, прямо хоть в рамку бери. Отучилась в сельской школе, работала мотальщицей и ткачихой. А в 1918 году и в партию вступила.

Вот и продолжали бы, товарищ Данилова, в том же правильном духе. Поддерживали бы генеральную линию, выступали бы со своим рабочим словом на собраниях, боролись бы с недобитыми буржуями и попами... Глядишь, и холодным днем 1946 года не на лагерных нарах отходили бы, а в благоустроенной советской больнице, может даже кремлевской. И не обязательно – отходили; может, просто бы подлечились, понаблюдались у светил и корифеев. Шестьдесят два года – не такая уж старость, если разобраться. «А помирать нам рановато», как справедливо сказано в песне. Жили бы и радовались, Мария Федоровна, со всем советским народом, строителем коммунизма.

Только что-то у нее не сладилось с этим коммунизмом. Два года побыла в партии и вышла. Отчего? Тогда же, а может чуть позже, пришла в церковь. И не просто пришла (многие – «приходят»), а всю себя принесла в нее, без остатка.

Только как это случилось? Опять же, знак вопроса.

Мы вообще мало что о ней знаем, о Марии Даниловой. Известно, что замужем была, отсюда и Данилова, вместо девичьей – Усачева. Но кто был этот муж, Данилов? Долго ли прожили совместно? Пылятся, наверное, по архивам какие-то записи... Или уже не пылятся. Много воды утекло, много пожаров отгорело.

Лён... Поля цветущего льна, точно синим снегом присыпанные. Чудное растение лён-долгунец: вырвать легко, а разорвать трудно – крепкое. И нить из него прочна.

С древности полюбил человек лён, как полюбил хлебный колос и виноградную лозу. Из чистого льна ткались одежды иудейских священников. И саван, в который обернут был перед погребением Христос, тоже был льняным.

Старинный северорусский промысел. Лён-долгунец легко выносит холода, хорошо чувствует себя среди лесов и болот. «Голубоглазый красавец при седых старцах хорош!» Это про лён в цвету; «седые старцы» – густые клокастые туманы, на которые богат север.

Городок Юхнов, где родилась Мария, и Гаврилов-Ям, куда перебралась потом, были исконными землями льнопрядения. И отец ее, Федор Усачев, и сама она всю жизнь по льну работали.

В начале двадцатого века Россия производила три четверти всего льняного полотна в мире. А потом пришла Великая война, как называли тогда Первую мировую. А потом семнадцатый год. И покраснели синие поля от крови, повяли от слез.

Россия – лён, Россия – синь,
Россия – брошенный ребенок...*

Место называлось – Гаврилов-Ям.

Городом оно делается в 1938 году, Мария Федоровна этого уже не застанет. А когда перебралась сюда, это был еще поселок, хотя и крупный и от Ярославля недалекий.

Посреди поселка протекала та же, что и в Ярославле, речка Которосль, богатая лещом, плотвой, судаком и прочей полезной рыбой.

В поселке имелся льнокомбинат, построенный в начале 1870-х промышленником Локаловым и с участием английских инженеров. При новой власти был он переименован в «Зарю социализма» и прославился огромными кумачовыми скатертями, со знаменами и звездами; они ткались к съездам партии и покрывали столы на кремлевских обедах.

На этом комбинате Мария Федоровна и работала.

В 1933 году ее арестовали в первый раз, за «укрытие церковных ценностей». Какие ценности укрывала, не указано. Кругом закрывались церкви; оклады, утварь шли на переплавку, прочее сжигалось. Может, пыталась Мария Федоровна что-то спасти, вынести тайком: икону в окладе или крест... Неизвестно. К чему приговорили неосознательную гражданку Данилову М.Ф. – тоже. В одном месте сказано, что, вроде, два года отсидела; но нигде больше упоминаний об этой отсидке нет. Да и редко за «укрытие церковных ценностей» тогда такие сроки давали. Сажали и казнили пока без особого сладострастья, большая кровь была еще впереди.

Длинное белое поле.

Три креста. На двух в несуразных позах повисли разбойники: мучились, видно, ужасно. Головы запрокинуты, руки заломлены. А Он висит спокойно.

Поле огорожено колючей проволокой; лают собаки. На проволоке местами повязаны платочки: дело рук неосознательных граждан.

А вот и сами неосознательные граждане, стоят длинной темной очередью. Дует ветер, морозно. Очередь, в основном, женская. Мужчины проходят мимо; иногда, озираясь, подходят к очереди, что-то глухо, в воротник, говорят, крестятся и быстро отходят. А женщины стоят, поеживаясь на белом ветру, притопывая: кто валенками, кто худенькими сапожками, кто ботинками на картонной подошве. Глухо гремит оркестр.

Это – Марии. Имя, означающее «горькая».

Зовут их всех по-разному, но они – Марии.

Марии, Маруси, Маши, Мары, Маньки, Маняши... Горькие последовательницы Его, апостолки.

Через пустоту поля петляет очередь. Прохаживаются вдоль нее бритые парни в шинелях, проверяют документы, дымят махоркой. Иногда выводят кого-то из очереди; «воронок», он же – «черная маруся», тархтит рядом.

Марш из репродуктора сменяется новостями, новости – «Танцем маленьких

* Из стихотворения Николая Асеева «Россия издали».

лебедей». Лают собаки. После «Лебедей» передают еще какие-то жемчужины классики. Очередь понемногу движется. «Не разговаривать, – ходит бритый, с алыми ромбами госбезопасности в петлицах. – У крестов не задерживаемся...»

На дощатом помосте возле крестов что-то хрипло выкрикивает районный лектор, о вреде религии; пускает в очередь брошюры, кто-то берет, кто-то сразу машет: сам свой атеизм читай! Кто-то, взяв, пытается незаметно бросить на снег, но какое тут «незаметно», вон сколько наблюдательных глаз, так и пялятся, так и горят серым огнем.

(Сон – не сон...)

Никольская, она же Фабричная, церковь в Гаврилове-Яме была старинной, 1798 года постройки. В начале двадцатого века на средства Владимира Лопатина – зятя устроителя местной льнопрядильни Локалова – была заново расписана и расширена. Освящал обновленный храм местный архиепископ Тихон, будущий всероссийский патриарх.

Церковь пережила и революцию, и гражданскую войну, и первые громкие пятилетки. В начале 1930-х настоятелем в ней был сорокалетний священник Дмитрий Суворов.

А Мария Федоровна была в церковном совете. С комбината ушла – то ли по возрасту, то ли уволили после первого ареста, как чуждый элемент. Переселилась в ближайшую к Гаврилову-Яму деревню Гагарино, трудилась в совхозе разнорабочей.

Главным ее делом оставалась Никольская церковь. Была Мария Федоровна, по воспоминаниям жительниц Гаврилова-Яма, в те времена еще школьниц, в церковных делах строгой. Даже советские учебники в храм не разрешала девочкам вносить, когда те после школы туда забегали. «Ты, родная, книжечки-то оставь на паперти».

А одна жительница даже помнила стихотворение Федора Глинки, которому Мария Данилова ее научила:

Если хочешь жить легко
И быть к небу близко,
Держи сердце высоко,
А голову – низко.

(Сон – не сон...)

Вот стоит она, держа низко голову. Легкий снег идет. Лают собаки.

Дошла ее, Мариина, очередь до крестов. Впереди нее женщина, у самого того Креста, стоит на коленях, быстро, со всхлипом, целует. «Господи, – слышен ее шепот, – что ж такое Ты сделал, что они снова Тебя распяли? Что натворил-то, а?».

– Проходим, проходим, гражданочка, – гнусавит бритый в шинели. – Он вас все равно не слышит... Он мертв, есть заключение медкомиссии.

– Господи! Что ж Ты молчишь-то?..

Теперь Марии черед. Стоит она у Креста, столько сказать хотела, а все слова колом в горле встали. Только дерево обструганное гладит.

Спихватилась, в сумку полезла.

– Это еще что за тряпки? – глядит на нее бритый.

– Саван... Саван Ему! Льяной, сама ткала.

– Никаких саванов... Сдадите вон в то окошко, – махнул в конец поля.

– Обернуть Его надо, – не отступает Мария.

– Обернем, – глядит бритый куда-то в сторону. – Обернем-завернем... Ступай, мать. Ступай!

Мария спускается с холмика, прижимая к себе саван. Из репродуктора гремит песня из кинофильма «Встречный». Мария идет по полю. «Кудрявая, что ж ты не рада, – поет репродуктор, – веселому пенью гудка?..» Сыплет снег.

В октябре 1936 года Никольскую церковь закрыли. Проголосовали в местном начальстве, отпечатали на машинке, приложили печать – и закрыли.

Пошла Мария Данилова по деревням, собирать подписи граждан против закрытия, в Ярославль ездила, в Москву. Пригодились навыки, полученные за короткое время пребывания в партии; знала, как с властью разговаривать.

В какой-то инстанции, судя по всему, ей удалось добиться положительного решения. Такое бывало – изредка, одно из ста, но бывало. Принималось решение вернуть церковь верующим.

Принималось... Только выполнять его местные органы, как правило, не спешили. Либо отмалчивались, либо выражали протест, и начиналась долгая переписка. И если сверху не слишком давили, то верующим ничего не возвращали. Да и что возвращать, если отнятые церковные здания скоренько переоборудовались под склады, зернохранилища, школы... Все это местные власти, по идее, должны были строить сами. Но проще было отнять.

Таким был, видно, и случай с Никольской церковью. Что-то было в Ярославле или Москве решено в пользу прихожан, или просто пообещали: мол, разберемся. Подождите, граждане верующие. И они ждали.

В ожидании прошла зима. В начале весны, как потеплело, гаврилов-ямские власти принялась рушить колокольню. И прихожане решились на последнее средство. 10 марта 1937 года около восьмидесяти человек направились в сельсовет с требованием открыть церковь.

Впереди шла Мария Федоровна.

В сельсовете были уже предупреждены, была вызвана милиция. Пришедших разогнали.

В публикациях о Марии Даниловой обычно пишут, что это «послужило поводом» для ее ареста.

Это не совсем так. Арестовали ее только через полгода. Уже после известного (а тогда – секретного) приказа НКВД от 30 июля 1937 года, раздувшего пламя Большого террора.

С августа по ноябрь 1937 года только в одном Гаврилов-Ямском районе было арестовано и расстреляно семь священников.

Иоанн Морев, Сергей Морев, Николай Соколов, Иоанн Соколов, Феодор Груздев, Николай Измайлов...

И Дмитрий Суворов, настоятель Никольской церкви Гаврилова-Яма. Арестован 11 августа 1937 года; через девять дней, 20 августа, расстрелян.

И разодралась надвое завеса храма.

Завеса, ткавшаяся из чистого льна. Из белой, алой, голубой и пурпурной льняных нитей. И были на ней вышиты звезды небесные. Висела один год, после чего благоговейно снималась и уносилась в храмовое хранилище; на ее месте утверждалась новая. Ткали ее девственницы, жившие при храме; и Дева Мария, живя до обручения при храме, верно, тоже ткала такие завесы вместе с остальными.

И вот разорвалась льняная завеса надвое – сверху донизу. И льняные скатерти со звездами, что ткались в Гаврилове-Яме для кремлевских пиров, разорвались надвое. И потемнело небо, и звезды над Кремлем померкли. И мертвые вышли из своих гробов и бродили по улицам, и трудно было отличить их от живых.

25 октября 1937 года ее арестовали.

Основанием стали показания ткача льнопрядильной фабрики «Заря социализма» Федора Липатова. В апреле 1937 года он якобы видел через неплотно зашторенное оконце, как в доме Даниловой собрались шесть человек, в том числе и три священника.

Все эти лица тесно между собой связаны и среди населения ведут контрреволюционную повстанческую деятельность. Исходя из этого, я заключаю, что в поселке Гаврилов-Ям существует церковно-повстанческая группировка, возглавляемая бывшим попом Суворовым.

Потом, в 1956 году, когда управление КГБ по Ярославской области вернется к делу Даниловой, Липатов полностью откажется от своих показаний. По его словам, его вызвали тогда в райотдел НКВД и дали подписать заранее отпечатанный протокол допроса. А когда он отказался, стали давить. Боясь, что его самого арестуют, он и поставил свою подпись.

А тогда Даниловой было предъявлено обвинение: «участие в контрреволюционной церковно-повстанческой группировке, участие в нелегальных сборищах, погромно-повстанческая пропаганда».

Серьезное обвинение.

16 ноября 1937 года решением «тройки» при УНКВД по Ярославской области Данилова Мария Федоровна, беспартийная, русская, была приговорена к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Как выслушала этот приговор Мария Федоровна, мы не знаем. Сказала ли что, или промолчала, и что отобразилось на лице этой еще не старой женщины... Это не заносилось в документы, об этом не объявлялось по радио и не сообщалось в газетах.

В газетах же в тот день сообщалось о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР, которая шла полным ходом.

В доме № 32 по Суворовской улице большое оживление. Много света, играет оркестр, к импровизированной трибуне сходятся домашние хозяйки, рабочие, служащие, бегают, суетятся ребяташки.

Доверенный 17-го избирательного участка тов. Муханов открыл митинг жильцов этого дома. Выступают домашние хозяйки, активисты тт. Татарушина, Клевцова, Хацет, Куликова и другие. Они говорят о счастье голосовать за товарища Сталина.

Домашняя хозяйка тов. Клевцова сказала:

– Голосовать за Сталина – это значит голосовать за наше счастье, за новые победы социализма!

(«Правда», 16 ноября 1937 года)

В Гаврилове-Яме не забывали Марию Федоровну.

Хоть опасно было, а не забывали – слали ей в лагерь посылки.

Последний раз, уже после войны, отправили валенки, чтобы не мерзла. Только валенки обратно вернулись. И квитанция, что Данилова М.Ф. получить их не может, по причине своей смерти. И по этой же причине ни в каких валенках и других теплых вещах более не нуждается.

В 1956 году постановлением областного суда решение «тройки» УНКВД в отношении Даниловой было отменено, «за недоказуемостью предъявленного обвинения».

Еще через тридцать пять лет, в 1991 году, Никольский храм был возвращен верующим, начались восстановительные работы. Колокольню, конечно, не восстановили, да и купол прежний тоже. Но службы идут; стало быть, то, ради чего Мария Федоровна старалась, произошло. Добилась она все-таки своего. С того света, из Царства Небесного – добилась...

А вот с Гаврилов-Ямским льнокомбинатом, где Мария Федоровна работала, сложилось не так хорошо. К концу девяностых производство льна в России упало в пять раз; сырье подорожало, ткать стало невыгодно. В 2008 году в Гаврилов-Ям была переведена московская «Трехгорная мануфактура», завезли станки, стали ткать «фальшивый лен», с хлопчатобумажной нитью. Но и это комбинат не спасло. В 2013-м был он объявлен банкротом и закрыт. Что скажешь – жаль...

А сама Мария Федоровна Данилова в 2000 году была причислена Архиерейским собором Русской Церкви к лику новомучеников и исповедников. В Никольском храме был освящен в честь нее придел. Икону писали по трем маленьким фотографиям, оставшимся от нее: одна со сданного партбилета и две из уголовного дела. По словам прихожанок, помнивших ее, иконописный образ внешне вышел на их Марию Федоровну не очень похожим; но вот духовное сходство – да, удалось передать...

По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб.

Медленно и осторожно идут Марии к Его гробу.

Две, три... десятки, сотни... тысячи. Зовут их всех по-разному, но все они – Марии, «горькие». Горькие Его сестры, скорбные ученицы.

Идут через пыльные степи, через ледяные сибирские леса, через волнующиеся

Календарные страницы *главного редактора*. Мария из Гаврилова-Яма

хлеба, через полыхающий синевою лен. Поклониться и поплакать от сердца над Его Телом. Тихо, несуетно поплакать, без обычного бабьего воя.

«Только кто нам отвалит камень? – спрашивают они друг друга. – Кто нам камень от гроба отвалит?».

А вот и Его гроб... Вот он, все ближе. Весь горит в первых лучах. И камень отвален. И ангел у входа стоит.

150-летие Ташкентской епархии, закладка нового храма и другие события

Вторая половина 2021 года проходила под знаком 150-летнего юбилея Ташкентской и Туркестанской епархии. Поэтому обзор начнем с событий, приуроченных к этой памятной дате.

VIII культурно-просветительские чтения «Судьбы христианства в Средней Азии: история и современность» прошли 9 сентября в конференц-зале Духовно-просветительского центра Ташкентской и Узбекистанской епархии. Конференция была посвящена нескольким знаменательным датам: юбилею епархии и 10-летию образования Среднеазиатского митрополичьего округа. В чтениях приняли участие сотрудники епархиального управления, преподаватели и студенты Ташкентской Православной духовной семинарии (ТПДС), представители дипломатического корпуса и национальных культурных центров.

Дни духовной культуры России в Узбекистане торжественно открылись 17 сентября в Ташкенте, в епархиальном Духовно-административном центре. В рамках этого важного мероприятия состоялась презентация сразу двух выставок: фотографий Русского географического общества «Уникальная Россия» и детского рисунка – «Российская жемчужина». Соорганизаторами выставок выступили Министерство культуры Российской Федерации, Представительство Россотрудничества в Узбекистане, а также Посольство Российской Федерации в Узбекистане.

25 сентября, в рамках Дней духовной культуры России в Узбекистане, на соборной площади перед ташкентским Успенским кафедральным собором состоялся концерт Московского Синодального хора; были исполнены избранные богослужебные песнопения. На следующий день, 26 сентября, хор выступил в Свято-Троице-Георгиевском мужском монастыре Чирчика.

13 октября митрополит Викентий совершил великое освящение в часовне во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» на ташкентском Боткинском кладбище. Теперь часовня стала полноценным храмом.

25 октября в Духовно-просветительском центре состоялись региональные образовательные Рождественские чтения. В этом году мероприятие совпало со временем проведения международной книжной выставки-форума «Радость слова» и было посвящено 150-летию Туркестанской епархии. Основная тема Чтений – «350-летие со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». С докладами выступили гости из Москвы, студенты ТПДС и сотрудники епархии.

Гость Чтений, заместитель главного редактора издательского дома «Познание» при Общецерковной аспирантуре и докторантуре им. святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия Алексей Головин передал в библиотеку ТПДС учебники из серии «Бакалавр теологии». На конференции была представлена книга митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) «Евангелие Достоевского» и другие последние труды иерарха.

10 ноября в епархиальном Духовно-административном центре прошла международная научно-просветительская конференция в честь 150-летнего юбилея образования Ташкентской и Туркестанской епархии. Перед началом конференции в фойе епархиального управления были открыты две выставки – одна об истории епархии, а другая – о жизни митрополита Гурия (Егорова) и его служении в Ташкентской епархии, приуроченная к 130-летию со дня его рождения.

С приветственным словом к участникам конференции обратились митрополит Волгоградский и Камышинский Феодор (Казанов), митрополит Челябинский и Миасский Алексей (Орлов), епископ Ейский и Тимашевский, управляющий Душанбинской епархией Павел (Григорьев), священнослужители из Омской и Екатеринбургской митрополий, заместитель муфтия Узбекистана Иброхим-Хазрат Иномов, заместитель председателя Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан Бекзод Кадыров, представители дипломатического корпуса, руководители культурных центров.

На следующий день, 11 ноября, архипастыри, пастыри и миряне, приехавшие в столицу Узбекистана на празднование 150-летия Ташкентской епархии, молились за Литургией в храме святого благоверного великого князя Александра Невского на Боткинском кладбище столицы. По окончании Литургии была совершена заупокойная лития на могилах святителей Ташкентских: митрополитов Никандра (Феноменова), Арсения (Стадницкого), архиепископа Гавриила (Огородникова), а также архимандрита Бориса (Холчева) – в этот день исполнилось 50 лет со дня его блаженной кончины. В тот же день в Духовно-административном центре епархии прошел Синод Среднеазиатского митрополичьего округа.

12 ноября, в день, когда 150 лет назад Святейший Синод Русской Православной Церкви назначил на недавно учрежденную Ташкентскую кафедру первого правящего архиерея епископа Софонию (Сокольского), в ташкентском Успенском соборе была отслужена Божественная литургия, а накануне вечером – Всенощное бдение. Богослужения совершил глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий в сослужении митрополита Волгоградского и Камышинского Феодора, митрополита Екатеринбургского и Верхо-

турского Евгения (Кульберга), митрополита Челябинского и Миасского Алексея, временно управляющего Патриаршими приходами в Туркменистане архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта (Журьянова), епископа Скопинского и Шацкого Питирима (Творогова), епископа Ейского и Тимашевского, управляющего Душанбинской епархией Павла, епископа Златоустовского и Саткинского Викентия (Брылеева), духовенства Ташкентской епархии и других епархий. Впервые Богослужения в ташкентском храме транслировались в прямом эфире на телеканале «Союз».

Вечером того же дня торжественный акт, посвященный 150-летию образования Ташкентской и Туркестанской епархии, состоялся в Государственном академическом Большом театре оперы и балета им. А. Навои. В концертной программе приняли участие солисты российской арт-группы «LARGO». Прямая трансляция концерта также велась на телеканале «Союз».

11–12 декабря в рамках юбилейных торжеств Ташкентскую епархию посетил митрополит Минский и Заславский Вениамин (Тупеко), экзарх всея Беларуси.

19 декабря состоялось Совместное заседание Синодов Казахстанского и Среднеазиатского митрополичьих округов Русской Православной Церкви. Совместный Синод был посвящен 150-летию образованию Туркестанской епархии. Председательствовали на Синоде глава Казахстанского митрополичьего округа митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилёв) и глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий. В заседании Синода также приняли участие: архиепископ Уральский и Актюбинский* Антоний (Москаленко), управляющий делами Казахстанского митрополичьего округа епископ Каскеленский Геннадий (Гоголев), викарий Астанайской епархии, епископ Павлодарский и Экибастузский Варнава (Сафонов), епископ Карагандинский и Шахтинский Севастиан (Осокин), епископ Усть-Каменогорский и Семипалатинский Амфилохий (Бондаренко), епископ Кокшетауский и Акмолинский Серапион (Колосницын), епископ Бишкекский и Кыргызстанский Даниил (Кузнецов), епископ Петропавловский и Булаевский Владимир (Михейкин), епископ Душанбинский и Таджикистанский Павел.

Накануне, 18 декабря, состоялась закладка первого камня нового храма в Ташкенте в честь и память Преображения Господня.

Чин освящения первого камня в основании нового храма совершили архиереи Среднеазиатского и Казахстанского митрополичьих округов, митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилёв) и глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий. Свято-Преображенский храм будет построен в Янги-Хаётском районе Ташкента (массив Дустлик-2). Храм будет представлять собой копию Преображенского собора, который находился на территории нынешней Площади независимости и был разрушен в 1930-е годы.

* 24 марта 2022 г. решением Священного Синода РПЦ в связи с образованием Актюбинской епархии титул изменен на «Уральский и Атырауский».

19 декабря, в день памяти святителя Николая Чудотворца, архиереи совершили Божественную литургию в Свято-Успенском кафедральном соборе города Ташкента.

«Православие и ислам: сохранение традиционных семейных ценностей в современных условиях глобализации» – конференция с таким названием впервые прошла 20 декабря в Ташкенте, в гостинице Radisson Blu. Ее организаторами стали Ташкентская и Узбекистанская епархия, Духовное управление мусульман Узбекистана при поддержке Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан, Международного женского общественного Фонда Sharq Ayoli («Женщина Востока»), а также Русского культурного центра Узбекистана. Конференция стала завершающим мероприятием, посвященным 150-летию юбилею Ташкентской и Туркестанской епархии.

О других событиях.

15 июля Свято-Успенский кафедральный собор Ташкента и епархиальный Духовно-административный центр посетил глава внешнеполитического ведомства Российской Федерации Сергей Лавров.

Заседание исторического клуба, посвященного Дню принятия христианства на Руси, прошло 28 июля, в малом конференц-зале Духовно-административного центра епархии. Оно было организовано просветительским отделом Ташкентской епархии, Российским центром науки и культуры в Узбекистане, а также Русским культурным центром в Узбекистане.

30 июля в Узбекистане отмечается День дружбы народов. Накануне, 29 июля, в Интернациональном культурном центре митрополиту Викентию был вручен орден «Дружбы народов».

30 октября 2021 года, в день памяти преподобномученика Андрея Критского, был отмечен 30-летний юбилей ташкентского Свято-Владимирского храма на кладбище Домбрабад. В этот день митрополит Викентий совершил на приходе Божественную литургию и вручил бессменному настоятелю храма, протоиерею Игорю Балухатину, епархиальную награду – орден святителя Луки II степени.

15 декабря в Успенский собор было доставлено несколько святынь – мощевик с частицей мощей священномученика Александра Нижнетурина, а также гвоздь, которым был пригвожден ко Кресту Господь наш Иисус Христос.

Печальное событие постигло нашу епархию в августе 2021 года. 8 августа от осложнений после коронавирусной инфекции почил насельник Свято-Троице-Георгиевского мужского монастыря иеросхимонах Гавриил (Назаров). Чин отпевания священнослужителя совершил 9 августа митрополит Викентий в стенах святой обители.

Завершает обзор событий информация о хиротониях.

В праздник святых славных первоверховных апостолов Петра и Павла, 12 июля, в сан иеродиакона был рукоположен монах Макарий (Ютиш), насельник Свято-Троице-Георгиевского мужского монастыря города Чирчика, студент Факультета богословия имени Думитру Стэнилоае, при университете Александру Иоана Кузы г. Яссы (Румыния).

4 ноября, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий за Божественной литургией рукоположил студента IV курса ТПДС Игоря Максудова в сан диакона.

Сразу две хиротонии во время Божественной литургии совершил 7 ноября митрополит Викентий в кафедральном соборе Успения Пресвятой Богородицы города Ташкента. По Великом входе в сан священника был рукоположен клирик собора диакон Александр Боготобин, выпускник ТПДС, а после Евхаристического канона в сан диакона был рукоположен студент четвертого курса ТПДС Максим Мурадов.

13 декабря, в день памяти святого апостола Андрея Первозванного, архипастырь за Божественной литургией в Свято-Успенском кафедральном соборе города Ташкента рукоположил студента третьего курса ТПДС монаха Мефодия (Абдусайдова) в сан иеродиакона.

Ссылное духовенство в письмах и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий) в Средней Азии*

Возвратить... образ мыслей праведников (Лк. 1, 17)

ЧАСТЬ 3. Ташкент, 1927–1933. Опальный митрополит на покое

В биографии митрополита Арсения события с марта по сентябрь 1927 года остаются белым пятном. Когда он покинул Полторацк? Сразу ли поехал в Ташкент? Не был ли в заключении? Ответов на эти вопросы мы не находим.

28 марта истек трехгодичный срок его ссылки. В этот день или на месяц раньше (мнения биографов расходятся) митрополиту Арсению было разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии. Это еще не давало репрессированным права покинуть место ссылки. Архиереи и после освобождения оставались под надзором сотрудников ОГПУ, и разрешение на покупку железнодорожного билета могли выдать только они.

В любом случае, уже в середине мая митрополита Арсения в Полторацке не было. Это следует из речи Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) на совещании по подготовке указа об учреждении Временного Патриаршего Синода, которое проводилось 18 мая 1927 года:

Сверх присутствующих здесь мною приглашен также Преосвященный митрополит Новгородский Арсений. К сожалению, вследствие перемены им местожительства, письмо, посланное по старому адресу, очевидно, задержалось в дороге, и ответа от митрополита Арсения не получено¹.

Вскоре переписка возобновилась: 26 июля 1927 года митрополит Арсений писал Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. Откуда владыка Арсений послал это письмо, не указано, может быть, из Ташкента, поскольку речь в нем шла о

* Продолжение. Начало в №№ 2-3 (LVI-LVII), 2021.

проблемах ташкентской кафедры². Судя по некоторым документам из фонда митрополита Туркестанского Никандра³, осенью 1927 года владыка Арсений точно уже был в Ташкенте. Здесь он общался с владыкой Лукой, который рассказал затем об этом в автобиографии.

Воспоминания святителя Луки (Войно-Ясенецкого) о событиях 1926–1930 годов

Он [протоиерей Михаил Андреев] неоднократно писал обо мне Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию⁴ и даже ездил к нему, и сумел восстановить против меня Местоблюстителя, от которого в сентябре того же года я получил три быстро следовавших один за другим указа о переводе меня с епархиальной Ташкентской кафедры в город Рыльск Курской области викарием, потом – в город Елец викарием Орловского епископа и, наконец, в Ижевск епархиальным епископом. Я хотел безропотно подчиниться этим переводам, но митрополит Новгородский Арсений, живший тогда в Ташкенте на положении ссылного и бывший в большой дружбе со мной и моими детьми, настойчиво советовал мне никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой. Мне казалось, что я должен последовать совету маститого иерарха, бывшего одним из трех кандидатов на Патриарший престол на Соборе 1917 года. Я последовал его совету и был уволен на покой в 1927 году. Это было началом греховного пути и Божиих наказаний за него. Меня как епископа Ташкентского заменил митрополит Никандр, также бывший ташкентским ссылным. Занимаясь только приемом больных у себя на дому, я, конечно, не переставал молиться в Сергиевском храме на всех богослужениях, вместе с митрополитом Арсением стоя в алтаре⁵.

Владыка Лука датировал все три назначения сентябрем 1926 года. Именно в этом году ташкентский протоиерей Михаил Андреев, рассорившись со своим правящим архиереем, ездил в Нижний Новгород жаловаться Заместителю и просить восстановить его в служении. В действительности, между первым из этих назначений – в Рыльск (15 сентября 1926 года) и последним – на самостоятельную к тому времени Елецкую кафедру (5 октября 1927 года) прошел год; перемещение на Ижевскую кафедру предполагалось, скорее всего, также осенью 1927 года. В автобиографии, которую владыка Лука диктовал в 1950-х годах, иногда встречаются свойственные мемуарам неточные датировки. Скорее всего, именно эта неточность в описании эпизода с тремя несостоявшимися назначениями привела к ошибочному выводу, что с 1926 года митрополит Арсений проживал в Ташкенте⁶.

Трудно сказать, о каких именно назначениях шла речь, когда владыке Луке был дан совет уйти на покой; о причинах отказа принять эти назначения в автобиографии ничего не сказано. Возможно, причина была в том, что митрополит Арсений и епископ Лука не хотели поддерживать новую церковную политику митрополита Сергия: полная лояльность советской власти, замалчивание гонений на Церковь, осуждение зарубежного епископата и так далее. Эти принципы были провозглашены в так называемой Декларации от 27 июля 1927 года, подготовленной начальником 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Евгением Тучковым и подписанной членами Временного Патриаршего синода. Митрополит Сергей пошел на это соглашение с властями ради легализации высшего церковного управления,

епархиальной деятельности и возможности созвать Архиерейский собор для выборов Патриарха. Но митрополит Арсений как ранее, так и в конце 1920-х не желал никакого сотрудничества с властями и отказался подписать этот документ – потому-то и оставлен был в ссылке. Не разрывая общения с Заместителем и новым правящим Туркестанским архиереем митрополитом Никандром, владыка Арсений решил устраниваться от дел высшего церковного управления, организованного митрополитом Сергием. Он сам не принимал назначений, оставаясь на покое и сохраняя титул митрополита Новгородского до 1933 года, и владыке Луке настойчиво советовал никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой.

Долгое время оппозиционные взгляды митрополита Арсения замалчивались историками, но среди современных исследователей немало есть таких, которые, как священник Александр Мазырин, однозначно утверждают, что «не отделяясь от Заместителя и формально состоя членом его Синода, он довольно критически относился к его деятельности и фактически оставался на положении вечно ссылного в Средней Азии»⁷.

О том, что митрополит Арсений не поддерживал новой политики митрополита Сергия, было известно многим его современникам. За границей полагали, что владыка «из туркестанской ссылки безбоязненно писал митрополиту Сергию свой протест против его соглашения с богоборческими властями и отрицал всякую возможность компромисса с ними»⁸. В России епископ Глазовский Виктор (Островилов), оправдывая свое отделение от Заместителя, утверждал, что

...с обличением митрополита Сергия выступил целый сонм архипастырей: митрополиты (Иосиф [Петровых], Агафангел [Преображенский], Арсений [Стадницкий]), архиепископы, епископы и множество отдельных пастырей, которые заявляют митрополиту Сергию, что они не могут далее признавать его за руководителя Православной Церкви, а будут управляться самостоятельно до времени⁹.

В ответ на подобные заявления митрополит Арсений замечал в письме от 10 апреля 1928 года, «что он никому не давал никаких полномочий вписывать его имя в число оппозиционеров, хотя и мог иметь по неосведомленности кое-какие недовольства на некоторые поступки Заместителя и что действия митр. Агафангела, митр. Иосифа, еп. Димитрия [Любимова] и иже с ними он отнюдь не одобряет»¹⁰. Одно имя митрополита Арсения могло стать знаменем для всех недовольных новым направлением церковной политики и увести от канонической высшей церковной власти существенную часть епископата. Владыка категорически этого не желал: угроза раскола для него была большим злом, чем «некоторые поступки Заместителя».

В апреле 1928 года, пытаясь предотвратить раскол, митрополит Арсений писал митрополиту Ленинградскому Иосифу (Петровых)¹¹:

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко. «Глаголеши, яко богат есмь и обогатихся и ничтоже требую: и не веси, яко ты еси окаянен и беден, и нищ, и слеп, и наг»¹². Надобно нам беречься, да не сбудется на нас сие слово Писания. Должно нам помнить, что под сиянием архиерейских риз носим мы смиренные монашеские одежды.

Вспомни и ты, что это я постригал тебя в образ монашеский, каковой есть образ святого послушания. Вспомни и выслушай: чье дело делаешь, учиняя в Церкви раздор, дело Божие или вражие? Рассудок в тебе силен, знаю, так сам рассуди. Скорбит душа моя о тебе, дорогое мое чадо¹³.

Определиться с отношением к Декларации 1927 года и к событиям, за ней последовавшим, было очень непросто. Чтобы представить, как митрополит Арсений и люди его круга переживали эти события, обратимся к воспоминаниям Надежды Юрьевны Фиолетовой¹⁴, которая вместе со своим мужем, Николаем Николаевичем Фиолетовым¹⁵, проживала в Ташкенте с 1924-го по 1931-й годы. Николай Фиолетов до революции был профессором церковного права, затем участвовал в Поместном Соборе, преподавал в вузах; в Ташкенте он также серьезно интересовался церковной политикой, изучал проблемы отношений Церкви и государства в современном религиозном сознании. В доме Фиолетовых бывали многие преподаватели и священнослужители, проводились религиозно-философские диспуты, занятия по углубленному изучению Евангелия, богословские курсы для молодежи. Надежда Юрьевна, сама имевшая философское образование, принимала участие в занятиях супруга. У нее была возможность не только близко познакомиться с митрополитом Арсением, но и оценить его отношение к проблемам церковной политики. Кроме того, ее воспоминания интересны как редкое свидетельство очевидца православной жизни Ташкента тех лет.

Из воспоминаний Надежды Фиолетовой о событиях 1927–1929 годов

Духовная жизнь в Ташкенте была своеобразной, сложной, полной драматических событий. Крупный пересыльный пункт, Ташкент был в то же время городом ссылных. Тюрьмы всегда были полны людей, отправляемых в еще более отдаленные края, вроде, например, Душанбе, бывший в то время большим таджикским кишлаком в предгорьях Тянь-Шаня. В самом Ташкенте проживало много отбывавших трехлетний срок вольной ссылки после выхода из концлагерей, главным образом, из Соловков, – все люди, осужденные по 58 ст. уг. кодекса, как политически неблагонадежные. Среди них больше всего было высланных за идеологию: духовенства, монахов и монахинь, активных мирян, сектантов всякого рода и просто богоискателей. Много было также попавших в Соловки (а оттуда в Ташкент) случайно, по самым нелепым поводам.

<...> Ссылные жили свободно, снимая частные квартиры у местных жителей, и были обязаны только явкой в определенные дни для регистрации в органах ГПУ. Жили большей частью впроголодь, заводили знакомства в самых разнообразных кругах ташкентского общества и являлись активными рассадниками всякого рода «идеологий». Узбеки относились к ним сочувственно, принимали их в свои дома, сдавали хибарки.

В европейской части города среди семей верующих встречались дома, в которых охотно принимали сосланное или пересылаемое духовенство, организовывали помощь одеждой и питанием. Некоторые постоянно носили передачи в тюрьмы, узнав каким-либо образом, что там томятся ссылные по религиозным делам. В одном из таких домов, в котором бывали и мы, постоянно находили приют временно оставляемые в Ташкенте до назначения нового места жительства ссылные из духовного звания. Среди них были и епископы. В этот дом хаживал и правящий ташкентский епископ Лука, с которым Николай Николаевич познакомился в первый же свой приезд¹⁶.

<...> Другую, не менее примечательной личностью, был опальный митрополит Арсений, в прошлом государственный сановник, первоприсутствующий член при правительствующем Синоде, бессменный председатель Собора в отсутствие патриарха, доктор богословских наук. Жил он в Ташкенте в вольной ссылке, снимая <...> у узбеков малюсенькую комнатушку с терраской, выходявшей прямо во двор. <...> Он ходил в узбекском халате, что, помню, меня поразило, сам стряпал себе пищу и жил в убогости и смирении, но и в этом униженном виде сказывался вельможа до мозга костей.

Н[иколай] Н[иколаевич] бывал у него несколько раз, однажды вместе с Василием Михайловичем Комаревским¹⁷, и он бывал в нашем доме, один раз, вспоминается, вместе с правящим м[итрополитом] Никандром <...>. Были они очень тронуты, когда мы их усадили за стол в глубоких креслах, – отвыкли от такого почета в мирском обществе. М[итрополит] Арсений был сослан в Ташкент за оппозицию м[итрополиту] Сергию. По этому вопросу, главным образом, и шла у него беседа с Н[иколаем] Н[иколаевичем], встречавшимся с ним еще в бытность свою на Соборе. <...> В Ташкенте Владыка Арсений, гонимый, испытавший арест, тюрьму и ссылку, очень смирился и просто, радушно, с большим доброжелательством встретился с ним и был, как казалось, благодарен, что не забывают его. Помню, как в день его Ангела я преподнесла ему, по совету Н[иколая] Н[иколаевича] и В[асилия] М[ихайловича], букет цветов. Он был обрадован этим небольшим знаком внимания и все приговаривал: «Любили меня дамочки в свое время, любили». В бытность свою в Ташкенте владыка Арсений был в упадочном настроении, считал положение Церкви крайне тяжелым, и когда, кажется, В.М. [Комаревский], в разговоре заметил, что «Врата адовы не одолеют ее», – он с горечью ответил: «Уже одолели». Во время встречи двух владык в нашем доме – опального м[итрополита] Арсения и правящего м[итрополита] Никандра, разговор также все время велся о положении Церкви, об отношении к м[итрополиту] Сергию и его точке зрения на текущий момент и церковную политику. Видимо, эта встреча дала повод к обвинению Н[иколая] Н[иколаевича] в том, что он, якобы, является негласным консультантом по церковным делам при правящем митрополите. На следствии ему пришлось выяснять различие между официальной точкой зрения, защищавшейся м[итрополитом] Никандром, и оппозицией, в которой был Владыка Арсений. По возвращении из тюрьмы он довел до сведения обоих митрополитов о своем показании у следователя. М[итрополит] Арсений был несколько недоволен, но уже после нашего отъезда он написал примирительное письмо к м[итрополиту] Сергию, был принят последним в общении и после смерти м[итрополита] Никандра назначен им на Ташкентскую кафедру¹⁸.

<...> Николай Николаевич очень ценил эти встречи с церковными людьми, только в этой среде он чувствовал себя в своей тарелке, одушевлялся, расцветал, держался непринужденно, был весел и разговорчив, и они также относились к нему с большой симпатией, невзирая на разность положения. Тема Церкви, ее положения в обществе, отношение к ней государственной власти, ее грядущие судьбы волновали его чрезмерно, иной раз до слез: в такие минуты он ходил быстрыми шагами по комнате, нервные подергивания усиливались, лицо бледнело, он чуть не плакал, пока этот приступ тоски, тревоги, печалования не проходил, и он снова возвращался к своему обычному легкому, я бы сказала, жизнерадостному настроению. Житейские неудачи, которых было достаточно на его веку, волновали его куда меньше.

Самым острым вопросом, который неизменно поднимался как в церковной среде, так и в обществе, собиравшемся у Л.В. Успенского¹⁹, был вопрос об отношении к м[итрополиту] Сергию, Местоблюстителю патриаршего престола²⁰. В церковных кругах этот вопрос имел прежде всего практическое значение: то или иное отношение к м[итрополиту] Сергию определяло степень легальности церковного деятеля. <...>

Среди церковных деятелей, таких как м[итрополит] Арсений или еп[ископ] Андрей [Ухтомский], вызывало критику провозглашение себя митр[ополитом] Сергием «Место-

блюстителем патриаршего престола» при жизни м[итрополита] Петра, преемственно принявшего власть местоблюстителя от самого Святейшего патриарха Тихона, тогда как Сергей был всего только «местоблюстителем местоблюстителя» впредь до возвращения м[итрополита] Петра²¹.

Итак, Надежда Фиолетова называет митрополита Арсения «опальным митрополитом», уверяя, что в ссылке он оставался из-за несогласия с новым курсом церковной политики митрополита Сергея и критиковал его за превышение полномочий. С этим трудно не согласиться. Вызывает сомнение только фраза, в которой сообщается, что митрополит Арсений «написал примирительное письмо к митрополиту Сергию и был принят в общение» *после* отъезда Фиолетовых из Ташкента в 1931 году. Скорее всего, Надежда Юрьевна не знала о том, что, находясь в оппозиции, владыка Арсений не только не прерывал общения с Заместителем, но даже участвовал в церковной жизни Туркестанской епархии. Об этой его деятельности свидетельствуют несколько фрагментов из переписки митрополита Сергея с ташкентскими архиереями.

Из письма митрополита Арсения митрополиту Сергию от 26 июля 1927 года

Преосвященный Лука [Войно-Ясенецкий] очень хорош в Ташкенте, однако опасюсь, что уж слишком хорош. В будущем он может принести очень много пользы на ниве Божией. А покамест надо бы побережь его для лучших времен²².

Из письма митрополита Сергея митрополиту Никандру от 31 августа 1928 года²³

Высокопреосвященнейший Владыко!

Пишу Вам и одновременно Преосвященному Луке по поводу недоразумения из-за письма А[рхиепископа] Дионисия²⁴.

Дело в том, что от Е[пископа] Луки я получил письмо, начинающееся так: «Преосвященный Митрополит Никандр писал Вам о том, что я очень томлюсь своим вынужденным “напокойным” состоянием и хотел бы получить от Вас назначение на какую-либо кафедру. Это верно, но, как ни мучительно быть отторгнутым от престола Божия, состояние моего здоровья не позволяет мне уехать из Ташкента». Далее говорится о болезни сердца, требующей до осени особого ухода. После: «Это, слава Богу, еще не окончательная инвалидность, сердце мое должно оправиться от причиненного рожей вреда и, если бы я мог оставаться в Ташкенте, то был бы способен нести архиерейское служение, может быть, еще долго (мне 50 лет). Мыканье же из епархии в епархию неизбежно доканает мое сердце». Последнее предложение легко принять за совершенно прозрачный намек на необходимость для Е[пископа] Луки получить осенью именно Ташкентскую кафедру. Присоедините к этому и неоднократные случаи прошений от почитателей Е[пископа] Луки об оставлении его в Ташкенте. И вот создалось впечатление, что за Е[пископа] Луку просят, и сам он эти просьбы поддерживает своим письмом. Очевидно, кто-то из членов Синода в разговорах кулуарных повторил эту мысль, а А[рхиепископ] Дионисий услышал и, перепугавшись за прот[оиерея] Андреева, поспешил ему написать.

Как видите, Е[пископ] Лука виноват только в некоторой неосторожности при описании своей болезни; он никакого прошения о Ташкентской кафедре сюда не присылал <...>

Поклон Вл[адыке] Арс[ению]

Прошу молитв

Преданный Вам

М[итрополит] Сергей²⁵.

Письмо митрополита Сергия митрополиту Арсению за 1929(?) год

Высокопреосвященный Владыко! Сообщают мне о возникшем в Ташкенте несогласии между достойными служителями Церкви, митрополитом Никандром и епископом Лукою, протоиереем М. Андреевым. Во всем этом не нахожу ничего, кроме взаимного неразумия. Усердно прошу Вас употребить Ваше влияние для того, чтобы остудить горячие головы. Испрашивая молитв Ваших, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою. Митрополит Сергей²⁶.

Примирение священнослужителей Ташкента состоялось²⁷. Находящиеся на покой митрополит Арсений и епископ Лука с разрешения правящего митрополита Никандра молились за богослужением в алтаре Сергиевского храма Ташкента, служили архиерейским чином в церкви пригородного поселка Куйлюк²⁸. Затем, после закрытия кафедрального Сергиевского храма в октябре 1930 года, владыка Арсений сослужил правящему митрополиту Никандру в церкви, устроенной в часовне в честь Богородичной иконы «Всех скорбящих Радость» на городском Боткинском кладбище²⁹.

Здесь, у стен Скорбященской часовни, 3 марта 1933 года митрополит Арсений возглавил чин отпевания митрополита Никандра и в том же году, 11 августа, занял Туркестанскую кафедру.

ЧАСТЬ 4. Ташкент, 1933–1936. Правящий Туркестанский архиерей

В Туркестанской епархии, раскинувшейся на более чем полутора миллионах квадратных километров Средней Азии и Казахстана, в это время оставалось всего около двадцати пяти храмов, и количество их быстро сокращалось из-за вновь усилившихся гонений на Церковь. Клир кафедрального собора в это время по-прежнему был приписан к Скорбященской часовне, и вся огромная староцерковная община Ташкента молилась у ее стен, стоя на тропинках среди могил Боткинского кладбища. Как вспоминают многие, здесь владыка произносил замечательные проповеди, нередко сам управлял хором и даже пел на клиросе как простой певчий. Долго еще сохранялись в храмах Узбекистана традиции церковного пения, заложенные митрополитом Арсением.

Обстоятельства, в которых совершалось служение митрополита Арсения в Ташкенте, сохранились в воспоминаниях митрополитов Гурия (Егорова)³⁰, Иоанна (Вендланда)³¹, архимандрита Клавдиана (Моденова)³².

Из воспоминаний митрополита Гурия Егорова

В эти тяжелые годы внешнего торжества обновленчества православные г. Ташкента собирались под открытым небом у часовни на кладбище. Кто из православных не помнит этих трогательных богослужений на лоне природы, голубую мантию митрополита, просвечивающуюся сквозь стволы и листву деревьев, одушевление молящейся толпы, твердость духа верующих и их архипастыря, подвергавшихся иногда серьезным испытаниям от проливного дождя или крепких крещенских морозов. Кто не помнит длинных, но всегда интересных проповедей митрополита Арсения, приковывавших к себе внимание толпы³³.

Из воспоминаний митрополита Иоанна (Вендланда)

В огромном Ташкенте была только одна церковь на кладбище, и то в виде небольшой часовни. И еще одна, обновленческая, на том же кладбище. К концу 30-х годов обе эти церкви закрыли. Таким образом, спокойно помолиться можно было только дома. Когда мы приехали, еще существовали обе церкви. Православные собирались около часовни, под открытым небом, в тени деревьев. Среди толпы можно было увидеть величественную фигуру архиепископа Луки Войно-Ясенецкого. Он не служил, но стоял в рясе и не отказывал в своем благословении желающим. Тогда он – профессор хирургии – работал в Ташкентском медицинском институте. А епархией управлял митрополит Арсений, очень известный архиерей.

Чтобы узаконить свое каноническое положение, отец Гурий отправился к митрополиту Арсению. <...> Митрополит благословил отцу Гурию служение Литургии в домашних условиях и дал для этого антиминос³⁴.

Рассказ архимандрита Клавдиана (Моденова)

В переполненном молящимися соборном храме Ташкента, перед литургией, готовятся к встрече митрополита. Момент торжественный и напряженный; все в ожидании. Сонм духовенства уже выстроился, по обычаю, в два ряда у входных дверей собора; недостает в этом сонме лишь самого ответственного лица – служащего протоиерея, древнего старца, обязанного встретить митрополита в дверях храма с Крестом на блюде. Митрополит вот-вот должен прибыть, а старца с Крестом все нет: он замешкался в алтаре и отстал от «встречи», т.е. всего сонма, выстроенного у входа, и, буквально, прибежал, впопыхах, когда митрополит уже вошел и стоял, крайне разгневанный такой оплошностью, ибо отсутствие Креста задерживало весь дальнейший ход богослужебного ритуала и создавало неприятную паузу...

Среди духовенства, естественно, создалось полное замешательство и растерянность; все вопросительно поглядывали в направлении алтаря...

В связи со всем этим и невзирая на многолюдство и торжественность обстановки, прибежавшему, наконец, с Крестом старцу-протоиерею митрополит, в крайней степени раздражения, выговорил резкую и длинную нотацию, во время которой несчастный провинившийся батюшка так сильно трясся от волнения, что блюдо с Крестом дребезжало в его руках.

И конечно, после такого тягостного начала, во время пения входных песнопений и чтения входных молитв, служащие батюшки недоумевали, каким образом митрополит будет совершать литургию в сослужении сего провинившегося старца, столь резко нарушившего необходимую молитвенно-богослужебную настроенность в храме.

Недоумение это, однако, тут же и самым неожиданным образом разрешилось ко всеобщему удовлетворению, благодаря редкому в наше время смиренномудрию Святителя.

По окончании входных молитв, перед тем как обернуться на более к западу и благословить народ, прежде шествования для облачения на кафедру, митрополит, стоя перед Царскими вратами, приказал немедленно позвать к себе провинившегося протоиерея и, когда тот явился, заранее тряхаясь, ожидая еще нового добавления к полученному уже выговору, — митрополит Арсений, сам уже глубокий старец, неожиданно повернулся к нему, с трудом опустился на колени и поклонился в землю, прося прощения. А затем, встав, сказал ему сердечно и просительно, чтобы в будущем он исправнее относился к своим богослужебным обязанностям и, тем более, зная требования своего архиерея на этот счет, воздерживался бы выводить его из душевного равновесия, так как это не спасительно им обоим, — собирающимся совершать святую евхаристию...

После сего владыка-митрополит, обернувшись, благословил по обычаю молящихся и направился к кафедре облачаться, сопровождаемый всем сонмом сослужащего духовенства...

И началась Божественная литургия³⁵.

Рассказ отца Клавдиана, ставшего свидетелем этого инцидента в Ташкентском храме, был записан и прокомментирован Михаилом Евграфовичем Губониным, одним из лучших знатоков русской иерархии XX века**. Губонин писал, что этот эпизод очень важен для понимания нравственного облика митрополита Арсения:

В среде духовенства митрополит Арсений (Стадницкий) слыл за строгого и требовательного Архипастыря и действительно был таковым. Батюшки, как правило, его побаивались и недолюбливали; считали «деспотом» и суровым администратором, «князем Церкви» и т.п. В действительности это было не совсем так; более всего требовательным он был к самому себе, а это уже в корне меняет всю его характеристику, давая ему нравственное право быть требовательным и к своим подчиненным клирикам, и, стало быть, ни о каком деспотизме здесь не может быть и речи. Кроме того, требовательность его касалась лишь вопросов церковно-богослужебных и церковно-административных³⁶.

Губонин увидел в инциденте с провинившимся старцем значимый «штрих из биографии», который, имея место незадолго до кончины митрополита Арсения, характеризовал «предел той духовной высоты, коего достиг к концу своей жизни этот наш крупнейший архипастырь-исповедник»³⁷.

Прекрасные душевные качества владыки демонстрируют также сохранившиеся в архиве Губонина письма и телеграммы митрополита Арсения, адресованные епископу Тихону (Шарапову)³⁸.

Из переписки митрополита Арсения с епископом Тихоном (Шараповым) за 1934–1935 годы

1. Письмо от 28 сентября (11 октября) 1934 года³⁹

11-е октября, 1934. Преосвященнейший Владыко! Рад был познакомиться с Вами. Рад, что известный инцидент разрешился благополучно к моему и, надеюсь, к Вашему удовольствию. Но огорчил меня финал Вашего путешествия, о чем я узнал от моего Моисея [в под-

* О Михаиле Губонине см. в этом номере статью иерея Александра Мазырина «Неприменно в старом городе, на кошке и в чапане...» (Средняя Азия в жизни епископа Тихона (Шарапова)).

линнике – по-гречески. – *Сост.*] и от известного Учреждения, куда я приглашен был для беседы по данному вопросу [т.е. в ГПУ. – *Сост.*]. Беседа была благодушная. Я выяснил, что с Вашей стороны не было никакого криминала, что было маленькое недоразумение, которое при личном объяснении вполне выяснилось, что тут нечего страшиться и что вообще тут кем-то раздуто наше дело внутреннего церковного порядка. Благосклонно было выслушано. В результате Вы беспрепятственно можете жить в Самарканде, или где угодно, но «без организации», а также служить, хотя и изредка. Жалею, что Вы не почтили меня своим посещением после этого инцидента и не поделились впечатлениями, а мне пришлось узнать об этом через посредника не всегда объективного. Я как будто не заслужил такого невнимания, так как беседа наша была, по крайней мере с моей стороны, искренняя и благожелательная. Как тогда, так и теперь позволю себе посоветовать Вам не пребывать на покое, ибо Вы еще молоды и духом пламенеете, а потому и много можете принести пользы нашей Матери.

Посылаю при сем взятый у Вас указ Патриархии.

Прошу молитв Ваших. С братскою любовью о Христе митрополит Арсений⁴⁰.

В этом письме речь идет о каком-то проступке епископа Тихона, который нарушил церковно-правовые нормы, а возможно и некоторые инструкции, касающиеся поведения ссылных священнослужителей (нелегальное богослужение, молебен или что-то в этом роде). В то время подобный инцидент мог закончиться не только *благодушной беседой в известном учреждении*, но и арестами. Епископ Тихон доставил митрополиту Арсению немалое беспокойство, кроме того, по каким-то причинам он не почтил его прощальным визитом и объяснениями. Несмотря на все это, упреки владыки звучат очень мягко, все слова этого письма уважительны, полны дружеского участия. Заботу владыка высказывал не только на словах – он разрешил ссылному епископу Тихону совершать богослужения, очевидно, ходатайствовал перед властями об этом и о возможности беспрепятственно жить в Самарканде или где-то в другом месте. Благодаря доброму и снисходительному отношению владыки Арсения оплошность епископа Тихона не разрушила их дружеских отношений – переписка архиереев продолжалась и в дальнейшем.

2. Письмо от 28 декабря 1934 (10 января 1935) года:

10 января 1935. Преосвященнейший Владыко! Взаимно поздравляю Вас с Великим Праздником и молитвенно желаю милостей Господних, коими мы живем, движемся и существуем. Прошу Ваших молитв. С братскою любовью во Христе Арсений митрополит Ташкентский.

3. Письмо от 10 (23) мая 1935 года:

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко! Христос Воскресе! Благодарю Вас за поздравление меня со днем Ангела. Но это день Ангела моего Ангела святого епископа Тверского (2 марта 1409 г.), тезоименитого св. Арсению Великому (450 г.). Благодарю Вас за внимание и молитвенную память.

Прошу Ваших молитв. С братскою любовью о Христе Арсений митрополит Ташкентский⁴¹.

Вступление митрополита Арсения на Ташкентскую кафедру означало, что его взгляды на участие в церковном управлении изменились. Владыка получил возможность посещать Москву и участвовать в заседаниях Временного Патриаршего Священного Синода. Однако в отношении действий Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия он оставил за собой право иметь особое мнение, выражая его по-прежнему в частных письмах. Так, он критически отнесся к новому титулованию Заместителя. 27 апреля 1934 года митрополиту Сергию был присвоен титул «Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского». К этому дню уже пришла краткая телеграмма-молния «Приветствую Блаженнейшего! Митрополит Арсений»⁴². Но, размышляя о том, необходимо ли это деяние для блага Церкви, владыка вслед за телеграммой написал митрополиту Сергию письмо.

Рапорт митрополита Ташкентского и Туркестанского Арсения (Стадницкого) от 12 июля 1934 года

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Получил я телеграмму-молнию за подписью членов Синода о присвоении Вам титула Блаженнейшего как «фактическому главе православной Русской Церкви» с приглашением присоединиться к этому. Руководясь чувством личного уважения к Вам, как несущему, по воле Божией, тяжелый крест по управлению Церковью, чему и я был свидетелем, я выразил свое согласие, приветствуя Ваше Блаженство в телеграмме на имя Преосв[ященного] Питирима [Крылова]. Но затем, когда порыв чувства сменился размышлением, я не нахожу себе спокойствия, правильно ли я поступил, согласившись на это, и благовременно ли теперь заниматься титулованием для блага Церкви. Ведь это, по-моему, имеет не личное значение, а общецерковное, так как оно, вероятно, связано будет с признанием этого титула не только со стороны нашей иерархии, но и со стороны других православных Церквей. А что если не согласятся? Кроме того, не будет ли это поводом для оппозиции и [к] еще большему разделению и нападкам на Вас и возглавляемый Вами Синод, который в такое тяжкое время занимается титулованием, как это было при св. Григории Богослове, к[ото]рый обличал своих собратьев, «гонявшихся до этого суетною погонею за титулами, когда нужно украшаться добродетелями». И удобно ли Заместителю украшаться этим титулом, когда Местоблюститель лишен этого и неизвестно даже, где обретается, и хотя фактически не управляет Церковью, но не по своей воле. Такие и подобные мысли обуревают мою душу, правильно ли я поступил, руководясь личным чувством к Вам, к[ото]рого я уважал и буду уважать и без этого титулования, каковое вряд ли будет полезно для нашей Церкви и дает только повод для «поношения» Вашего имени и возглавляемого Вами Синода, членом к[ото]рого и я состою как старейший архиерей.

Простите, что я позволил себе высказать то, что лежит на моем сердце, и тем обле[г]чить свою душу. Надеюсь приехать на летнюю сессию, чтобы иметь удовольствие повидаться с Вами и с братьями, если ничто не помешает, хотя дальний путь несколько страшит меня. Мучивший меня финансовый налог как будто разрешается благополучно и законно. Более остро стоит «часовенный» вопрос.

Прошу Ваших молитв и прощения. С братскою любовью м[итрополит] Арсений⁴³.

Очевидно, высшему церковному управлению Русской Церкви в то тяжелейшее время был необходим этот «голос внутреннего суда», который возвышал старей-

ший в Синоде и, по общему мнению, самый строгий архиерей. Митрополит Сергей ценил этот голос: 9 мая 1934 года митрополит Арсений был награжден правом ношения двух пангий, а 30 сентября 1935 года – правом предношения креста за богослужением.

Болезни, недостаток средств, «часовенный вопрос», связанный с опасностью потерять Скорбященскую «кафедральную» часовню, – все это создавало трудности для поездок из Ташкента в Москву. Тем не менее, в бытность свою на Туркестанской кафедре митрополит Арсений посетил Москву не менее трех раз: зимой 1933–1934 годов, летом–осенью 1934 года и в начале 1935 года, когда состоялась самая последняя сессия Синода.

В последний свой приезд митрополит Арсений встретился с игуменией Иулианией (Невахович), которая в 1924 году провожала его в ссылку. Позже матушка вспоминала:

Воспоминания игумении Иулиании (Невахович) о событиях 1935 – начала 1936 годов

<...> Через много лет мне удалось, не совсем легально, приехать, по поручению церковному, в Москву. В то время московским правящим архиереем был архиепископ Питирим, отбывший, так же как и я, срок в Соловецком лагере. Решить дело, по которому я приехала, мог только Блаженнейший митрополит Сергей, а Владыка Питирим жил в том же доме.

Радостно встретившись с Владыкой Питиримом, я просила как можно скорее доложить обо мне Блаженнейшему, т.к. мне долго оставаться в Москве было нельзя. Владыка Питирим пошел обо мне докладывать и, придя, сказал:

– Сейчас у Блаженнейшего есть посетитель, а Вы побеседуйте со старцами. Вы их рады будете видеть. Они у нас живут.

Старцами оказались приехавшие на сессию Синода митрополит Арсений, теперь уже не Новгородский, а Ташкентский, и митрополит Анатолий Одесский.

Митрополит Анатолий [Грисяк], самый смиренный из всех митрополитов, как его называли, очень маленького роста, близорукий, всегда больной, но особенно высокой, чисто монашеской жизни, был единственный человек, задавший мне толковый вопрос, по возвращении из Соловков:

– Чему-нибудь там научилась?

Он на вид какой был, такой и остался, но митрополита Арсения сразу узнать было невозможно: это уж не был представительный, торжественный митрополит, а худенький, смиренный старичок, и только в дальнейших разговорах вы чувствовали, что это тот же митрополит Арсений, но поднявшийся духовно на много ступенек выше. Мне еще удалось повидать митрополита на прощание. Он мне сказал:

– Скоро будет мой 50-летний юбилей⁴⁴ в священном сане, а по Библии это юбилей покоя, и я молю Господа, чтобы Он, по Своей великой милости, и мне, грешному и недостойному пастырю, послал покой.

Это было по старому стилю 28 января [1935 года], в день преподобного Ефрема Сирина. Этот год мы с митрополитом переписывались довольно много. В декабре Владыка мне написал:

– У меня карбункул на шее, очень страдаю от боли, высокой температуры и бессонницы, но это совсем неважно; важно, что это первый звонок. Если переживу Ефрема, то еще год проживу. Молитесь, чтобы Господь послал мне мирную кончину. Пора!..

28 января [1936 года], на преподобного Ефрема Сирина, Владыка Арсений скончался. Господь внял его молитвам⁴⁵.

В 1936 году, накануне Большого террора, практически весь православный епископат находился в тюрьмах, лагерях и ссылках. Синод был распущен еще в мае 1935 года, тогда же самоликвидировались все епархиальные советы – церковно-административная структура Московского Патриархата прекратила свое легальное существование. Журнал Московской Патриархии не выходил, ужесточился контроль властей над перепиской, собраниями и передвижением духовенства. Никто из близких митрополиту Арсению из центральной России не смог приехать попрощаться с ним, негде было опубликовать некролог. Несмотря на это, о смерти владыки стало известно далеко за пределами Ташкента. Кураторы из ГПУ решали, как использовать этот факт в своих интригах, направленных на уничтожение Церкви, а люди церковные благоговейно хранили и передавали скудные, немного противоречивые, но многозначительные сведения о блаженной кончине митрополита.

Из воспоминаний святителя Луки (Войно-Ясенецкого)

10 февраля 1936 года скорпостижно скончался от кровоизлияния в мозг митрополит Арсений. С Преосвященным Арсением у меня были самые близкие и дружеские отношения. Он любил моих детей и Софию Сергеевну и часто бывал у них. Он подарил мне две свои фотокарточки, на одной из которых написал: *Жертве за жертву* (Флп. 2, 17), а на другой: *тобою, брат, успокоены сердца святых* (Флм. 1, 7). Снимался и вместе со мной. Он очень внимательно слушал мои проповеди и высоко ценил их. О себе он говорил, что исполнил все, предназначенное ему Богом, и потому ждал смерти⁴⁶.

Из воспоминаний Надежды Фиолетовой

<...> Он скорпостижно скончался за чашкой чая, вернувшись в воскресный день из храма, где он совершал Литургию. Кончина его была мирной, блаженной⁴⁷.

Из воспоминаний православных ташкентцев

Предчувствуя кончину, митрополит Арсений часто навещал могилу митрополита Никандра и подолгу сидел там в размышлениях. Он просил протоиерея Александра Щербова похоронить его в простом, необитом гробу, на могилу положить живые цветы⁴⁸.

В воскресенье 9⁴⁹ февраля 1936 года митрополит Арсений совершил в Ташкенте свою последнюю Божественную Литургию. На следующее утро владыку нашли мертвым в его келье, в земном поклоне перед святыми иконами. Медицинский диагноз был таков: «смерть от кровоизлияния в мозг». Отпевание совершил архиепископ Борис (Шипулин), при этом святитель Лука (Войно-Ясенецкий) стоял в толпе молившихся и плакал. Протоиерей Михаил Андреев, вернувшись домой после погребения митрополита Арсения, сказал своим близким: «Только молитвы владыки удерживали нас над бездной. Теперь начнется...»⁵⁰

Ссылный епископ Вязниковский Герман (Ряшенцев)⁵¹ в письме к схиигумении Олимпиаде⁵² сообщил о чудесном посмертном (через полгода) явлении владыки Арсения епископу Никите (Стягову)⁵³.

Из письма священномученика Германа (Ряшенцева) от 15 декабря 1936 года

Недавно умер один знакомый мой епископ. Когда я начал свою службу в Пскове, он был ключарем собора и регентом архиерейского хора. Архиереем тогда был Арсений, впоследствии митрополит Новгородский, а потом Ташкентский, где не так давно (нет еще года) он умер. Ключарь перешел к нему в Новгород, где потом и стал викарным епископом. Он готовился служить в день своей смерти. В ночь перед службой во сне приходит к нему митрополит Арсений, взял его за руку и сказал: «Пойдем на суд». Он проснулся, задумался, но все же стал готовиться к служению. Вскоре почувствовал недомогание, служить не смог и слег в постель. После службы его пособоровали и причастили, и в пять часов вечера этого же дня он скончался, по мнению врачей, от разрыва сердца⁵⁴.

Бог сохранил могилы туркестанских митрополитов Арсения и Никандра. 22 марта 1944 года архиепископ Алексей (Палицын), прибывший в Среднюю Азию для восстановления здесь Русской Православной Церкви, встретился с православными верующими Ташкента возле Скорбященской часовни на Боткинском кладбище и отслужил панихиду по туркестанским архиереям. С возрождением Ташкентской епархии, благодаря епископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Гурию (Егорову), который привел в порядок место захоронения архиереев, установилась традиция почитания этих могил. Дмитрий Павлов, биограф владыки Гурия, пишет:

В отчете за 1947 г. епископ Гурий «с большой радостью» доложил Патриарху Алексию об исполнении своего давнего желания – приведения в порядок могил митрополитов Арсения и Никандра. Согласно описанию епископа Гурия, на общем бетонном основании были устроены два цементных надгробия с мраморными плитами и восьмиконечными крестами. Вокруг могил был разбит газон и посажены цветы из личного сада епископа Гурия. В ответ последовала телеграмма из Москвы: «Благодарю за заботу о могилах митрополитов Арсения и Никандра. Сердечный привет. Патриарх Алексей»⁵⁵.

18 июня 1947 года состоялся первый после многолетнего перерыва съезд благочинных Ташкентской епархии.

После Литургии духовенство и молящиеся перешли на восточную сторону часовни к могилам митрополитов Арсения (Стадницкого) и Никандра (Феноменова). Епископ Гурий окропил святой водой новые надгробия и совершил панихиду по усопшим архиереям. В «Информациях» было отмечено: «Так владыка и съезд о.о. настоятелей отдали сыновний долг незабвенной памяти двух иерархов, много потрудившихся в этой скромной, маленькой часовне над великим делом сохранения чистоты православия среди верующих ташкентцев»⁵⁶.

При владыке Гурии все ежегодные съезды благочинных начинались с посещения Боткинского кладбища и служения панихиды ташкентским митрополитам.

В 1950 году епископ Гурий отправил Патриарху Алексию священника Феодора Семеновича со среднеазиатскими подарками. Святейший отвечал телеграммой:

Сегодня принял Вашего ключаря. С благоговением приемлю землю с могилы митрополита Арсения. Благодарю за дар любви Вашей. Патриарх Алексей⁵⁷.

Патриарх Алексей очень хотел посетить Ташкент с тем, чтобы поклониться могиле своего духовного отца. Об этом его желании было известно советским уполномоченным по делам Русской Православной Церкви. Один из них, Тормашев, докладывал в 1952 году:

В последнее посещение архиепископ [Гурий] информировал меня о том, что патриарх имеет намерение посетить Ташкентскую епархию. Он прочитал мне частное письмо патриарха, в котором тот сообщает о желании посетить могилу своего наставника и учителя архиепископа (так! – Е.О.) Арсения, похороненного в Ташкенте, но не решается на поездку, опасаясь связанных с приездом в епархию беспокойств и своих недомоганий⁵⁸.

Этому визиту не суждено было случиться.

11 ноября 1996 года Боткинское кладбище Ташкента посетил патриарх Алексей II. Он поклонился обновленным в 1991 году могилам ташкентских архиереев и отслужил литию по всем православным пастырям, подвизавшимся в Средней Азии.

Светлая память о митрополите Арсении осталась в сердцах многих людей, с которыми он встретился на своем жизненном пути. Все воспоминания о нем, за редчайшим исключением, дышат добротой и уважением. Завершая, приведем слова епископа Вениамина (Милова)⁵⁹, наилучшим образом характеризующие владыку Арсения:

Более тактичного, сдержанного человека я не встречал. Мёд знания он собирал не только с цветов отеческих творений. Это была разносторонняя натура, он был знаком с произведениями и светских писателей — русских и иностранных. При всем том Преосвященному Арсению были не чужды мистический взгляд на православную веру и высокий молитвенный порыв. Благодать Божия растворяла в нем здоровый жизненный практицизм и постепенно возвышала его до уровня «совершенного человека, на всякое благо[е] дело готованного»^{**60}.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия [Страгородского] и временного при нем Патриаршего Священного Синода об образовании и легализации Временного Патриаршего Священного Синода и регистрации на местах органов епархиального управления // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти,

1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во ПСТГУ, 1994. С. 499.

² См.: *Владимир (Иким), митр.* По стопам апостола Фомы. Христианство в Центральной Азии. – М.: М-Сканру, 2018. С. 612. Отрывок из этого письма приведен ниже.

³ Национальный архив Узбекистана (НА Уз). Ф. Р-429.

⁴ Здесь и далее анахронизм – митрополит Сергей в

^{*} 2 Тим. 3, 17.

это время был еще Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

⁵ Лука (Войно-Ясенецкий), свят. «Я полюбил страдание...»: Автобиография / Запись Е.П. Лейкфельд. – М.: Изд-во им. Святого Игнатия Ставропольского, 1998. С. 67.

⁶ Напомним, о чем сообщалось в предыдущей части этой публикации (см.: ВС. № 3 (LVII), 2021. С. 40). Последнее из известных нам писем к А.Ф. Кони было отправлено 29 января 1927 года. Оно, так же как и все остальные письма, начиная с октября 1925 года, было написано в Полторацке. Так что для 1926 года можно предположить лишь кратковременные визиты митрополита Арсения в Ташкент. Он мог находиться там проездом или по вызову в Ташкентское ОГПУ для допросов – о подобной практике известно из биографий других архиереев, находившихся в ссылке в Туркмении.

⁷ Мазырин А., свящ. Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Губонин М.Е., Мазырин А.М. свящ. Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 651.

⁸ Польский М., протопр. Новые мученики российские. В 2 тт. – Jordanville: Тип. Прп. Иова Почаевского, 1949–1957. – Т. 1. – 1949. С. 148–149.

⁹ Послание к пастырям епископа Глазовского Виктора (Островидова) от 28 февраля (12 марта) 1928 г. // Акты Святейшего Тихона... С. 584.

¹⁰ Цит. по: Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. – Сортавала, 1993. С. 196.

¹¹ Свящмч. Иосиф (Петровых, 1872–1937) – митрополит Ленинградский; ученик и ставленник митрополита Арсения; не приняв Декларации 1927 года и своего перевода на Одесскую кафедру, стал лидером оппозиционного митрополиту Сергию движения т.н. иосифлян; расстрелян.

¹² Откр. 3, 17.

¹³ Цит. по: Владимир (Иким), митр. Указ. соч. С. 577–578.

¹⁴ Фиолетова Н.Ю. История одной жизни // Альманах «Минувшее». № 9. – М., 1992. С. 12–105.

¹⁵ Николай Николаевич Фиолетов (1891–1943) – юрист и богослов, специалист в области канонического права и христианской апологетики; в 1924–1930 гг. – профессор Средне-Азиатского государственного университета (САГУ, Ташкент), в 1931 г. – ученый секретарь Таджикского научно-исследовательского института. Арестован в Душанбе, переведен в Ташкент, где был осужден; после нескольких арестов и ссылок скончался в лагере.

¹⁶ Фиолетова Н.Ю. Указ. соч. С. 64–65.

¹⁷ Василий Михайлович Комаревский (1891–1942) – математик; в нач. 1920-х гг. выслан в Ташкент, препода-

вал в САГУ, заведовал университетской библиотекой; в 1941 г. арестован и осужден с Н.Н. Фиолетовым; скончался в лагере.

¹⁸ Фиолетова Н.Ю. Указ. соч. С. 66–68.

¹⁹ Леонид Васильевич Успенский (1888–1937) – ученый, философ, профессор юридического факультета САГУ, занимался юридическими вопросами земле- и водостроительства Средней Азии; скончался в Ташкенте.

²⁰ Анахронизм в воспоминаниях: здесь и далее Н.Ю. Фиолетова называет митр. Сергия (Страгородского) Местоблюстителем, хотя в то время, о котором она пишет, он был еще Заместителем Патриаршего Местоблюстителя.

²¹ Фиолетова Н.Ю. Указ. соч. С. 71–72.

²² Цит. по: Владимир (Иким), митр. Указ. соч. С. 612.

²³ Публикуется по машинописному оригиналу с учетом исправлений, сделанных в тексте чернилами той же рукой, что и подпись митрополита Сергия.

²⁴ Дионисий (Прозоровский, 1871–1937) – архиепископ Ростовский; в 1926–1928 гг. архиепископ Оренбургский и Турагайский, осенью 1926 г. был назначен временно управляющим Туркестанской епархией, полгода жил в Ташкенте, но в управление епархией вступить не сумел из-за противодействия клира кафедрального Сергиевского храма; после Оренбургской возглавлял несколько епархий; расстрелян.

²⁵ НА Уз. Ф. Р-429. Д. 63. Л. 29–29 об.

²⁶ Цит. по: Владимир (Иким), митр. Указ. соч. С. 618.

²⁷ Возможно, это примирение совершилось в доме самого митрополита Арсения. См. об этом: Владимир (Иким), митр. Указ. соч. С. 618.

²⁸ НА Уз. Ф. Р-429. Д. 65. Л. 387–389; Д. 72. Л. 10–12 об.

²⁹ Просторечное наименование этого кладбища произошло от названия соседней с ним улицы Боткина.

³⁰ Гурий (Егоров, 1891–1965) – митрополит Симферопольский и Крымский; в 1933–1944 гг. – архимандрит «на покое», проживал в Ташкенте в пос. Беш-Бала близ Ферганы, руководил тайной общиной, совершал нелегальные богослужения в домовых церквях; в 1946–1953 гг. – епископ, затем архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский; затем сменил несколько кафедр.

³¹ Иоанн (Вендланд, 1909–1989) – митрополит Ярославский и Ростовский; в 1930–1940-х гг. проживал в Ташкенте в тайной общине архимандрита Гурия (Егорова), работал геологом, с 1934 г. – монах, с 1936 г. – иеромонах; в 1945–1953 гг. – клирик Среднеазиатской епархии, служил в Успенском соборе г. Ташкента; с 1958 г. – архиерей.

³² Клавдиан (Моденов, 1901–1987) – архимандрит; в 1930-х гг. – заключенный Амурлага, затем служил в Почаевской и Троице-Сергиевой лаврах, в разных храмах Русской Православной Церкви, в том числе в Алма-Ате и Фергане; последнее место служения – г. Старая Русса. Даже в 80 лет он обладал феноменальной памятью, «был «ходячей церковной энциклопедией», «не просто лично знал почти всех архиереев и многих священников Русской Православной Церкви, особенно старшего возраста, но мог точно сказать, когда у

того или другого была хиротония в священный сан, как звали у такого-то священника матушку, сколько тот или иной монах отсидел, по какой статье и в каких лагерях» (Тихон (Шевкунов), архим. Несвятые святые и другие рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря; «Олма Медиа-групп», 2011. С. 381).

³³ Цит. по: Павлов Д. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) // Восток Свыше, № 1 (49), январь–март 2019. Ташкент, 2019. С. 43.

³⁴ Иоанн (Вендланд), митр. Князь Феодор Черный; Митрополит Гурий (Егоров): исторические очерки. – Ярославль: Изд-во «ДИА-пресс», 1999. С. 121.

³⁵ Губонин М.Е. К характеристике нравственного облика митрополита Арсения (Стадницкого) // Современники о Патриархе Тихоне: Сб. в 2 ч. Т. 2 [Комментарии и дополнения] / Сост. и автор коммент. М.Е. Губонин. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 474–475. Этот эпизод дополняет биографию не только владыки Арсения, но и архимандрита Клавдиана (Моденова). Очевидно, кроме служения в Средней Азии и Казахстане в 1953–1962 гг., он после освобождения из Амурлага в середине 1930-х гг. какое-то время проживал в Ташкенте.

³⁶ Там же. С. 473.

³⁷ Там же.

³⁸ Из опубликованной М.Е. Губониным переписки следует, что еп. Тихон, пребывая на покое, проездом через Ташкент проследовал в Самарканд (Узбекистан), где и проживал с осени 1934 г. в вольной ссылке. До какого времени – не известно. Судя по преамбуле Губонина, все письма и телеграммы отправлены в Самарканд, это может означать, что еп. Тихон оставил этот город не ранее 29 августа 1935 г. (дата последней телеграммы). Упоминание во многих биографиях еп. Тихона о его пребывании в это время в пос. Самаркандском (с 1945 г. – г. Темиртау Карагандинской обл. Казахстана) могло стать следствием путаницы, возникшей из-за схожести топонимов, либо ссылка в пос. Самаркандский произошла позже – в период с осени 1935 до конца 1936 гг.

³⁹ Письма и телеграммы еп. Тихону пронумерованы и озаглавлены М.Е. Губониным. Примечания от составителя в квадратных скобках сделаны им же.

⁴⁰ В кн.: Губонин М.Е. К характеристике нравственного облика митрополита Арсения (Стадницкого)... С. 475.

⁴¹ Там же. С. 475–476.

⁴² Документы Московской Патриархии: 1934 год / Авт. вступ. ст. и сост. А.К. Галкин // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 185.

⁴³ Там же. С. 212–213.

⁴⁴ В воспоминаниях мат. Иулиании, скорее всего, присутствует неточность: в 1935 г. исполнялось 50 лет со

дня окончания вл. Арсением Киевской духовной академии. Именно это событие он мог иметь в виду, упоминая о 50-летнем юбилее служения Церкви. Если же говорить о служении в священном сане, то речь должна идти о 40-летнем юбилее, так как монашеский постриг владыка принял 30 декабря 1895 г., а иерейская хиротония была совершена 1 января 1896 г.

⁴⁵ Иулиания (Невахович), игуменья. Из воспоминаний. Митрополит Арсений Новгородский // Русский пастьрь, 2000. № 37.

⁴⁶ Лука (Войно-Ясенецкий), свят. Указ. соч. С. 79.

⁴⁷ Фиолетова Н.Ю. Указ. соч. С. 68.

⁴⁸ Фотий (Нечепоренко), иеромонах. Арсений // Православная энциклопедия. – М., 2001. Т. 3. С. 416.

⁴⁹ Исправлена ошибка, в источнике было: «9 (22) февраля». Канун кончины митрополита Арсения – воскресенье 9 февраля 1936 года по новому стилю. Напрасно при публикации этих сведений был сделан перевод даты в новый стиль. Подобная ошибка встречается в нескольких биографиях митрополита Арсения.

⁵⁰ Владимир (Иким), митр. Указ. соч. С. 642.

⁵¹ Сщмч. Герман (Ряшенцев, 1883–1937) – епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии; с 1934 г. находился в ссылке в с. Кочпон под Сыктывкаром Коми (Зырян) автономной обл.; расстрелян.

⁵² Олимпиада (Иванова, 1871–1954), схиигуменья – настоятельница Акатово Свято-Троицкого Александроневского монастыря в Клинском р-не Московской обл.

⁵³ Никита (Стягов, 1867–1936) – архиепископ Боровичский, викарий Новгородской епархии; в бытность владыки Арсения на Новгородской кафедре протоиерей Николай Стягов был ключарем Новгородского кафедрального собора.

⁵⁴ Письма владыки Германа: Жизнеописание и духовное наследие сщмч. Германа, еп. Вязниковского / Сост., предисл. и примеч. А.Г. Воробьевой. – М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. С. 313–314.

⁵⁵ Павлов Д. «До смерти я буду призывать вас к молитве». Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). – М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. С. 231–232.

⁵⁶ Там же. С. 477.

⁵⁷ Там же. С. 409.

⁵⁸ Павлов Д. Цит. соч. С. 444–445.

⁵⁹ Вениамин (Милов, 1887–1955) – епископ Саратовский и Балашовский; встречался с митр. Арсением в Москве в начале 1920-х гг., будучи иеромонахом Данилова монастыря.

⁶⁰ Вениамин (Милов), еп. Дневник инока. Письма из ссылки. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999. С. 111.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Епископат Русской Церкви в Средней Азии в 1920-х – начале 1930-х годов

Иерей Александр МАЗЫРИН

«Непременно в старом городе, на кошме и в чапане...»

Средняя Азия в жизни епископа Тихона (Шарапова)

В мае 1926 года проходивший по делу Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) епископ Тихон (Шарапов) получил приговор Особого совещания при Коллегии ОГПУ:

ШАРАПОВА Константина Ивановича (Тихон) – заключить в концлагерь сроком на ТРИ года, но ввиду болезни заключение в концлагерь заменить высылкой в Казахстан на тот же срок¹.

Среди множества ярких и сложных судеб гонимых иерархов Русской Церкви судьба епископа Тихона (1886–1937) выделяется своим трагизмом. Это был единственный церковный деятель того времени, который, вернувшись в Россию из эмиграции, получил архиерейское посвящение от самого Патриарха Тихона. Произошло это в марте 1925 года, после чего ему довелось пробыть в своей Гомельской епархии лишь два месяца до ареста, и далее он почти непрерывно находился в тюрьмах, ссылках и лагерях.

При этом значительная часть его крестного пути пришлась на Среднюю Азию. Здесь же он был увенчан и мученической кончиной.

В основу публикации положены материалы из архива замечательного церковного историка середины XX века Михаила Ефимовича Губонина (1907–1971). В 1930-е годы Губонину также довелось отбывать ссылку в Средней Азии, где и произошло его особое сближение с епископом Тихоном. По его настоятельной просьбе епископ Тихон составил летопись своего служения, а также передал ему материалы своей переписки с рядом видных иерархов и другие важные церковные документы. Вкупе с яркими личными воспоминаниями это позволило Губонину написать после войны подробный очерк о жизни и служении епископа Тихона (ныне готовится к изданию в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном универ-

ситете^{*}). Ниже представлены сюжеты очерка, касающиеся пребывания епископа Тихона в Средней Азии.

...Итак, епископ Тихон, вызвавший недовольство властей тем, что вернул большинство приходов Гомельской епархии из обновленчества под патриарший омофор, был осужден на трехлетнюю ссылку в Казахстан. Как заметил Губонин, «по тем временам [это] можно рассматривать как весьма милостивую кару»². Местом ссылки епископа Тихона была определена Кара-Калпакская автономная область Казахской АССР, входившей тогда в состав РСФСР. В том же направлении с ним было выслано еще несколько священнослужителей.

В июле 1926 года епископу Тихону по пути к месту ссылки довелось быть в заключении в столице Узбекистана. Как писал Губонин:

В ташкентской тюрьме на Московской улице^{**} Владыка и его спутники задержались на довольно длительное время и, однако, чувствовали здесь себя неплохо благодаря неусыпным заботам о них со стороны местного Преосвященного, знаменитого тогда епископа-хирурга Луки (Войно-Ясенецкого) и не менее знаменитой (в церковных кругах) ташкентской матушки Софии, организовавшей прекрасную опеку и обслугу всех ссыльных и заключенных церковников, следовавших через ташкентскую пересыльную тюрьму в различные медвежьи углы Средней Азии.

Михаил Ефимович привел несколько писем епископа Тихона, написанных из ташкентской тюрьмы, носившей название «исправительного дома», «исправдома». Так, 12 июля 1926 года он писал одному знакомому:

Ташкентский исправдом. Вчера прибыли сюда из Кзыл-Орды и проживем здесь до двадцатых чисел, а затем на Самарканд. Здесь прекрасная природа, сады, виноградники и жара. Близь тюрьмы церковь, и сегодня целый день звон по случаю праздника Петра и Павла.

Спустя день епископ Тихон сообщил:

По сведениям не несомненным – отсюда уедем около 20 июля. Путешествие пока похоже на военные передвижения эшелонами с уютными привалами. Здесь уже созрел виноград, яблоки, дыни, но мы выдерживаем по уставу^{***}. Жара не невыносимая, слава Богу. Арыки – сущее благодеяние. <...> Можно предполагать, что в Турт-Куле мы не задержимся. Два-три месяца – и переселение в другое место. И так три года – это ряд экскурсий для изучения языка и края.

Дальнейшее прохождение «экскурсии» епископ Тихон кратко изложил в составленной им по просьбе Губонина «Мемориальной записке»:

07.1926. Чарджуй. Погрузились в пароход “Комсомолец” (б[ывший] «Цесаревич») в трюм. Ехали по Аму-Дарье шесть суток. От голода и жары были обмороки.

^{*} Ныне Республика Каракалпакстан в составе Узбекистана. (Прим. ВС.)

^{**} Ныне ул. Амира Темура. (Прим. ВС.)

^{***} Имеется в виду запрет на вкушение плодов до совершения чина их освящения на Преображение Господне (6/19 августа). (Прим. ВС.)

8(21) июля 1926 года. Турт-Куль. Прибыли. Встреча с епископом Проскуровским Валерианом [Рудичем], отбывавшим здесь ссылку. Приезд епископа Германа [Ряшенцева] Волоколамского.

Далее Михаил Ефимович сообщал от себя:

В богоспасаемом граде Турт-Куле заключенные, наконец, были выпущены на свободу (относительную; с еженедельной явкой куда следует на подписку), и им предоставлено было устраиваться на жительство, как кому заблагорассудится – в меру своих житейских способностей, которых – кстати говоря – у хороших настоящих монахов обычно не так-то уж много. <...> Как бы то ни было, вновь прибывшие все же оборудовали себе вскоре некое подобие комфортабельных жилищ в узбекских кибитках с глинобитными полами и зажили помаленьку.

В своем жилище ссыльные священнослужители оборудовали домовый храм, устройство которого в одном из писем описал сам епископ Тихон:

Алтарь устроен у нас на новой квартире в особой комнате, обращенной на северо-восток. Вместо царских врат – дверь аркой, завешенная только катапетасмой с изображением Св. Креста, как это издревле устраивается на св. Афонской горе в келейных церквях. Престол – стол, облаченный в одежду с крестом. Освящение – малое водосвятие и окропление всей молитвенной храмины и престола. Главная святыня – антиминс, преподанный для священнодействия подвижного, то есть в походе. В случае упразднения церкви, стол, на котором совершалась литургия, – сжигается при печении просфор, а пепел высыпается в текущую воду.

Однако в таких, сравнительно благоприятных, условиях епископ Тихон пробыл недолго, о чем сообщала его «Мемориальная записка»:

09.1926. Турт-Куль. Арест и переброска – этап под стражей, на каюке, по Аму-Дарье.

1(14) октября 1926 года. Ходжейли. Проплыв три дня по Аму-Дарье, из каюка освятил в ней воду и, отслужив в нем всенощную, под Покров прибыли в Ходжейли. Здесь, сняв епископа Валериана [Рудича], епископа Германа [Ряшенцева] и одного протоиерея – повезли нас далее. <...>

4(17) октября 1926 года. Кунград. Проплыв еще четверо суток, не останавливаясь и на ночь из опасения басмачей, приплыли в Кунград... И в тот же день опять пустились в дальнейшее плавание.

11(24) октября 1926 года. Чимбай. Проплыв по Аму-Дарье 6 дней, прибыли в Чимбай... Встретился и жил здесь с отбывавшим ссылку <...> митрополитом Никандром [Феноменовым]. <...> Много народу крещено, исповедано, приобщено. Комфортабельная домовая церковь. Богослужение – по чреде с митрополитом Никандром.

В Чимбае епископ Тихон провел почти десять месяцев.

Из каракалпакской ссылки он, как мог, пытался управлять своей Гомельской епархией, ведя обширную переписку. Переписывался он и с епископом Ташкентским Лукой, который в октябре 1926 года писал ссыльным братьям:

Радуюсь о Вас, святители Христовы, ибо слышу о великой любви к Вам людей Божиих и о великой ненависти к Вам слуг антихристовых. Радуюсь и тому, что глухие места епархии

нашей освящаются пребыванием в них исповедников Христовых. Прошу Вас всеми доступными Вам средствами помочь мне, связанному во всех делах архиерейских, и заменить меня в месте жительства Вашего учением, просвещением и священнодействиями. <...> Меня, худого и слабого, Господь еще терпит в Церкви Туркестанской, но трудно мне одному противостоять диаволу, воздвигшему и в нашей среде врагов и раскольников, хулящих меня и научающих народ не следовать за мною. Страшно сказать, но этим расколом, этой враждой против меня руководит Преосвященный Андрей (Ухтомский) из Уфы. Слава Богу, однако, его ближайший последователь, архимандрит Вениамин [Троицкий] ужаснулся его безумия и отошел от него. Помогите мне, братия мои дорогие и всечестные, святыми молитвами Вашими; преподобными десницами всего Собора Вашего святительского облегчите тяжесть омофора моего!

Пребывание в Чимбае закончилось для епископа Тихона арестом 12 августа 1927 года и последующим отправлением на север через Турткуль, Чарджуй (ныне – Чарджоу) и Ташкент. По поводу последнего места епископ Тихон пометил в своей «Мемориальной записке»:

18.09(1.10).1927. Ташкент. Прибыл. При открытии шествия с вокзала в домзак в ж.-д. церкви* раздался трезвон. Я ехал в бричке. <...> В домзаке на Московской улице меня посетили епископ Лука [Войно-Ясенецкий] и матушка София. Получил привет от прибывшего в Ташкент из Ашхабада митрополита Арсения [Стадницкого], переданный епископом Лукой. В Покровскую всенощную 30.09(13.10).1927, под третий звон – вывезен на вокзал.

Через четыре дня епископ Тихон под конвоем был доставлен в Самару (в местный домзак), а 24 октября был уже в Москве в Бутырской тюрьме. Дальнейший его путь лежал в Соловецкий лагерь особого назначения, где он провел около трех лет.

По отбытии срока на Соловках епископ Тихон был выслан в Северный край, в Архангельск, где через полгода снова был арестован, провел около года в тюрьме, а затем этапирован в Сиблаг, где должен был в тяжелейших условиях трудиться на лесоразработках. Освободился епископ Тихон только в феврале 1934 года, после чего временно поселился в Рязани, планируя оттуда переселиться в полюбившуюся ему Среднюю Азию.

По этому вопросу он советовался с разными людьми, в том числе с членом Временного Патриаршего Священного Синода митрополитом Казанским Серафимом (Александровым)** . Тот ему ответил в марте 1934 года из Казани:

...если Вас тянет на территорию Туркестанского митрополита, то следует о сем и заявить Преосвященному митрополиту Сергию [Страгородскому], дабы он оказал возможное содействие, переговорив с кем следует. Есть ли в Хиве храм? А в Ходженте, Чарджуе и Турткуле – существуют ли молитвенные здания? В последнее время, это было в декабре 1933 года, когда я беседовал с митрополитом Арсением [Стадницким], он жаловался на слабую связь с епархией и на то, что почти не остается у него приходов, что он «живет» только на средства Ташкентской общины... Со своей стороны, я готов всем, чем смогу, быть Вам полезным... В Москве предполагаю быть только после Пасхи. Но и до Пасхи постараюсь спи-

* Имеется в виду Благовещенская церковь, находившаяся рядом с ташкентским железнодорожным вокзалом. (Прим. ВС.)

** Митрополит Серафим (Александров; 1867–1937) – в 1933–1936 гг. митрополит Казанский и Свяжский. (Прим. ВС.)

саться с нашим Кириархом [митрополитом Сергием] и указать ему на возможность того или иного устройства Вас в пределах Средней Азии.

Михаил Губонин так описал настроение епископа Тихона в тот момент:

Теперь он стал мечтать о том, чтобы, если и не навсегда, то на какой-то длительный срок расстаться с надоевшей ему и измучившей его «европейской цивилизацией» и обосноваться на жительство где-либо в самых захолустных дебрях среднеазиатской глуши, довольствуясь самыми минимальными бытовыми и прожиточными условиями. Ему рисовался маленький домовый храм, скромные, келейные богослужения и спокойная, неофициальная пастырская деятельность среди множества православных русских людей, заброшенных в те годы даже в самые глухие углы Узбекистана в результате тогдашних государственных экспериментов в связи с учреждением колхозов. Но реализовать Преосвященному свои мечты в ту пору не было возможности; не было точки опоры и укоренения, где бы можно было практически зацепиться на первых порах. И головоломка оставалась не решенной... В этих условиях краткая приветственная открытка, отправленная Владыке из Восточной Бухары (б[ывшее] Каршинское бекство), где в то время находился пишущий эти строки, явилась как бы некоей масличной ветвью из внешнего мира, занесенною в Рязанский ковчег. Ответ Преосвященного на открытку последовал немедленно.

«...Милый моему сердцу и дорогой во Христе Миша! Бесконечно рад твоей открытке и адресу... Слава Богу – связались. Бог даст, и увидимся. Точно и подробно опиши мне свой Шахрисябз, где он, что он? Дело в том, что со времени моей первой ссылки в Среднюю Азию я влюблен в Восток, и моя мечта окончить дни на покое в Средней Азии. Ищу места. Очень интересуюсь языком и делаю некоторые успехи. Все эти 8 лет, в Соловках, в Сибири все время ютился с узбеками и вообще народами Средней Азии. Говорят, что во мне сказывается голос крови (Шариф'ов*). Думал о Самарканде, Катта-Кургане, Бухаре. Непременно в старом городе, на кошме и в чапане. Долой Европу, сыт по горло западной цивилизацией. Назад к Авраамскому быту, к Библейским обычаям».

Вскоре епископ Тихон снова написал Губонину:

Со всех сторон сыплются советы и предложения, но я пока, ссылаясь на необходимость лечения, предложения отклоняю, а сам строю планы насчет того, как бы удалиться в Среднюю Азию с ее Библейской простотой и Авраамским бытом, что готов поехать туда в обличь колхозника и там, заделавшись каким-нибудь сторожем «хлопкома» (и удовлетворюсь келейно и тайнообразующе), отдохнуть душой от Европы, Арктики, Москвы, Сиб[ирских] новостроек и так далее. За эти годы я, может быть, постарел или устал, или созрел что ли, и мне как-то не по душе за компанию со всеми прыгать, как белка в колесе, и платить («походные») налоги в астрономических цифрах. Тем более что взять на себя нравственные обязательства за территорию и души и не иметь возможности ничего сделать – как-то не хватает духу. Словом: затвор или запор, или уход от мира, как хотите, – вот моя пиа дезидерия** теперь. Отсюда Вам понятно, что мне надо:

1. «Старый» город – будь то в Самарканде или Шахрисябзе.

2. Простой быт в землянке: кошма, кунган, пиала и котелок, две-три книги и маленький чемодан с походными [литургическими – М. Г.] принадлежностями на случай «устных воспоминаний в известное время» [служения литургии – М. Г.]. Шахрисябз по Вашим описаниям кажется мне подходящим, но и адрес <...> в Самарканде меня очень заинтересовал. <...>

* Шариф – восточный почетный титул, передаваемый по наследству. Епископ Тихон намекает здесь на свою фамилию – Шарапов.

** Pia desideria – благие пожелания, благие намерения (лат.).

3. Чем меньше европейцев, тем лучше.

4. Возможность устроиться на спокойную, более или менее подходящую и неотвественную работу (по анкетам я – «грамотный»).

5. Наличие элементов для общины [церковной], также «домашней церкви».

6. Как ехать по железной дороге в Шахрисябз? <...> Еще вопросы: численность населения Шахрисябза? Кого больше: мусульман или русских? Мусульмане – таджики или узбеки? Каких построек больше – азиатских или европейских? Возделывается ли в окрестностях виноград и пахта [хлопок – М. Г.]? Нет ли рисовых плантаций, то есть болот? А малярии? <...> Какова и откуда вода? <...> Имеются ли курсы местного языка для русских? <...> Ваши письма мое счастье, во-первых, потому что они Ваши, а во-вторых – что они из Средней Азии. Последнее, кажется, сильнее. Не скрою.

Из Рязани епископ Тихон выехал в Среднюю Азию в самом конце мая 1934 года. Как вспоминал Михаил Губонин:

Приехал он в Шахрисябз, в полном восторге и в самом лучшем расположении духа. Прожив некоторое время совместно с автором этих строк, он затем устроился на отдельной квартире на южной окраине города возле древнего кладбища и мавзолея Хузрат-Имам*, – одного из поэтичнейших уголков этого города... <...> Перебравшись на отдельную квартиру после недолгого совместного проживания, Владыка немедленно же оборудовал у себя домашнюю церковку, в которой изредка, обычно ранним утром, совершалась келейная литургия при тихом пении, на которой присутствовало не больше пяти-восьми человек из числа представленных ему здешних русских людей, частично ссыльных, а частично и добровольно проживавших в этой азиатской глуши, спасаясь от тогдашних, как известно, весьма колоритных и радикальных «прелестей цивилизации»**.

В письме сестре епископ Тихон описал свое обычное времяпрепровождение в Шахрисябзе:

День начинается еще до восхода солнца, как только забрезжит свет. Поспешно встав и приведя в порядок свой одр, начинаю расплескивать запасенную с вечера воду по земляному полу келий и сеней, начиная из-за алтарной завесы. Затем идет умывание опять-таки не над тазом или умывальником, а прямо над земляным полом келий. Каждая кружка воды не выплескивается зря, она остается в квартире, создавая относительную прохладу. И, чтобы не повторяться, отмечу сразу, что такое расплескивание воды по земляному полу в течение суток повторяется каждый час. Это создает относительную прохладу и защищает от легкой черной кавалерии [то есть неисчислимого количества блох. – М.Г.]. Затем чтение полунощницы или – по дню – служение литургии. Престол, жертвенник и клирос помещаются в трех комфортабельных нишах, находящихся в восточной стороне кибитки. Такие ниши употребляются узбеками для складывания подушек, одеял и посуды на день. Кибитка у туземцев не имеет никакой мебели, а только ковры, так называемые паласы и циновки. Алтарь отделен раздвигающейся на время службы завесой от жилой части кибитки, которая у меня имеет несколько европеизированный вид, а именно: в одном углу от входа стоит покрытый ковром деревянный топчан вместо постели, а в другом доска, положенная на кирпичи, изображает собою стол, пред которым седалище также из положенных

* Мавзолей с останками имама Мухаммада Бен Хусейна Шейбани по прозвищу Хазрат Имам Багдади, жившего в Ираке в XIII – начале XIV вв. (Прим. ВС.)

** Имеются в виду репрессии, которые в те годы большей частью ограничивались крупными городами. (Прим. ВС.)

один на другой нескольких квадратных сырцовых кирпичей. Ежедневную будничную полунощницу (так же, как и вечерню) отправляю один. На литургии и всенощной накануне присутствует, обычно, кто-либо ответствующий на возгласы. <...>

После утренней молитвы и чаепития можно посвятить время чтению и письму, но в понедельник и четверг можно сходить и на базар для покупок и развлечения. <...> Побродил, купил или приценился и с сожалением отходишь: так ярка и красочна здесь жизнь, так прекрасно отображен здесь быт. Европейских и цивилизованных костюмов почти не замечается в толпе. Наоборот, скорее европейцы нивелируются. Здесь все мужчины в тюбетейках и женщины в ярких цветах тканей. Затем опять келия – чтение и письмо. Вечерняя, чай. Снова книги и, наконец, перед сном – час, полтора в ночной тишине под ярким звездным небом. Звезды, как живые, мигают и блещут, небо переливается огнями. С гор веет свежестью снеговых вершин. В гаузе* древнего мазара XIV века запели лягушки. Ночь. Пора спать.

В сентябре 1934 года М.Е. Губонин должен был расстаться с епископом Тихоном, а вскоре и сам владыка покинул Шахрисабз, перебравшись в Самарканд. Оттуда он писал «дорогому Мише»:

В Самарканде устроился хорошо. Прекрасная, уютная и тихая квартира. Общество и духовенство очень ласковы. На их счет съездил в Ташкент. С Арсением [Стадницким] поладил... В Ташкенте я был «приглашен и истязан» [то есть приглашен и допрошен в местном ГПУ – М.Г.]. Кончилось ничего. Но, кажется, из среднеазиатских планов ничего не выйдет. Разве Арсений умрет. «Других кафедр мы не допустим». Самарканд – поэзия, сказка и музыка. <...> Обновленцы здесь активны. Пытаются ворваться ко мне. Не принимаю.

Из Шахрисабза и Самарканда епископ Тихон продолжал вести переписку с близкими ему иерархами, в том числе и с епископом Лукой, который писал ему из Ташкента:

Господу, видно, неуютно, чтобы я занимался хирургией во всем объеме, так как Он послал мне тяжелую болезнь левого глаза, непоправимо испортившую его, и экзему рук. Очень сожалею, что Вы не застали меня, когда заходили ко мне в Ташкенте. Скорблю о неустроенности Вашей, но не меньше и мое горе – невозможность продолжать архиерейское служение. Много слез проливаю об этом каждый день.

Писал епископу Тихону и митрополит Арсений, который советовал ему не пребывать на покое: «Вы еще молоды и духом пламенеете, а потому и много можете принести пользы нашей Матери». Губонин пояснял позицию епископа Тихона по вопросу его дальнейшего служения:

...После всех перенесенных передраг, не желая брать на себя управление какой-либо епархией и отправляясь в среднеазиатские пределы на неопределенное время, Владыка, однако, вынашивал сокровенную мечту устроиться основательно, но без внешнего «положения» где-либо в узбекской глуши и, если не «тайнообразующе», то, во всяком случае, не афишируя, заняться укреплением Православия среди рассеянного здесь многочисленного русского населения <...>. Если бы дело это пошло и не встречало особых препятствий со стороны гражданских властей, в дальнейшем можно было бы поднять (по церковной линии)

* Гауз – искусственный водоем, часто при мечетях, на городских площадях или в садах. (Прим. ВС.)

вопрос и о создании какого-либо викариатства (скажем, Самаркандского или Мервского) при официальной Ташкентской архиерейской кафедре. Но это было бы делом будущего, а на первых порах предполагалось культивировать небольшую общину при архиерейской домово́й церкви, одновременно изучать обстановку, среду и местный язык.

В феврале 1936 года митрополит Арсений скончался. С его преемником по Ташкентской кафедре архиепископом Борисом (Шипулиным) епископ Тихон был уже знаком и, как замечал Губонин, «между ними установились тесные, теплые братские взаимоотношения». От архиепископа Бориса в декабре 1936 года он узнал и о своем назначении на Алма-Атинскую кафедру. Как прокомментировал это Михаил Губонин:

Таким образом, «благоденственное и мирное житие» Преосвященного Тихона в состоянии, так сказать, «на покое» – теперь окончилось, и он вновь вступил в ряды несчастных правящих иерархов Православной Русской Церкви. Лиричная восточная экзотика с ее «авраамским бытом» и прочей бытовой шехерезадой, так умиротворяюще действовавшие на Преосвященного, особенно после Соловков, Юрги и Архангельска, – все промелькнуло и стало уже «в прошлом».

12 января 1937 года епископ Тихон прибыл в Алма-Ату, через три дня был зарегистрирован местной властью, а 16 и 17 января в качестве правящего архиерея совершил свои первые службы (всенощную и литургию) во Введенском храме республиканской столицы. В апреле 1937 года он получил из Москвы от митрополита Сергия письмо, в котором глава Патриархии, как бы между делом, спрашивал его:

Кстати, дошел ли до Вас указ о поручении Вам управления еще и Петропавловской епархией? Вы ведь занимаете в Казахстане главную епархию. Господь да поможет Вам, «не выдыхая», трудиться на вверенной Вам ниве Христовой.

«Таким-то образом, – писал Губонин, – Преосвященный Тихон из заштатного архиерея, отсиживавшегося где-то в глуши, стал отныне “епископом Алма-Атинским и Казахстанским, временно управляющим Петропавловской епархией”».

В мае 1937 года по приглашению митрополита Сергия епископ Тихон посетил Москву и провел в ней около месяца. А в августе того же года в стране началась самая масштабная репрессивная кампания НКВД, в ходе которой был арестован и епископ* Алма-Атинский (архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Борис был арестован еще раньше). Расстрелян епископ Тихон был в ноябре 1937 года близ Алма-Аты.

Его верный спутник и биограф об этом не знал. «Ходили, – писал Михаил Ефимович, – темные слухи о том, что Владыка, будто бы, все же в конце концов освободился из заключения, но, учтя современное положение Церкви в нашей стране, предпочел не выявлять себя на “поверхности”, а, подобно многим другим духовным лицам, оставаться “в нетях”, скрываясь, якобы, где-то в недостижимых дебрях среди кавказских гор, населенных немалым количеством подобных от-

* Возможно, до своего ареста епископ Тихон был возведен в сан архиепископа, но документальных подтверждений этого пока обнаружить не удалось.

шельников, поддерживаемых и питаемых местным населением. Однако все эти рассказы были совершенно бездоказательны и более всего смахивали лишь на благочестивую фантазию наших досужих и прекраснотушных благочестивых соотечественников, еще доселе не отрезвленных жизнью, нередко продолжающих и до сего времени считать желаемое ими за действительное. Чего-либо, хотя бы относительно определенного или конкретного, никто, разумеется, не знал и не мог знать».

Один из знакомых Губонина в конце 1960-х рассказал ему, что

...не так давно встретился с одним клириком-провинциалом, сообщившим, что он сам, этот батюшка (ныне весьма дряхлый старец) в 1941 году сидел в калужской тюрьме, где среди заключенных находился и епископ бывший Гомельский Тихон, судьба которого тогда же вскоре сложилась трагически: по обвинению в государственном преступлении он был расстрелян, а сам батюшка (рассказчик сего) был отправлен в один из восточносибирских концлагерей.

Михаил Ефимович был склонен верить этому рассказу, хотя и тот, как теперь понятно, в отношении времени, места и обстоятельств расстрела епископа Тихона тоже был «благочестивой фантазией».

«Закончим это наше далеко не полное биографическое повествование о незабвенном святителе Тихоне..., – подводил итог М.Е. Губонин, – словами, невольными и настойчиво приходящими в этом случае на память; пророческими словами Великого Патриарха Тихона, сказанными в приветственной речи, обращенной к новохиротонисанному епископу Тихону в 1925 году. Патриарх, вручая архиерейский жезл ставленнику, между прочим, сказал тогда следующее: “Промышлением Божиим твоя хиротония совпала с поклонением Кресту Господню и памятью Сорока мучеников, и совершена в их святом храме, в день их страданий. Все это как бы предуказывает, что предстоящий тебе путь святительского служения в исключительно трудных условиях есть путь крестный и мученический. И, может быть, сердце твое трепещет и смущается. Мужайся!..” Известно, что Святейший многим своим ставленникам говорил пророческие напутствия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 780.

² Здесь и далее текст приводится по хранящейся в ПСТГУ машинописи: Губонин М.Е. Епископ Тихон (Шарапов). Краткое жизнеописание. (Ф. 150. Оп. 1. Д. 11. Листы-страницы пока не пронумерованы).

«Я просто терял голову с Туркестанскими делами...»

*О служении митрополита Никандра (Феноменова) на ташкентской кафедре
(1927–1933)*

После 1917 года для православных людей Средней Азии, как и других регионов бывшей Российской империи, настало время жестоких испытаний.

Русская церковная история едва ли знает такое исключительно трудное время для управления церковью, как время в годы настоящей революции,

– писал, находясь в заключении, патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) в январе 1926 года¹.

Положение Русской Церкви осложнялось еще и новым внутрицерковным расколом, инициаторами и проводниками которого были обновленцы. После революционных событий 1917 года в среде духовенства в епархиях Центральной России появились группировки, призывавшие к «революции в Церкви», к «всестороннему обновлению»². Возникают разные псевдоцерковные организации: «Религия в сочетании с жизнью», «Друзья церковной реформации», «Петербургская группа прогрессивного духовенства», «Народная церковь», «Новая живая церковь», «Свободная передовая церковь»... Позже оформилось церковное течение обновленцев, лидером которого являлся самозванный митрополит Александр Введенский.

Неудивительно, что их деятельность находит поддержку со стороны властей. Как писал председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) – главного карательного органа большевиков – Феликс Дзержинский:

Церковь разваливается, этому нам надо помочь. <...> Церковную политику развала должна вести ВЧК для единственной цели разложения попов³.

Обновленчество объединяло очень разных людей. Здесь были заблуждавшиеся идеалисты, искренне желавшие исправления недостатков прежней церковной жизни и полагавшие, что Церковь должна быть как можно ближе к народу; были беспринципные личности, которым все равно – с кем и за кого, лишь бы сохранить власть и почет... Многие рядовые священники оказались в обновленческих рядах от безысходности, боясь потерять источник пропитания, или же по недоразумению. Основная же масса верующих по невежеству своему не входила в осмысление различий между религиозными течениями. Но многие, осознав свое заблуждение, решительно порывали с раскольниками.

В Средней Азии пик борьбы с обновленчеством приходится на время, когда ташкентскую кафедру возглавлял митрополит Никандр (Феноменов).

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский), назначая митрополита Никандра в Ташкент, очевидно, рассчитывал на его дипломатичность, умение находить общий язык с разными людьми, осторожность и воздержанность от крайностей. Указ о переводе митрополита Никандра с Одесской кафедры на Ташкентскую был подписан 17 сентября 1927 года, а в начале февраля 1928 года митрополит Сергей (Страгородский) писал в Ташкент митрополиту Никандру:

Все здесь (во Временном Патриаршем Священном Синоде – Ю.Ф.) очень умилились Вашей готовностью принять на себя Туркестанскую епархию, пока Бог судит Вам проживать на ее территории. Я просто терял голову с Туркестанскими делами. Теперь, слава Богу, как будто эта болячка перестала беспокоить и ночью и днем...⁴

Туркестанская епархия переживала исключительно сложные времена. После самовольного отъезда из Ташкента в начале 1923 года архиепископа Иннокентия (Пустынского), на здешней кафедре несколько лет практически не было архиерея. Вскоре возведенный в епископы Лука (Войно-Ясенецкий) занимал кафедру всего около недели. В 1923 году епархиальное управление и четыре оставшихся ташкентских храма были в руках обновленцев; многочисленные верующие, сохранявшие верность Патриарху Тихону («тихоновцы», или «староцерковники», как их тогда называли), остались без храмов⁵. Епископ Сергей (Лавров) сам уклонился в обновленчество и вообще своей беспринципностью и отступлениями от нравственных заповедей не годился на роль архипастыря.

В Средней Азии и Южном Казахстане, входившем тогда в Туркестанскую епархию, было довольно много ссыльных архиереев, что, казалось бы, должно было помогать в противодействии обновленцам. Но на практике это обстоятельство подчас лишь усложняло деятельность правящего архиерея. Ссыльные архиереи требовали почета, иногда вмешивались в церковную текущую жизнь. Например, про митрополита Евгения (Кобранова) – человека скромного, образованного, прихожане писали митрополиту Никандру, что он ведет себя в Кзыл-Орде как правящий архиерей. В Кзыл-Орде в ссылке находился бывший Уфимский епископ Андрей (Ухтомский). Он уклонился в старообрядчество, был запрещен в служении, однако продолжал присутствовать на службах, благословлять. Поступали жалобы

и на вернувшегося из ссылки епископа Луку (Войно-Ясенецкого), вокруг которого возникла своя «группа влияния»⁶.

Немало смущений в церковной жизни исходило от церковных советов. С одной стороны, повысилась важность и роль церковных советов в духе решений Поместного собора 1917–1918 годов. С другой стороны, как пишет один из священников митрополиту Никандру,

в составах церковных советов, за уклонением интеллигенции, состоят теперь главным образом люди безработные, часто озлобленные житейскими неудачами⁷.

Церковные советы зачастую боролись за власть и доходы, вносили смуты, стремились манипулировать священниками, угрожая их отстранением, писали на них жалобы. Велась ожесточенная борьба между некоторыми прихожанами за членство в советах. Это видно на примере Георгиевской общины Самарканда, одной из крупнейших в Средней Азии того времени: в ней было до 1000 прихожан. В одном из писем митрополиту Никандру сообщалось, что в общине

...выявилась кучка властолюбцев-корыстолюбцев, <...> стремящаяся бесменно стоять у кормила правления. Кто состоит в церковном совете? Бывший курьер Суворов, счетовод кирпичного завода Милашевский, поливальщик городских улиц Тахас, дочь покойного церковного старосты Чифтаева. Эта группочка, разжигая ссоры между священниками из-за дележа доходов, ловко вовлекала прихожан в эти ссоры, создавала группировки, смуту в Георгиевском обществе и, запугивая прихожан тем, что если не будет удален тот или иной священник, то ГПУ и светские власти ликвидируют общину, добивалась власти, влияния на дела общины и удаления кого-либо из членов [совета] и священников, не желавших с ними идти в ногу по пути самовластного, бесконтрольного хозяйничанья в Георгиевской общине⁸.

Как выяснилось, направлял действия совета против клира Георгиевского храма священник – некий Меркулов, который жил в Самарканде в ссылке. Среди ссылных попадались противники митрополита Сергия, которые убеждали верующих не ходить в храмы, где поминали имя патриаршего местоблюстителя.

Церквей становится все меньше – в 1931 году во всей епархии насчитывалось всего 40 действующих храмов. Священников же оставалось немало: и дореволюционных еще много было, много было тех, кто в Туркестан был выслан или приехал сам из Центральной России, в надежде найти более спокойное место и избежать притеснений. Было немало новых кандидатов, желающих рукополагаться. Нередко это были люди сомнительные, компрометирующие Церковь; некоторые были запрещены в служении или были обновленцами, но скрывали это.

Например, в Георгиевской церкви Самарканда с 1921 года служил псаломщиком, а затем диаконом некий Петр Мочалин. В 1930 году он стал домогаться рукоположения в иереи, но, видимо, прозорливость митрополита Никандра не позволила осуществиться этому. На следующий год Мочалин оставил церковную службу и опубликовал письмо в газете «Правда Востока»:

Я, нижеподписавшийся диакон самаркандской кладбищенской Георгиевской церкви, ориентации староцерковников, сознал, что религия не дает правильно развиваться челове-

Юрий ФЛЫГИН. «Я просто терял голову с Туркестанскими делами...»

честву. Ныне религия православной церкви ждет помощи своих братьев из-за рубежа, как папа римский, который несет своим крестовым походом угнетение трудящихся. Прослужив 10 лет диаконом для этой своры, ныне я снимаю с себя сан диакона и навсегда порываю всякую связь с церковью и попами и вступаю в ряды трудящихся. Долой церковь и попов тунеядцев. Долой папу римского. Да здравствует власть советов⁹.

Борьба за место порождала склоки, доносы. В эту неприглядность втягивались прихожане, которые тоже писали обращения, жалобы в пользу или наоборот в обвинение того или иного кандидата. К сожалению, и сами священнослужители давали порой повод для жалоб, совершая предосудительные вещи, не радели в службе, проявляли корыстолюбие, совершали безнравственные поступки. Бывали и случаи пьянства.

К митрополиту Никандру потоком шли обращения прихожан с просьбой заменить священника. Из одного поселка написали, что просят хорошего священника,

...если есть <такой> в Вашем распоряжении, если же нет, то лучше обождем, пусть будет храм без священника, чем иметь волка в овечьей шкуре¹⁰.

Там, где были священники-обновленцы, часто паства сама изгоняла их и просила прислать «тихоновского» священника. Из Оша в марте 1929 года писали архиерею:

Просим <...> не отказать нам в высылке православного священника, который исповедовал бы православную католическую веру и нас бы направил на истинный путь, так как до сего времени у нас были пастыри <...> волки в овечьей шкуре, обновленцы; эти продажные шкуры мало того, что занимались пьянством, карточной игрой, но даже и церковь сдали под театр¹¹.

В Муйнаке с 1925 года приход был обновленческим. Летом 1930 года митрополит Никандр послал туда иеромонаха Киприана. Тот в письме архиерею свидетельствовал о полном разложении прихода. Предыдущий обновленческий священник, некий Бачков, сложил с себя сан и обругал все церковное так, что этим сделал все, что только можно сделать для уничтожения прихода. По словам иеромонаха, вся служившая там обновленческая «шантрапа в рясах стремилась только сорвать, взять, выпить, а на остальное махали рукой»¹².

Миссия митрополита Никандра (Феноменова) была невероятно сложной. Но осуществлял он ее достаточно мудро, стараясь вывести корабль Церкви в спокойные воды. Он не только сохранил епархию, но и смог умирить конфликт между епископом Лукой и митрополитом Арсением. «Благодаря самоотверженности, уму и тактичности нового Туркестанского архиерея, епископ Лука и почитавшее его духовенство с их паствой не ушли в раскол»¹³. 30 сентября 1931 года включен в число постоянных членов Временного патриаршего Священного Синода.

Митрополит Сергей (Страгородский) не ошибся, назначая митрополита Никандра на среднеазиатскую кафедру в столь сложное время. Тот не отличался решительностью в действиях, но его постепенная, спокойная работа по управле-

Юрий ФЛЫГИН. «Я просто терял голову с Туркестанскими делами...»

ванию недугов церковной жизни дала свои плоды и позволила укрепиться православию, что помогло ему сохраниться в последующий, еще более тяжелый период притеснений Церкви во второй половине 1930-х годов прошлого века. А это дало возможность вновь возродиться церковной жизни в 1940-е и последующие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В кн.: *Смыслов О.С.* Богоборцы из НКВД. – М.: Вече, 2014. С. 168.
- ² *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. В 9 кн. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1997. Кн. 9: (1917–1997). 1997. С. 69.
- ³ *Одинцов М.И.* Государство и Церковь. 1917–1938. – М.: Знание, 1991. С. 24–25.
- ⁴ НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 63. Л. 57.
- ⁵ См.: *Озмитель Е.Е.* Архиерей-послушник для Туркестанской епархии (к вопросу о назначении митрополита Никандра (Феноменова) на Ташкентскую кафедру в 1927 году) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История.
- История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 139.
- ⁶ НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 65. Л. 5 об.
- ⁷ НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 64. Л. 27 об.
- ⁸ НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 83. Л. 12.
- ⁹ НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.
- ¹⁰ Правда Востока. 2 августа 1931, № 210.
- ¹¹ НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 60. Л. 10.
- ¹² НА Уз. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 71. Л. 3 об.
- ¹³ *Озмитель Е.Е.* Указ. соч. С. 153–154.

Александр ДЖУМАЕВ

«Мы вставали, когда в кабинет входил Фитрат»

Абдурауф Фитрат, русская культура и советское востоковедение

Хаджи Абдурауф Фитрат Бухараи (1886/87–1938) – крупный теолог и реформатор ислама, джадид-прогрессист и просветитель, политический деятель, революционер, литератор и ученый (историк, литературовед, лингвист, музыковед).

Фитрат – одна из самых сложных и противоречивых фигур в истории политического движения и культурно-интеллектуальной жизни в Средней Азии, на Среднем Востоке, в целом – в исламском мире первой трети 20 века. Принадлежа мусульманскому Востоку, Фитрат оказался в эпицентре столкновения двух миров – восточного, колонизированного и пробуждающегося, и западного, выступавшего в роли колонизатора. В его лице мусульманский Восток в пору глубоких потрясений, духовного кризиса и поисков новых путей развития обрел интеллектуального лидера. Фитрат совместил традиционное мусульманское образование (мактаб и медресе в Бухаре и Стамбуле), глубокое знание ислама¹ и восточных языков (арабского, персидско-таджикского, тюркских) – с новейшей европейской мыслью в области статистики, образования, медицины, устройства общества, военного дела.

В последние годы открылись новые факты, касающиеся его деятельности на поприще молодого советского востоковедения и музыковедения, его сотрудничества в этой сфере с русскими советскими учеными. Этой малоизвестной странице биографии Фитрата и посвящена наша статья. Она подготовлена на основе текстов сочинений Фитрата, с привлечением разнообразной научной литературы, в том числе на узбекском и таджикском языках². Мы попытаемся проследить эволюцию взглядов Фитрата в отношении России и русской культуры, а также осветить его сотрудничество с ее деятелями в сохранении памятников культуры Бухары и Туркестана в послереволюционный период.

Фитрат и его отношение к России и российской культуре

На протяжении тридцати лет своей жизни Фитрат был вынужден менять либо маскировать свои взгляды в зависимости от складывающейся политико-идеологической ситуации³. В целом, можно выделить четыре основных периода, отражающих эволюцию его воззрений на Россию и русскую культуру.

Первый период – дореволюционный – имел для Фитрата ознакомительный характер, когда молодой, революционно настроенный бухарский интеллигент соприкоснулся с культурой России, и в первую очередь с культурой российских мусульман, устанавливал знакомства и связи. Известно, что Фитрат посещал Москву и Петербург еще до появления своих первых сочинений. А в 1908 году он вместе со своим отцом Абдурахимбаем совершил хадж, маршрут которого предположительно проходил через Одессу в Константинополь и далее.

Фитрат как джадид-прогрессист и просветитель начинал сторонником сохранения (*салтанатпанох*) правления династии Мангытов в Бухаре при условии проведения эмиром реформ и перехода к конституционной монархии и просвещенному правлению. Он приветствовал в 1910 году приход к власти эмира Сайида Алимхана, сочинив к этой дате хвалебные стихи и тарих-хронограмму*.

Второй период – предреволюционный и собственно революционный (с февраля и до октября 1917 года) – связан с противостоянием Фитрата российской колониальной политике, а затем и социал-революционной (преимущественно большевистской) идеологии.

В этот период Фитрат становится острым и нелицеприятным критиком Бухарского ханства. На это повлияли различные факторы – революционные события 1905–1907 годов в России и странах Востока, национально-революционная идеология младотурков**, изменения в странах исламского мира. Жесткой критикой, перемешанной с едким сарказмом, пропитаны его сочинения 1909–1916 годов, выходившие в Стамбуле и Баку: «Муназара» («Спор», 1909), «Байанат-и сайах-и хинди» («Записки индийского путешественника», 1912–1913) и «Аила йа худ вазаиф-и ханадари» («Семья, или Задачи семейной жизни», 1916)⁴. Нередко Фитрат проводит нелестные для Бухары сравнения с ситуацией у завоевателей Туркестана – в Российской империи, у русских. Такой подход должен был «пробудить от сна неведения» (*аз хаб-и гафлат бидар кардан аст*) мусульман Туркестана и Бухары⁵, заставить их задуматься о собственном неведении и невежестве (*гафлат, джахалат*). Эти сочинения вызвали негодование и критику со стороны консервативного мусульманского духовенства⁶.

Фитрат выступает как бескомпромиссный защитник ценностей ислама, как патриот Бухары – древнего очага исламской культуры. Он болезненно реагирует на ее зависимость от цивилизации и культуры Российской империи и Европы в целом. Проводя (в «Муназара») сравнения между достижениями «неверных» (*куффар*) и мусульман, по всем направлениям не в пользу последних, Фитрат

* *Тарих* – поэтическая хронограмма, где сумма числовых значений букв образует дату, которой посвящен тарих.

** *Младотурки* – политическое движение в Османской империи, которое, начиная с 1876 года, пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство.

с горечью восклицает: «Тьфу на эту черную эпоху (*рузгар-и сийах*)»⁷. В другом сочинении, «Аила йа худ вазаиф-и ханадари», Фитрат вновь отмечает высокие достижения русских. Так, касаясь бухарских школ, Фитрат пишет, что даже «конюшни в странах европейцев и русских чище и заполнены более приятным воздухом» (*асбханахаи мамалик-и фаранги ва рус аз у пакизатар ва хушхаватар мибашад*)⁸.

В своем неприятии христианства и преувеличении его опасности для ислама Фитрат был близок к консервативным кругам *улама* – мусульманских теологов. Однако, в отличие от них, Фитрат не отвергает достижений европейской цивилизации по той лишь причине, что они принадлежат «неверным» (*куффар*). Напротив, он настойчиво призывает мусульман к освоению и использованию этих достижений. Для выхода из кризиса, охватившего «мир ислама» (*'алам-и ислам*), Фитрат призывал не отказываться от опыта «неверных», а пользоваться методом усвоения и приспособления всего лучшего из достижений «враждебных исламу» (*душман-и ислам*) стран европейской цивилизации, прежде всего – Российской империи.

В «Записках индийского путешественника» он критикует местных бухарских докторов и отдает предпочтение более образованному русскому врачу, несмотря на неприязнь к нему со стороны обывателей как к «кафиру»⁹.

Жесткий диагноз состоянию различных государственных и общественных институтов Бухарского ханства и, в особенности, системе образования Фитрат ставит в упомянутом выше сочинении «Муназара» («Спор») ¹⁰. Он подвергает критике высшие сословия Бухары, их бесконтрольное и незаконное обогащение, грубое нарушение норм и традиций ислама, невежество простого населения, выявляет причины упадка и разрушения ислама (*сабаб-и хараби-йи ислам*)¹¹. Фитрат задается вопросом о реальном статусе Бухарского государства в контексте политики Российской империи. Ведь в глазах рядовых обывателей-мусульман (их представляет один из героев книги – Мударрис – преподаватель бухарского медресе) Бухара предстает как государство, дружески опекаемое Россией. Однако в реальности оно находилось в беспомощном и несамостоятельном положении. Если русские не захватили Бухары, то почему тогда, спрашивает Фитрат, каждый день от императора поступают новые распоряжения (*таклиф-и таза*) амиру, а от консула – премьер-министру (*кушбеги*)? Возможно, что это приказы дружеские. Но почему – в противовес этому – амир также не направляет распоряжений русскому государю?¹²

Главный герой – Фаранги (Европеец), очевидно, выражая точку зрения самого Фитрата, считает русское государство врагом ислама (*хукумат-и русраки душман-и ислам аст*)¹³ и заключает, что первым делом в усилении ислама и противостоянии неверным является основание джадидских школ. И в этом начинании нужно у них же и учиться, так как христиане смогли победить ислам по причине своей высокой образованности и развития. Путь спасения ислама – открытие новометодных школ (*мактаб-и джадид*) и приверженность знанию (*илм*). Фитрат также призывал перенимать у русских организацию военного дела и все новейшие виды вооружения – пушки, бомбы, динамит и т.п. Для этого необходи-

мо опираться на возможности канонического исламского постулата о «хороших новшествах» (*бид'ат-и хасана*).

Примечателен и тот факт, что некоторые свои сочинения Фитрат опубликовал в России. В 1915 году, благодаря поддержке бухарского просветителя 'Абд ал-Вахида Мунзима Бухараи ('Абд ал-Вахида Бурханова), в Петрограде было опубликовано важное программное сочинение Фитрата на таджикско-персидском языке «Рахбар-и наджат» («Путь к спасению»)¹⁴. В том же году здесь был опубликован и перевод Фитрата на персидский язык исторического романа «Мусулманан-и дар ал-рахат», изданного ранее Исмаил Бекком Гаспринским в Бахчисарае на тюрки (*ба забан-и турки*)¹⁵. Издание было осуществлено организацией «Китабхана-йи ма'рифат» («Библиотека просвещения»), основанной в Бухаре.

Особенно бурную деятельность Фитрат развивает после Февральской революции. В одной только газете «Хуррийат» («Свобода»), в которой он работал редактором в 1917–1918 годах, он публикует более тридцати публицистических статей и заметок¹⁶. В них вновь поднимаются темы противостояния Запада и Востока, колониальной политики западных стран и Российской империи в Туркестане и Бухаре и противодействия идеям социал-демократов. Критикуя политику Российской империи, Фитрат отмечал, что она препятствовала прямому культурному взаимодействию Туркестана с Европой. Фитрат выступает за объединение различных духовных течений и интеллектуальных сил Бухары и Туркестана на общей платформе ислама и его ценностей, а затем – на базе общего тюркского культурного наследия.

Третий период – с 1918-го до начала 1930-х годов. После неудачной попытки захвата власти в Бухарском эмирате русскими большевиками и младобухарцами в марте 1918 года в Бухаре начинаются репрессии против местных джаидов и, в целом, просвещенной интеллигенции. Фитрат переходит на позиции идейной и политической борьбы с бухарским режимом и лично с эмиром Алим-ханом. Он призывает проклятия на голову эмира, которого «следует убить в день праздника революции, а из его головы дозволено сделать корпус танбура»¹⁷. Фитрат готовит ряд программных документов для партии младобухарцев, играет заметную роль и в создании Бухарской коммунистической партии¹⁸. В 1920 году он активно участвует в подготовке и осуществлении революции в Бухаре, а после ее победы – в проведении репрессий против бывших сановников и родственников эмира¹⁹.

На коллективных фотографиях времени бухарской революции мы видим Фитрата вместе с другими активными ее участниками – Файзуллой Ходжаевым, Валерианом Куйбышевым, Назипом Хусаиновым, Мусой Саиджановым и другими. Весь его внешний облик, военная форма одежды, суровое выражение лица говорят о многом. Здесь перед нами не поэт и писатель, а активный революционер, входящий в руководящие структуры Бухарской Народной Советской Республики²⁰.

Фитрат входит в состав правительства Бухарской Народной Советской Республики, возглавляемого Файзуллой Ходжаевым. Он занимает различные должности – наркома иностранных дел и наркома просвещения. Наиболее плодотворной была его деятельность на посту *назира* (наркома) Бухарского назирата просвещения (1922–1923). Именно в этот короткий период Фитрат устанавливает творче-

ское взаимодействие с представителями русской культуры, прежде всего музыковедами.

Союз коммунистов с джадидами был, с обеих сторон, временным тактическим шагом. Это был компромисс, вызванный совпадением политических интересов в период борьбы с властью эмира в Бухаре; сказалось и кратковременное увлечение джадидов коммунистическими идеями и лозунгами. Временный компромисс хорошо осознавался с обеих сторон. Негативное в целом отношение большевиков к джадидам никогда не скрывалось, а потому трудно согласиться с утверждениями некоторых современных исследователей о «коварстве большевиков» и т.п. Вопрос об отношении к партии младобухарцев неоднократно обсуждался в разных центральных партийных инстанциях и советских структурах (с участием руководящих работников Бухарской коммунистической партии и самих младобухарцев), в особенности в период подготовки бухарской революции. Так, в резолюции Народного Комиссариата иностранных дел от 30 августа 1920 года указывалось на преждевременность разрыва с «младобухарцами-революционерами» (так как в этом случае они перейдут в лагерь противников большевиков). В заключительных пунктах документа было прямо заявлено:

В дальнейшем, по мере перехода движения от национально-демократического к социальному, в рядах младобухарцев неминуемо наступит известное разложение, расслоение, причем часть войдет в коммунистическую партию, а с остальной придется уже при новой ситуации порвать и трактовать их, вероятно, как контрреволюционеров²¹.

После утверждения в Бухаре советской власти джадида начинают рассматриваться большевиками как противники. Так, в одной из резолюций Июльского Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 14–23 июля 1926 года отмечалось: «Неизбежны также попытки возрождения мелкобуржуазных националистических партий (петлюровцев, джадитов, алашардинцев и т.п.)»²².

Фитрат, так много сделавший для идейного развенчания и практического разрушения эмирского режима, феодального общества, его культуры и ценностей, уже вскоре сам стал олицетворением всего консервативного и мешающего строить «новый мир». В формирующемся советском обществе он стал восприниматься как сторонник всего устаревшего и отжившего, как панисламист и пантюркист. С начала 1920-х годов и до его ареста в июле 1937 года вокруг имени Фитрата шла ожесточенная идеологическая борьба. Если среди части тюркоязычной (узбекской) интеллигенции Фитрат пользовался огромным авторитетом и нередко наделялся высокими эпитетами (например, «наш великий литератор и поэт Фитрат Афанди»²³), то в партийных документах и выступлениях его деятельность и взгляды получают преимущественно негативную оценку²⁴.

Уже в июне 1923 года Фитрат был снят с должности назира (комиссара) просвещения в правительстве Бухарской Республики за «злоупотребления властью и хищения государственной собственности»²⁵. Это отстранение от власти и последующая «ссылка» в Москву усилили его разочарование в политической деятельности. Фитрат целиком сосредоточивается на культурной и научной работе.

Четвертый период – с начала 1930-х и по июнь 1937 года – сотрудничество Фитрата в качестве научного сотрудника с Институтами востоковедения в Москве и Ленинграде (последний с 2007 года – Институт восточных рукописей).

Но и вступив на новую стезю деятельности, Фитрат не отказывается от своих принципов, от своего понимания путей строительства национальной культуры. Проявляя внешнюю лояльность к советской власти, он направляет свои усилия на воспитание новой узбекской интеллигенции на базе тюркского (в особенности чагатайского) и общемусульманского культурного наследия. Его влияние (судя по многочисленным свидетельствам, воспоминаниям, материалам допросов в НКВД и т.д.) на интеллигенцию, на творчество молодых узбекских и таджикских поэтов и писателей той эпохи было значительным.

Научный и творческий масштаб Фитрата (прежде всего как знатока культурного наследия мусульманского Востока, рукописей на арабском, персидском и тюркских языках) понимали и многие русские ученые-востоковеды. Уже ранние научные публикации Фитрата привлекли внимание в востоковедческих центрах СССР – Ленинграде и Москве – и вызвали появление рецензий и отзывов в академических изданиях²⁶. Неудивительно, что руководители советской науки попытались привлечь Абдурауфа Фитрата к сотрудничеству.

Ниже мы рассмотрим два масштабных проекта, осуществленных Фитратом с участием российских деятелей культуры и науки. Первый из них – это нотная запись классической музыки – монументального цикла Бухарского Шашмакома в начале 1920-х годов в Бухаре, осуществленная русским музыкальным этнографом и композитором Виктором Успенским. Второй – участие Фитрата с начала 1930-х годов, уже как профессора и внештатного научного сотрудника, совместно с сотрудниками Института востоковедения в Ленинграде, в подготовке к изданию уникального сборника документов по истории экономических и правовых отношений в Бухарском ханстве XVI века. Обе грандиозные по масштабу инициативы оказали заметное влияние на интеллектуальную и научную мысль своего времени.

Фитрат и нотная запись Бухарского Шашмакома

Одной из самых заметных инициатив Фитрата в области музыкальной культуры стала организация нотной записи Бухарского Шашмакома – монументального цикла вокальных и инструментальных произведений классической музыки таджиков и узбеков²⁷. Это было важным звеном в продуманной культурной политике Фитрата по сохранению и развитию традиционной культуры. Запись Шашмакома официально закрепляла и канонизировала главный вид классической музыки Бухары в качестве национального наследия. Проблема фиксации музыкального наследия в послереволюционные годы повсеместно выдвигалась как одна из первоочередных задач музыкальной этнографии.

С нотной записи Бухарского Шашмакома начинаются взаимоотношения между Фитратом и известными деятелями русской советской музыкальной культуры –

музыковедом Виктором Беляевым (1888–1968), композитором, музыкальным этнографом и музыковедом Виктором Успенским (1879–1949), бывшим военным капельмейстером, музыкантом и музыкальным деятелем Узбекистана Николаем Мироновым (1870–1952). Позже к этому кругу лиц присоединятся и другие известные деятели русской культуры, работавшие в творческих и научно-музыкальных учреждениях Москвы и Ленинграда.

Наиболее значимой личностью среди них был Виктор Успенский, непосредственно работавший с Фитратом и сохранивший с ним отношения на долгие годы. В 1913 году Успенский окончил Петербургскую консерваторию, где обучался композиции в классе известного композитора Анатолия Лядова. В 1917 году Художественным советом консерватории Успенский был командирован в Туркестан «для собирания местных народных песен и изучения народного музыкального искусства»²⁸.

В начале 1923 года Фитрат приглашает Успенского в Бухару для нотной записи Шашмакома. Между ними было заключено официальное соглашение, согласно которому Успенский поступал на службу в Назират Просвещения БНСР и осуществлял деятельность по нотной записи Шашмакома от бухарских музыкантов Ата Гийаса Абдугани, Ата Джалала²⁹.

Согласно Аттестату, выданному Успенскому Назиратом Просвещения по завершении работы (от 15 марта 1924 года, № 236), эта работа была проделана им с 24 февраля 1923 года и по 15 марта 1924 года. Приведем данный документ полностью:

Аттестат. Дан сей свободному художнику Виктору Александровичу Успенскому в том, что он действительно состоял на службе в народном Назарате Просвещения Бухарской Народной Советской Республики с 24 февраля 1923 года по 15 марта 1924 года. Гражданину Успенскому было поручено собирание и записи древних макомов /Восточные классические музыкальные поэмы/. Гр. Успенский умело выполнял эти поручения и тем оказал большую услугу в деле увековечения восточной музыки. Были записаны макомы: 1. Рост, 2. Ирак, 3. Дуго, 4. Наво, 5. Бузрук, 6. Сего, которые были проверены особой комиссией и одобрены Научным Советом Наркомпроса. Наркомпрос выражает признательность гр. Успенскому и по его личному желанию, ввиду отъезда из Бухары, освобождает от занимаемой должности и откомандировывает по месту жительства и службы в гор. Ташкент, что подписями и приложением печати удостоверяется. М.П. С подлинным верно: Секретарь Муз. техн. А. Раздорская³⁰.

По ходившим слухам, назир Фитрат лично платил Успенскому золотой бухарской валютой (по другой устной версии – просто золотом) за каждую страницу нотной записи³¹. Эти сведения, однако, не подкрепляются документальными свидетельствами. Годы были тяжелые, и для Успенского финансовый вопрос был жизненно важен. Постоянная нехватка денег доводила до отчаяния, порой случались даже недомогания из-за голода. Вот лишь несколько признаний Успенского в письмах Беляеву: «Деньги нужны весьма!» (сентябрь 1924), «Живу скверно: трудно, нудно и весьма слякотно!» (март 1925), «Встреча этого года прошла грустно, вернее его (Нового года – А. Дж.) не было, ибо не было денег и продуктов. Жизнь становится

невероятно тяжелой...» (2 января 1933 г.) и т.п. Все письма написаны уже после завершения Успенским записи Шашмакома, причем первое из них – даже в один месяц с выходом его в свет (сентябрь 1924 г.). Видимо, выплаченный Фитратом гонорар отнюдь не был столь значительным, как полагали некоторые его современники, и не решил материальных проблем Успенского даже на короткое время. (И так продолжалось, по-видимому, вплоть до середины 30-х годов, когда уже государство взяло на себя заботу о заслуженном деятеле музыкальной культуры республики.)

Из сохранившейся машинописной копии письма Фитрата, адресованного Успенскому, выясняются любопытные подробности условий работы последнего, в том числе вопрос об оплате. Несмотря на то, что смысл некоторых пунктов этого письма для нас неясен из-за отсутствия самого договора, приведем этот документ:

Уважаемый тов. Успенский! Представленный Вами план предполагаемых работ по музыкальной этнографии БНСР нами одобрен и условия, на которых Вы соглашаетесь выполнить указанную работу, приняты с некоторыми изменениями, а именно:

Пункт 1-й сам по себе вполне приемлем, но включить его в договор неудобно, так как мы не можем обещать что-либо за ТурЦИК. Бухара и Туркестан две совершенно самостоятельные республики, но в этом отношении нами будут приняты меры. ТурЦИК'у уже написано соответствующее письмо.

Пункты 2, 3 и 4 – принимаются без изменений.

Пункт 5-й – тоже приемлем и нами приняты меры к приобретению фонографа, но для того, чтобы несвоевременное прибытие или вовсе не получение фонографа, вследствие отсутствия его на рынке, не послужили причиной нарушения договора, этот пункт в договор не включается. До прибытия нашего фонографа, Вы можете пользоваться собственным фонографом.

Пункт 6-й отклоняется.

По пункту 7 – ежемесячный оклад Ваш определяется в 200 руб. золотом по базарному курсу дензнаками БНСР.

Пункт 8 – Вам будет предоставлена возможность работать в течение летних месяцев в загородном саду.

Пункты 9 и 10 – принимаются.

Пункт 11 – в случае нарушения договора со стороны Бухреспублики, последняя оплачивает Вам месячный оклад жалованья.

Со своей стороны Бухреспублика ждет от Вас выполнения следующих работ:

1/ Вы будете давать уроки нот в муз. школе «Шарк» Нарназпроса БНСР.

2/ Организуете музыкальный оркестр из нынешних учеников муз. школы «Шарк» Народного Назарата Просвещения и местных музыкальных инструментов.

3/ Выполните работы, указанные в представленном Вами плане работ для подписания договора с Вами, если только указанные в настоящем без изменения будут Вами приняты. Генеральному консулу БНСР в Ташкенте посланы полномочия.

/Фитрат/³².

Из документа видно, что зарплата, обозначенная в рублях золотом, на самом деле была выплачена бухарскими деньгами «по базарному курсу». Однако сам Фитрат располагал по тем временам большими возможностями и, видимо, щедро расходовал государственные средства на осуществление своих культурных замыслов. Это и стало, очевидно, позже одной из причин, приведших к обвинениям в

растрате народных средств, снятию с поста назира и высылке из Бухары³³. Как пишет Успенский в письме Беляеву от 19 апреля 1924 года:

Перед отъездом из Бухары, во время сдачи назиру (то есть наркому Фитрату. – А.Дж.) макомов, которые они хотят печатать в Москве, я им оставил твой адрес, по которому они хотят обратиться к тебе корректировать эту историю во время печатания и, конечно, за особую плату. Мой совет тебе, если они будут у тебя, в цене не церемониться (выделено Успенским. – А.Дж.), так что ты это имей ввиду!³⁴

Предложенная Успенским идея привлечь Беляева в качестве автора вводной статьи и редактора издания Бухарского Шашмакома так и осталась неосуществленной, хотя в июне 1924 года Фитрат предпринял попытку установить с ним контакт³⁵. В сентябре того же года Бухарский Шашмаком публикуется в Москве, но без вводной исследовательской статьи и под редакцией Фитрата и Миронова. Успенский усматривал здесь закулисные действия Миронова; как он писал Беляеву 14 сентября 1924 года:

Не сомневаюсь в том, что тут накрутил что-то Миронов, но в чем дело – не понимаю³⁶.

В свою очередь Беляев также писал Успенскому 26 ноября 1924 года, что «возмущен поступками Миронова и Фитрата»³⁷.

Далее ситуация еще более обостряется. Ни сам автор нотной записи Успенский, ни Беляев почти два года не могли получить ни одного экземпляра вышедшей книги. Это до предела ухудшило отношения между участниками издания³⁸. В октябре 1926 года Беляеву удается раздобыть один экземпляр издания в самой Москве у типографского работника, занимавшегося печатанием книги³⁹. Обнаруживается, что в издании отсутствуют поэтические тексты, а сами вокальные разделы записаны в инструментальной версии. В письме Беляеву от 4 июля 1927 года Успенский писал, что это Фитрат в мягкой форме запретил ему записывать тексты макомов, хотя он, Успенский, «доказывал, что это необходимо»⁴⁰.

Много позже, в 1960 году, Беляев в своих воспоминаниях об Успенском так напишет о произошедшем:

Из-за небрежности Назирата просвещения Бухарской Республики Виктор Александрович после издания его записи Шашмакома в Москве (1924 год) в течение двух лет не получал авторских экземпляров своей работы. А лицо, давшее в «Известиях» (25 сентября 1924 года) сведения о выходе в свет Шашмакома для заметки «Музыкальные сокровища Востока», оказалось столь слабо знакомо с требованиями литературной этики, что не сообщило при этом имени автора записей. Оба эти факта очень расстроили болезненно-впечатлительного Виктора Александровича⁴¹.

После ознакомления с изданной записью Беляев, знавший арабскую графику, решил раздобыть недостающие тексты к вокальному разделу. Успенский советовал ехать за ними в Бухару. И действительно, в декабре 1929 года Беляев по дороге в Ашхабад заезжает в Бухару. Здесь он получает тексты для Шашмакома, записанные преподавателем «Шарк мусики мактаби» («Школы восточной музы-

ки») Ниязом Раджабовым (Раджаб-зода) от знаменитого бухарского певца Ата Джалала (1845–1928), напевшего в свое время Успенскому вокальные разделы Шашмакома⁴².

Ознакомившись с текстами, Беляев увидел за указаниями Фитрата определенную подоплеку. Дело в том, что большинство текстов были на персидско-таджикском языке. Поэтому данный поступок Фитрата было легко расценить как проведение в музыкальной науке пантюркистских идей.

Для Беляева – ученого с европейскими критериями научного познания и методологией исследования – Шашмаком представлял собой источник научных знаний, и, соответственно, его запись и публикация должны были быть максимально точными. Свою позицию в связи с отсутствием текстов в записи Шашмакома он формулирует в письме от 9 марта 1936 года известному русскому востоковеду Александру Семенову (1873–1958):

При работе над записью Шашмакома В.А. Успенский, по указаниям Фитрата, не записал его текстов под нотами. В результате этого получилось, что, даже обладая этими текстами в их полном виде, записанными отдельно, мы не можем соединить их с музыкой, что снижает ценность записи Шашмакома в весьма значительной степени, делает их неполноценными и лишает их значения точных научных материалов⁴³.

Не называя имени Фитрата, но, несомненно, имея в виду и его, Беляев трактует этот факт в своей неопубликованной работе 1933 года «К вопросу о современном положении в области изучения национальной музыки», написанной по заказу Управления по делам искусств при СНК УзССР, как проявление местного национализма:

...Советские музыкальные этнографы старой школы, подпадая под влияние теории национального самоопределения в буржуазном понимании этого термина, теряют способность противостоять также влиянию теории местного национализма, часто отражая их в своих работах. Игнорируя запись национальных текстов при записи национальных музыкальных произведений, музыкальные этнографы этой школы объективно поддерживают великодержавно-шовинистические тенденции и осуществляют подход к национальной музыке как к экзотическому искусству, действующему на воображение европейца прежде всего своей внешностью⁴⁴.

Иначе смотрел на Шашмаком Фитрат. Для него это было родное национальное наследие, которое могло быть подвергнуто определенной обработке и очищению для дальнейшего его использования в новых изменившихся исторических условиях. Таких же взглядов придерживался и второй редактор изданного Шашмакома – Николай Миронов. В отличие от Беляева – профессионального музыковеда «кабинетного» типа – Миронов был музыкантом-практиком, имевшим большой опыт полевой музыкально-этнографической работы, начавшим свою деятельность в Средней Азии еще в конце прошлого века. Видимо, эти обстоятельства и обратили на него внимание Фитрата и стали причиной их сближения. Фитрат доверял Миронову и поддерживал его в наибольшей степени. В 1928 году он содействовал назначению Миронова директором открывшегося

в Самарканде Научно-исследовательского института по изучению народной и классической музыки узбеков⁴⁵. На этом посту до 1932 года Миронов работает со многими крупными народными музыкантами, неизменно пользуясь их уважением. Одну за другой Миронов выпускает несколько музыкально-этнографических книг: «Музыка узбеков» (1929), «Обзор музыкальных культур узбеков и других народов Востока» (1931), «Песни Ферганы, Бухары и Хивы» (1931), «Музыка таджиков» (1932). Каждая из них содержит богатый и ценный фактический материал по музыке среднеазиатских народов и нотное приложение. Однако поэтические тексты в большинстве случаев не публикуются, поскольку, по мнению Миронова, они устарели, не соответствуют новой революционной эпохе и нуждаются в редактировании. (В свою очередь, Беляев выступил с критикой подобного метода Миронова, в частной переписке с Успенским называя этот подход «мироновщиной»⁴⁶).

Действительно, причиной для удаления поэтических текстов бухарского Шашмакома могло быть наличие в них мистических (суфийских) и религиозных стихов и мотивов, стихов-панегириков, восхваляющих правящего эмира, и т.п.⁴⁷. В обнаруженном нами сборнике текстов к Шашмакому, записанных со слов самого Ата Джалала, равно как и в некоторых других сборниках-байазах, подобного рода стихи имеются, однако их число незначительно⁴⁸. Вместе с тем, количественное соотношение в сборнике персидско-таджикских и узбекских стихов скорее подтверждает то, что запись и издание Шашмакома следует рассматривать в контексте политики Фитрата по тюркизации музыкального наследия Бухары⁴⁹.

Эта позиция Фитрата не была случайной, она отражала взгляды некоторых бухарских просветителей-джадидов и революционеров-младобухарцев. Так, Файзулла Ходжаев, считавший Фитрата своим учителем, писал, что «следы... арабско-персидской культуры» в Бухаре являются «для нашего времени... анахронизмом»⁵⁰. Сам Фитрат в те годы еще находился под сильным влиянием турецкой модели политического и культурного развития. По свидетельству Айни, Фитрат и некоторые другие джадиды, обучавшиеся в Турции, «разговаривали не только между собой, но и с жителями Бухары на турецко-османском языке»⁵¹.

Вместе с тем, было бы некорректно рассматривать проблему персидских и узбекских текстов Бухарского Шашмакома в его дореволюционном бытовании с точки зрения современного статуса этих языков, ставших показателем (нередко главным) национальной принадлежности. Для ценителей макомного искусства в Бухаре (будь то правящие эмиры, просвещенная элита или простые любители) язык был категорией эстетической, он являлся показателем их художественных вкусов и предпочтений. В условиях же начавшегося в 1920-е годы национального размежевания удаление старых персидско-таджикских текстов – даже независимо от истинных намерений Фитрата – объективно стало первым шагом в начавшемся переделе и «национализации» культурного наследия. Парадокс заключается в том, что впоследствии, в 1950–1960-е годы, именно линия осужденного за национализм, пантюркизм и прочие грехи Фитрата фактически полностью реализуется в узбекской национальной версии Шашмакома с узбекскими же поэтическими текстами. Точно так же, как в Таджикистане будет создан собственный, таджик-

ский национальный вариант Шашмакома, только с персидско-таджикскими текстами. Так некогда общее культурное наследие – Бухарский Шашмаком, объединявший в себе обе языковые и музыкальные традиции, – будет трансформировано по национально-языковому принципу. В этом заключается трагедия не только Бухарского Шашмакома, культуры Бухары в целом, но и любой другой культуры полиэтнического типа, обреченной в случае кардинального изменения политической ситуации на болезненный передел.

Важно другое: несмотря на конфликт, возникший у Фитрата с Успенским и Беляевым в связи с записью Шашмакома, в воззрениях Фитрата в отношении русской культуры происходят значительные перемены. Вышедшая в 1927 году брошюра «Узбекская классическая музыка и ее история» («Ўзбек классик музикаси ва унинг тарихи») ⁵² свидетельствует об очевидном интересе к достижениям русской культуры, к внедрению в узбекскую музыку европейской нотной системы и опыта русской музыкальной науки. Кроме того, в этой брошюре Фитрат коротко рассказывает о деятельности Беляева и Успенского по записи Шашмакома и его изучения.

Со своей стороны, Успенский также оценил роль Фитрата в сохранении музыкального наследия Бухары. Даже находясь с ним в довольно сложных отношениях, Успенский продолжал уважать Фитрата как истинного энтузиаста и знатока восточной музыки:

...Записи макомов Бухары начаты по инициативе быв<шего> назира Просвещения, известного в Туркестане поэта и писателя Фитрата, страстно любящего музыку. Эта работа производилась мной под руководством Фитрата. Он-же снабжал меня многими ценными сведениями по изучению истории макомов и давал ноты, Фитрат копается в древних литературных источниках, могущих осветить историю и эпохи макомов... ⁵³

Впоследствии, после завершения работы по нотной записи Шашмакома, Успенский неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и письменных докладных записках роль Фитрата в этом культурном проекте ⁵⁴.

Взаимодействие Фитрата с русскими учеными и деятелями культуры в записи Шашмакома не только привело к изменениям в его взглядах. Оно стало для него важным опытом для продолжения сотрудничества в сфере культуры и науки. И уже вскоре этот опыт оказался востребованным в новой социально-политической ситуации.

Фитрат в Ленинграде: история с материалами из архива шейхов Джуйбари

Опала, начало которой положил июньский 1923 года пленум ЦК Бухарской компартии, и высылка из Бухары вынудили Фитрата сойти с политической арены. С этого времени он сосредоточивается на культурной и научной деятельности и преподавательской работе, которая в течение нескольких лет протекала в восточноведческих учреждениях Москвы и Ленинграда.

Ссылка отдельных представителей национальной интеллигенции среднеазиатских республик в Москву и Ленинград не была в 1920-е годы чем-то из ряда вон выходящим. Она практиковалась достаточно широко и преследовала цели не столько наказания, сколько идейного перевоспитания⁵⁵. В Москву высылали казахских участников движения «Алаш» и партии «Алаш-Орда», провинившихся деятелей компартии. Среди них был, например, известный казахский государственный деятель и историк Санджар Асфендиаров (1889–1938). В 1926 году в Москву был отправлен один из лидеров Алаш-Орды, государственный деятель, экономист и историк Алихан Букейханов (1866–1937). Здесь он продолжал заниматься научной работой, являясь постоянным экспертом по Казахстану в составе Особого комитета Президиума Академии наук по исследованию союзных и автономных республик⁵⁶.

С конца 1920-х годов Фитрат работает в Лазаревском институте (Институт востоковедения) в Москве и в Азиатском музее (с 1930 г. – Институт востоковедения) в Ленинграде. Имеются сведения и о преподавательской работе Фитрата в Московском университете⁵⁷. Причем работа в этих учреждениях не мешала Фитрату уже со второй половины 20-х годов постоянно работать сначала в Самарканде – в Самаркандском государственном университете, а после переезда в середине 30-х в Ташкент – в Педагогической академии и в Институте языка и литературы при Комитете наук Узбекской ССР. 16 августа 1925 года Фитрат выступает с докладом на заседании Комитета узбековедения в Самарканде⁵⁸.

С середины 1930-х годов Фитрат числился внештатным сотрудником Персидского (позже Иранского) кабинета Института востоковедения АН СССР, созданного в 1930 году⁵⁹. Здесь сложился тот небольшой круг ученых-иранистов, с которым общался и сотрудничал Фитрат с начала 30-х годов, и это в первую очередь: Евгений Бертельс, Александр Болдырев и Фёдор Ростопчин.

Интерес к Фитрату как крупному специалисту по Востоку, знатоку восточных языков и рукописей возрос в академической востоковедной среде с начала 1930-х годов. В это время начинается работа по реорганизации деятельности Академии наук СССР. В июне 1931 года в Москве состоялась Чрезвычайная сессия АН, на которой были поставлены и проблемы исследования Востока. Обобщающие положения для востоковедческой науки были изложены в докладе директора Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, академика Сергея Ольденбурга (1863–1934) «Восток и Запад в советских условиях». Он, в частности, отметил, что востоковедение «ищет теснейшей связи с жизнью современного Востока, с его экономической и политической структурой»⁶⁰.

Для решения этих задач стали активнее привлекаться местные специалисты из восточных республик. Так, в обзоре деятельности «Археографической комиссии» сообщалось:

Комиссия в настоящее время занята собиранием исторического материала, относящегося прежде всего к народам нашего Востока, которые до сих пор очень мало знали свою историю. К этой работе, возглавляемой академиками И.Ю. Крачковским и А.Н. Самойловичем, привлечены как ленинградские специалисты, так и местные, особенно ценные знанием языка и архивных материалов восточных республик⁶¹.

Имя Фитрата было напрямую упомянуто в статье академика Ольденбурга под названием «Единая востоковедная работа», имевшей программное значение для советского востоковедения. Одна из самых актуальных проблем, выдвинутых Ольденбургом, – изучение экономики Востока, в том числе в ее историческом прошлом, так как «вопросами экономики Востока в прежнее время востоковеды занимались вообще мало, и здесь еще предстоит огромная работа»⁶².

Проблемы изучения экономики, новой и новейшей истории Востока требовали выявления, сбора и введения в оборот новых письменных источников и материалов. Для этих целей, по мнению Ольденбурга, необходимо было привлечение местных ученых из восточных советских республик со знанием восточных языков и письменных источников, и налаживание сотрудничества между ними и специалистами из метрополии.

Все отмеченные моменты прямо проецировались на личность Фитрата. Фитрат был великолепным знатоком восточных рукописей, он свободно читал старые манускрипты, знал их специфику, в совершенстве владел арабским, персидским и тюркскими языками. Специалистов такого уровня было в то время очень мало: даже, по замыслу Ольденбурга, молодым востоковедам ставилась задача овладения «хорошим знанием по крайней мере одного восточного языка»⁶³. Как вспоминал Александр Болдырев: «Мы вставали, когда в кабинет входил Фитрат»⁶⁴.

Фитрат был известен и как собиратель восточных рукописей, обладавший богатой, тщательно подобранной коллекцией редких манускриптов и различных исторических документов⁶⁵. Об этом было хорошо известно научной общественности Узбекистана начала 1930-х годов, в особенности историкам⁶⁶.

Получивший традиционное образование в медресе, Фитрат хорошо знал цену настоящему каллиграфическому искусству и рукописной книге. После победы Бухарской революции, в январе 1921 года, он вошел в состав комиссии по поиску и приобретению в Бухаре «старых исторических библиотек» (*эски тарихий кутубхоналари*). Благодаря деятельности этой комиссии были собраны и сохранены ценные рукописи⁶⁷. В 1934 году Фитрат уступил свое собрание рукописей Государственной библиотеке Узбекистана. Среди 150 экземпляров рукописей его собрания, приобретенных библиотекой, было немало редких манускриптов⁶⁸. Как отмечают современные исследователи:

Рукописи коллекции А. Фитрата представляют особую ценность как по уникальности содержащихся в них сочинений, так и по их значимости для изучения истории Средней Азии⁶⁹.

В своей статье Ольденбург отмечал важность изучения документов, относящихся к новой и новейшей истории. В этом контексте в статье и упомянуто имя Фитрата (единственное имя во всем тексте статьи).

В плане работ Института на 1932 г. поставлена подготовка к изданию сборника таджикских документов по аграрному вопросу и мелиорации, составленного в XVI в. Нашедший его и обрабатывающий его проф. Фитрат нашел и подлинник одного из документов, входящих в сборник, что даст возможность проверить точность работы при составлении ко-

пий. Сборник будет издан в подлинном таджикском тексте, с русским переводом и соответствующими комментариями (работа ведется совместно с Историко-Археографическим институтом). Мы получим таким образом ценнейший материал для аграрной истории Таджикистана. Несомненно, что сборник этот не единственный и что удастся в ближайшие же годы издать и обработать важные материалы для экономики и истории Средней Азии. <...> При собирании этих материалов особенно важна совместная работа востоковедов на местах и из центра. Мы знаем, пока лишь в самых общих чертах, что на местах можно найти массу и документов и рукописей⁷⁰.

Сборник документов XVI века по аграрному вопросу, о котором упоминает Ольденбург, находился, скорее всего, в личной коллекции рукописей Фитрата и был доставлен им из Ташкента в Ленинград и предоставлен в распоряжение Института востоковедения в 1930 году⁷¹. Эта рукопись бухарского происхождения получила в науке общее наименование материалов из архива джуйбарских шейхов.

Инициатором исследования и публикации данной рукописи в оригинале и в переводе на русский язык, с научным аппаратом, был сам Ольденбург, опиравшийся на рекомендации ираниста Евгения Бертельса, возглавлявшего Иранский кабинет Института. Это следует из статьи «От редакции», написанной Бертельсом к первому из запланированных трех томов «Из архива шейхов Джуйбари» в 1938 году. Из статьи следует, что Ольденбург (к моменту написания статьи уже покойный) лично ознакомился с рукописью, доставленной Фитратом, и обстоятельно беседовал о ее значении с последним. Эти беседы с Фитратом, хорошо знавшим экономические вопросы Бухарского эмирата, в особенности систему вакфа, аграрных отношений, убедили Ольденбурга в том, что введение в науку этой рукописи будет явлением не только союзного, но и мирового значения⁷².

По-видимому, работа над этим сборником документов была начата Фитратом в конце 1931 года совместно с научным сотрудником Института востоковедения, иранистом, курдологом и тюркологом Фёдором Ростопчиным (1904–1937), который был непосредственно перед этим переведен из Москвы научным сотрудником в Иранский кабинет Института востоковедения в Ленинграде⁷³.

Основная работа над рукописью велась по двум направлениям: 1) расшифровка оригинального текста документов сборника и перевод его в современную арабскую графику; 2) перевод персидского текста на русский язык. Этой работе придавалось первостепенное значение в контексте всей деятельности Института востоковедения, и ею руководил лично Евгений Бертельс⁷⁴.

Наряду с подготовкой данного издания и в русле общей с ним проблематики Фитрат публикует специальную статью «Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии», с подробной характеристикой неизвестных науке рукописных документов, которая была переведена с персидского на русский язык Ростопчиным⁷⁵. В предисловии, предваряя рассмотрение источников, Фитрат дает оценку их типам, показывая различие между историческими хрониками и реальными документами эпохи и отмечая важность нового, социально-классового подхода к их анализу⁷⁶.

Параллельно с работой по подготовке документов из архива шейхов Джуйбари в Ленинграде, Фитрат участвовал в другом масштабном востоковедческом проекте

в Ташкенте. Это была работа, связанная с собиранием, изучением и публикацией документов по эволюции аграрных отношений и ремесла, которая велась Среднеазиатским научно-исследовательским институтом марксизма-ленинизма⁷⁷. В 1937 году часть этих рукописей (казийские документы XVI века), подготовленная к изданию Фитратом совместно со специалистом по традиционным ремеслам, научным сотрудником Государственного Музея искусств Узбекистана Б.С. Сергеевым, выходит в Ташкенте⁷⁸. Видимо, это произошло до ареста Фитрата в июле того же года.

Издание документов из архива шейхов Джуйбари в Ленинграде трагически оборвалось. К 1935 году Ростопчиным и Фитратом были подготовлены материалы для двух первых томов издания – один с расшифрованным текстом оригинала, а второй – перевод на русский язык, выполненный Ростопчиным⁷⁹. 10 августа 1936 г. материалы для первого тома, согласно указанию в выходных данных, были приняты к изданию и сданы в набор. Однако к печати том был подписан лишь через полтора года, 8 февраля 1938 года. Этот разрыв связан, очевидно, с трагическими событиями в судьбе обоих авторов-составителей – Ростопчина и Фитрата. Ростопчин был арестован в Ленинграде 11 февраля 1937 г., Фитрат – несколько позже, 22 июля 1937 года, в Ташкенте⁸⁰. Ни на титульном листе, ни в тексте «От редакции» упоминания их имен нет.

Издание второго тома с переводом документов на русский язык Ростопчиным вышло значительно позже, но и оно не содержит имени переводчика; не упоминается в нем и имя Фитрата – оба ученых еще не были реабилитированы⁸¹. Том был подготовлен к изданию научным сотрудником Института востоковедения Павлом Ивановым (1893–1942), написавшим к нему исследовательское введение еще в 1937 году⁸²...

Таким образом, Абдурауф Фитрат, находившийся в гуще политических событий новейшей истории и бывший ее активным участником, несмотря на все перипетии, смог во многом реализовать себя, в новых для него условиях, как талантливый ученый и организатор науки. Новые материалы, несомненно, позволят значительно дополнить и уточнить его заслуги в становлении и развитии как среднеазиатского, так и российского востоковедения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Канонических исламских наук (*‘улум-и динийа*): Корана, хадисов и юриспруденции (*‘илм-и фикх*). (Все приводимые курсивом в статье восточные термины и выражения принадлежат Фитрату и заимствованы из его сочинений).

² При подготовке статьи использовались прижизненные публикации сочинений Фитрата; указываются также и новые их издания. Названия трудов и специальная восточная терминология передаются в транслитерированной форме (без применения специальных надстрочных и подстрочных знаков). При первом упоминании источников приводится также их оригинальное таджикское и узбекское написание.

³ О «довольно стремительной трансформации» идеологии Абдурауфа Фитрата с дореволюционных вре-

мен упоминает, в частности, Б.М. Бабаджанов. См.: Бабаджанов Б.М. Ислам в первые годы советской власти: старые дискуссии в новых условиях (параграф 1.6.) // Россия и Средняя Азия. Политика и ислам в конце XX – начале XXI вв. Коллективная монография в двух томах. Том II. / Гл. редактор А.А. Кокошин. – М.: Леонанд, 2011. С. 125–126.

⁴ Муназара-йи мударрис-и Бухараи ба йак нафар-и фаранги дар Хиндустан дар бара-йи макатиб-и джадида. Таб’-и аввал. Асар-и Фитрат Бухарии. Аз тараф-и сахиб-и асар нашр хахад шуд. Истанбул: Матбу’а-йи Исламийа, Хикмат, 1327/1909; ‘Абд ар-Рауф <Фитрат>. Байанат-и сайах-и хинди. – Стамбул: Матбу’а-йи Исламийа, Хикмат, 1331/ 1912–1913; ‘Абд ар-Рауф Фитрат. Аила йа худ вазаиф-и ханадари. Нашир ва

сахиб-и имтиязаш: Мирза 'Абд ал-Вахид Мунзим. – Баку: Дар матба'-йи «Мактаб» таб'-и гардид. 1916.

⁵ Муназара-йи мударрис-и Бухарай... С. 34.

⁶ Об этом сообщали из Старой Бухары в своих донесениях агенты районного Охранного отделения, см.: Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. № И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 28об. Также см.: *Табаров С. Мунзим.* – Душанбе: Ирфон, 1991. С. 39–41.

⁷ *Абдурауфи Фитрат.* Муназара. Хозиркунандаи нашр, тахиягари лугату тавзеҳот ва муаллифи сарсухан Пайванди Гулмурод. – Душанбе: ТГУ, 1992. С. 53.

⁸ *'Абд ар-Рауф Фитрат.* Аила йа худ вазаиф-и ханадари... С. 159.

⁹ См: *'Абд ар-Рауф <Фитрат>.* Байанат-и сайах-и хинди...

¹⁰ Мы используем это первое издание сочинения Фитрата, в котором представлена первоначальная авторская версия (Муназара-йи мударрис-и Бухарай...). О содержании сочинения «Муназара» (с акцентом на проблеме новометодных школ), которое написал «некий Фитрат из Бухары», сообщалось в одной революционной публикации (*Андреев Гр.* Новые течения в Бухаре // *Туркестанские ведомости.* 13 октября 1916 г. № 221).

¹¹ Муназара-йи мударрис-и Бухарай... С. 20.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Первое издание этого сочинения нам осталось недоступным. Перевод на узбекский: *Фитрат А.* Рахбари нажот (Нажот йўли) / Ш. Вохидов ва Г. Музафарзаде таржимаси. – Тошкент: Шарк, 2001.

¹⁵ См. об этом: *Айни С.* Намуне-йи адабиёт-и таджик, 1200-300 хиджри. Кисм-и аввал, кисм-и дуввум, кисм-и севвум. – Москва: Чапхане-йи нашрийат-и маркази-йи халк-и Иттиҳад-и Джамахир-и Шаурави-йи сусиалисти, 1926. С. 545.

¹⁶ См.: *Мингноров А.Т.* Вопросы национально-освободительного движения в национальной периодике (февраль 1917 – середина 1918 гг.). – Автореф. дисс. на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 2000. С. 22. См. также обзор статей Фитрата за 1917–1920 гг.: *Ғоибова Ш.* Фитрат ва миллий истиқлол <Фитрат и национальная независимость> // *Шарқ юлдузи.* 1996. № 5. С. 146–148.

¹⁷ Цит. по: *Табаров С.* Указ. соч. С. 121. Сам этот призыв принадлежал другому известному джадиду 'Абд ал-Вахиду-афанди Мунзиму ('Абд ал-Вахид Бурханов, 1877–1934). В оригинале: *Кушт бояд шохро дар рузи базми инқилоб, // Каллаашро косаи танбур мебоист кард.* Танбур – струнный музыкальный инструмент, типичный для классической музыки Бухары.

¹⁸ Фитрат принимал участие в работе I съезда Бухарской коммунистической партии, который проходил в Ташкенте с 30 мая по 11 июня 1919 г., и был избран в состав Центрального Комитета БКП в качестве его секретаря. См.: *Ишанов А.И.* Бухарская Народная Советская Республика. – Ташкент: Узбекистан, 1969. С. 140–141.

¹⁹ См., в частности, документ об участии Фитрата в составе «тройки» по проведению репрессий в Бухаре, имеющийся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, ф. 62, оп. 1, д. 85, л. 5), обнаруженный и опубликованный К.Н. Абдуллаевым: *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. – Душанбе: Ирфон, 2009. С. 244.

²⁰ См., например, фотографию из Центрального государственного архива кинофотодокументов Российской Федерации, г. Красногорск (фотоотдел, ед. хр. 33015).

²¹ Вестник НКВД, 1922. № 4–5. С. 124–125. Цит. по кн.: *Ишанов А.И.* Указ. соч. С. 177–178.

²² От XIV съезда до XV конференции ВКП(б). Резолюции апрельского пленума ЦК ВКП(б) и июльского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г. Второе издание. – М.: Партийное изд-во, 1932. С. 60.

²³ Янги асарлар // *Инқилоб мажмуаси,* Ташкент, октябрь 1924, № 13–14. С. 143.

²⁴ См., например, доклад Первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Акмаля Икрамова на III и V Пленумах ЦК КП(б) Узбекистана 19 октября 1929 г. и 13 июля 1932 г. (*Икрамов А.* О культурном строительстве // *Икрамов А.* Избранные труды в 3-х томах. – Ташкент: Узбекистан, 1972–1974. – Т. 2. – 1973. С. 182–183). А также в его работе «Основные вопросы культурного строительства в Узбекистане» (Там же. С. 523).

²⁵ *Ишанов А.И.* Указ. соч. С. 353–354, 356.

²⁶ См., в частности: *Малов С.* <Рецензия на кн.:> Фитрат. Энг эски турк адабиёти намуналари. <Фитрат. Образцы древней тюркской литературы. На узбекском языке. Самарканд–Ташкент, 1927> // *Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР.* Т. III. – Л., 1928. С. 213–217.

²⁷ История нотной записи Бухарского Шашмакома по инициативе Фитрата и вопрос взаимоотношений между ним и русскими деятелями музыкальной культуры рассматривался в ряде наших статей: *Джумаев А.* Абдурауф Фитрат и его современники на «музыкальном фронте» Узбекистана (20–30-е годы) // *Центральная Азия.* 1997. №№ 1(7), 2(8), 3(9); *Джумаев А.* Открывая «черный ящик» прошлого // *Музыкальная академия.* 2000. № 1; *Жумаев А.* Фитрат ва унинг замондошлари Ўзбекистоннинг «музыка фронти»да (20–30-йиллар) // *Жаҳон адабиёти.* 2001. № 3.

²⁸ *Пеккер Я.Б.* Виктор Александрович Успенский. – Ташкент: Гос. изд-во худ. лит-ры Узбекской ССР, 1959. С. 18.

²⁹ К настоящему времени нам не удалось обнаружить оригинал или заверенные копии данного договора. Ничего неизвестно и о его возможном местонахождении. Однако сохранилось его изложение в машинописной копии письма Фитрата Успенскому (архив В.А. Успенского в Институте искусствознания АН Республики Узбекистан, шифр М (м), У 77, № 480), а также в частных собраниях, что будет рассмотрено далее).

³⁰ Архив В.А. Успенского... В текст, приведенный без изменений, внесены небольшие поправки, связанные с пунктуацией.

³¹ Об этом рассказал в личной беседе автору статьи композитор Муталь Бурханов (1916–2002), семья которого была близко знакома с Фитратом.

³² Архив В.А. Успенского...

³³ Существует и другая точка зрения по этому вопросу, высказанная дочерью Фитрата Севарой Кароматиллахужаевой: в финансовых растратах Фитрата был повинен его брат Абдурахман. *Кароматиллахужаева С. Қалбимга мангу муҳрланган... Абдурауф Фитрат ҳақида хотиралар // Тафаккур. 1996. № 2. С. 69–70.*

³⁴ Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том I: 1–107 письма (20.VIII.1922 г. – 13.IV.1928 г.) // Рукопись библиотеки Института искусствознания АН РУз, шифр М (м), У 77, № 440/1, Ташкент, 1958.

³⁵ Сохранилось его письмо Беляеву о встрече в Москве. Копия письма имеется в: Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том I... К большому сожалению, имевшаяся, по разным сведениям, переписка между Фитратом и Беляевым, а также Фитратом и другими деятелями русской культуры этой эпохи в архиве В.А. Успенского не сохранилась. По всей видимости, она была изъята и уничтожена либо попала в неизвестное нам частное собрание. Предварительное знакомство с архивом Виктора Беляева также не дало положительных результатов, однако работа в этом направлении продолжается.

³⁶ Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том I...

³⁷ Там же.

³⁸ В письме Беляеву от 2 декабря 1925 года Успенский писал: «<Фитрат> до сих пор не прислал мне ни одного экземпляра Шашмакома, и думаю жаловаться в Самарканде» (Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том I...). Самарканд – в то время столица Узбекской ССР, где были сосредоточены все государственные правительственные учреждения.

³⁹ См. письмо В. Беляева В. Успенскому от 19 октября 1926 г. (Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том I...)

⁴⁰ Там же. Данное письмо опубликовано также в: В.А. Успенский. Научное наследие. Воспоминания современников. Композиторское творчество. Письма / Сост. И.А. Акбаров. Научные редакторы Т.С. Вызго, Ю.Г. Кон. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1980. С. 234.

⁴¹ Там же. С. 76.

⁴² См.: Письмо Беляева Успенскому от 17 декабря 1929 г. (Там же. С. 268).

⁴³ Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том V: 337–448 письма (2.I.1933 г. – 27.XII.1936 г.) // Рукопись библиотеки Института искусствознания АН РУз, шифр М (м), У 77, № 440/5, Ташкент, 1958. С. 165.

⁴⁴ *Беляев В. К вопросу о современном положении в области изучения национальной музыки. – Москва, 1933. 28 стр. без нотных примеров. Рукопись. Библиотека Института искусствознания, Ташкент. Шифр МИ, Б 44, инв. 5а, № 21 д, 2, с. 15.*

⁴⁵ Другое название – Научно-исследовательский институт музыки и хореографии, позже – Институт искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР в Ташкенте, ныне – Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан.

⁴⁶ См.: Письмо Беляева Успенскому от 19 мая 1933 г.: Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том V: 337–448 письма (2.I.1933 г. – 27.XII.1936 г.) // Рукопись библиотеки Института искусствознания АН РУз, шифр М (м), У 77, № 440/5, Ташкент, 1958. С. 49.

⁴⁷ В своей работе о В. Успенском Т. Вызго так объясняла данный факт: «К сожалению, работа, проводимая Успенским с такой тщательностью и увлеченностью, при опубликовании оказалась неполноценной. При подготовке записей к печати Назират Бухарской республики не разрешил производить подтекстовку вокальных частей, видимо, побоявшись опубликовать “идеологически невыдержанные” стихи Руми, Джами, Навои, Бедия и других популярных в Средней Азии классических поэтов. Поэтому Успенский был вынужден все вокальные разделы макомов привести в танбурной транскрипции, что не могло дать полного представления о насрах “Шашмакома”» (*Вызго Т. В.А. Успенский. Рукопись Мемориальной Комнаты-музея В.А. Успенского в Республиканской музыкальной школе-интернате им. В.А. Успенского в Ташкенте. С. 23–24.*)

⁴⁸ См.: Бухарские шашмакомы (текст). Записаны от Ата-Джалала (арабским шрифтом). 1930. Рукопись библиотеки Института искусствознания, Ташкент. МЗ. Б-94. Инв. 434. № 135.

⁴⁹ См.: *Djumaev A. Power Structures, Culture Policy, and Traditional Music in Soviet Central Asia // 1993 Yearbook for Traditional Music. Vol. 25. – New York, 1993. P. 43–50.*

⁵⁰ *Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии // Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3 тт. Ред. колл. Агзамходжаев А.А. и др. – Ташкент: Фан, 1970. –1972. – Т. I. – 1970. С. 79.*

⁵¹ *Айни С. Мухтасари тарчимаи холи худам. <Коротко о моей жизни>. – Сталинобод: Нашрдавточик, 1958. С. 80.*

⁵² История выхода этой брошюры и вызванный ею резонанс подробно освещены мной в серии перечисленных выше статей, посвященных Фитрату, см.: *Джумаев А. Абдурауф Фитрат...; Джумаев А. Открывая... С. 89–103; Жумаев А. Фитрат... С. 134–146.*

⁵³ Переписка проф. В.М. Беляева с В.А. Успенским. Том I...

⁵⁴ Так, в одном из писем в Государственный институт музыкальной науки он писал: «Инициатива записи Бухарского Шашмакома принадлежит всецело бывшему Назиру Просвещения Бухары, весьма известному писателю и поэту Туркестана – Фитрату, принимавшему самое деятельное участие в ходе работ и издании Шашмакома» (Архив В.А. Успенского...)

⁵⁵ Такого же мнения придерживалась Дильбар Рашидова, говоря о Фитрате, которого «лишили всех должностей и отправили в качестве наказания и перевоспитания в Москву» (*Рашидова Д. Профессор Фитрат в нашей семье // Памир. 2011. № 1–3. С. 118.*)

- ⁵⁶ См.: Нурмагамбетова Р.К. Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920–1990-е годы XX века. – Алма-Ата: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2003. С. 41.
- ⁵⁷ См.: Моховая, 9 – 11. Судьбы, события, память. О времени и о себе рассказывают выпускники филологического факультета МГУ (1953–1958) / Сост. Т.Н. Скорбина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. С. 217.
- ⁵⁸ См.: Шигабдинов Р. Узбекский период научной деятельности профессора Газиза Губайдуллина // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 147.
- ⁵⁹ См.: Баевский С.И., Ворожейкина З.Н. Новоиранская филология. Литературоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. <Коллектив авторов>. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 363.
- ⁶⁰ Комаров В.Л. Работы чрезвычайной сессии // Вестник Академии наук СССР. 1931. Внеочередной номер. Чрезвычайная сессия в Москве 21–27 июня 1931 г. С. 24.
- ⁶¹ Вестник Академии наук СССР. 1931. № 1. С. 52.
- ⁶² Ольденбург С.Ф. Единая востоковедная работа // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 8. С. 73–74.
- ⁶³ Там же. С. 72.
- ⁶⁴ Рашидова Д. Профессор Фитрат... С. 121.
- ⁶⁵ См.: Джумаев А. Среднеазиатские библиофилы. Частные библиотеки позднесредневековой Бухары и Туркестана // ВС. 2014. № 4 (XXXV). С. 28.
- ⁶⁶ См.: Первышев И. О документальной базе для историографии феодальной формации в Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии. Сборник первый. – Ташкент: <б.и.>, 1934. С. 109.
- ⁶⁷ М.И. Ёзбек билим хайъатининг тузулиши ва унинг ишлаган ишлари // Инқилоб мажмуаси. Сон 9-10, февраль–март 1923. С. 79.
- ⁶⁸ См.: Государственная библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои (1870–1970) / Отв. ред. Д. Таджиева. – Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства имени Г. Гуляма, 1977. С. 77.
- ⁶⁹ Рожанская М.М., Матвиевская Г.П., Лютер И.О. Насир ад-Дин ат-Туси и его труды по математике и астрономии в библиотеках Санкт-Петербурга, Казани, Ташкента и Душанбе. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 26.
- ⁷⁰ Ольденбург С.Ф. Цит. соч. С. 74–75.
- ⁷¹ См.: Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1965. С. 131.
- ⁷² См.: Бертельс Е. От редакции // Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века / Отв. редактор: директор Института востоковедения акад. В.В. Струве. Редактор издания: проф. Е.Э. Бертельс. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. С. V.
- ⁷³ См.: Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 329. Большой интерес представляют сведения о работе Ф.Б. Ростопчина в Старой Бухаре в годы ссылки (с января 1936 по февраль 1937 гг.), где ученый «разобрал архив бывш. премьер-министра бухарского эмирского прав-ва, обнаружил и подг. к печати уникальные документы о рабстве в Бухаре» (Там же. С. 329).
- ⁷⁴ Там же. С. 329–330.
- ⁷⁵ Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. II. 2. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1933. С. 69–87.
- ⁷⁶ Там же. С. 69–70.
- ⁷⁷ Гуревич А. О положении на историческом фронте Средней Азии // Революция и культура в Средней Азии... С. 12–13.
- ⁷⁸ Казийские документы XVI века. Текст, перевод, указатель встречающихся юридических терминов и примечания подготовили Р.Р. Фитрат и Б.С. Сергеев. – Ташкент: АН УзССР, 1937. Издание в оцифрованном виде размещено в интернете, однако, очевидно, в сокращенном объеме. (См.: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVI/1580-1600/Kazij_dok/text.htm)
- ⁷⁹ Сохранилась и машинописная копия перевода объемом 644 листа под названием «Архив шейхов Джуйбари (1560–1570-е гг.). К истории феодального землепользования в Средней Азии в XVI–XVII вв.». Она находится ныне в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Фонд I, Оп. 6, № 168). Известно, что «несколько папок с рукописями Ф.Б. Ростопчина, работавшего в 30-е гг. в Персидском кабинете ИВ над материалами архива джуйбарских шейхов» были переданы в 1987 г. в Архив востоковедов заведующим Отделом Востока Государственного Эрмитажа А.А. Ивановым (Чугуевский Л.И. Архив востоковедов (б. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Часть III. <Сборник материалов и статей> / Отв. редакторы В.С. Соболев, Э.Н. Темкин. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 63).
- ⁸⁰ См.: Протокол допроса обвиняемого Фитрата Рауф Рахимовича от 25 октября 1937 года. Кириш сўз ва изоҳлар билан нашрга тайёрловчи тарих фанлари доктори Қаҳрамон Ражабов // Тарихнинг номаълум саҳифалари: ҳужжат ва материаллар. Биринчи китоб / Тўпловчи ва масъул муҳаррир Н. Каримов. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Нашриёт-Матбаа Ижодий Уйи, 2009. С. 109. Некоторые авторы указывают иную дату ареста Фитрата – апрель 1937 г., однако без указания на источники (Дюдуаньон С. Фитрат // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопеди-

Александр ДЖУМАЕВ. «Мы вставали, когда в кабинет входил Фитрат»

ческий словарь. Сост. и отв. редактор С.М. Прозоров. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 403). 22 июля 1937 г. считает датой ареста Фитрата и Дильбар Рашидова, лично ознакомившаяся с его следственным делом в архиве КГБ-СНБ (*Рашидова Д.* Указ. соч. С. 122).

⁸¹ См.: *Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов: К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVII вв. – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954; Люди и судьбы. С. 330.

⁸² См.: *Бертельс Е.* Указ. соч. С. V.

О времени и вечности. О счастье

О времени и вечности

Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю.

Блаж. Августин Аврелий (354–430)

Один только Бог всегда будет пребывать вечным и нетленным, и с Ним будут те, которые сейчас нашли Его, и Его одного вместо всего возлюбили.

Прп. Симеон Новый Богослов (949–1022)

Творец времени бережет время, а мы его расточаем. Он спешит делать наше спасение, а мы откладываем. Утром говорим: начну в полдень. В полдень – отложу до вечера. Вечером – «это еще не последний час». В юности отлагаем спасение свое до зрелого возраста, в зрелом возрасте отлагаем до старости; в старости – до последней болезни. После этого нет ничего невероятного, что ночь смертная, когда никто не может <ничего> делать, застанет нас совершенно не готовыми стать на суд.

Лаврентий, еп. Курский (1836–1908)

Голос вечности один – неизменяем, непреложен. В ней нет непостоянства, переменчивости: в ней день – один, сердце – одно, мысль – одна. Соединяющий все воедино – Христос.

Свт. Игнатий (Брянчанинов, 1807–1867)

Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собой.

Николай Гоголь (1809–1852)

Ни о чем так не заботятся в свете, как о провозждении времени, и ничем так не злоупотребляют, как провозждением времени.

...Что есть время? В некотором смысле оно есть откровение вечного Бога. <...> Где начало и конец времени? В вечности. Время есть как бы поток, изливающийся из вечности и опять погружающийся в вечность.

Архиеп. Димитрий (Муретов, 1811–1883)

Время есть отношение бытия к небытию.

Федор Достоевский (1821–1881)

Свет вечности сияет для меня не в знании, а в совести.

Вильгельм Виндельбанд (1848–1915)

Для чего существует время? Каков смысл времени? Воплотить вечность воплощением Бога в человеке и через Богочеловека совершить обожение человека, а через человека – обожение времени и пространства – мира.

Прп. Иустин (Попович, 1894–1979)

Существует зависимость между способностью человека расчленять время на прошлое, настоящее и будущее и уровнем развития культуры.

Бенджамин Уорф (1893–1941)

Благодать держит мир в огне. Выхода нет. Земную пищу кладем в холодильник, чтобы сохранялась. Пища вечная хранится в пламеннике.

Хорошо с Вечностью... Она нежна и царственна, «не различает дней», живет одним, уже наступившим, Праздником.

Архиеп. Сан-Францисский Иоанн (Шаховской, 1902–1989)

У Бога всё бывает вовремя, особенно для тех, кто умеет ждать.

Архим. Иоанн Крестьянкин (1910–2006)

Богу можно молиться, только если мы утвердились в состоянии устойчивости и внутреннего мира, внутренней примиренности перед лицом Божиим; это освобождает нас от чувства времени: не объективного времени, за которым мы следим, но субъективного ощущения, что время мчится и что у нас времени не остается.

Мы все находимся во власти времени, но по своей вине, время тут ни при чем. То, что время течет, и то, что мы куда-то спешим, – две совсем разные вещи. Спешить – это внутреннее состояние; действовать точно, метко, быстро – это дело совсем другое.

Митр. Антоний Сурожский (Блум, 1914–2003)

Вечность – не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь – это не то, что начинается после временной жизни, а вечное присутствие всего в целостности... Все христианство – это благодатная память, реально побеждающая раздробленность времени, опыт вечности сейчас и здесь. Поэтому все религии, всякая духовность, направленные на уничтожение времени, суть лжерелигии и лжедуховность. «Будьте, как дети» – это и означает «будьте открыты вечности». Вся трагедия, вся скука, все уродство жизни в том, что нужно быть «взрослым», от необходимости попирать «детство» в себе.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Для верующего христианина будущая жизнь есть радость непостижимая, радость, превосходящая ту радость богообщения, которая дается ему еще в этой жизни – в молитве, литургии, приобщении Святых Христовых Таин, потому что тогда Бог будет всё во всё и не будет никакого отпадения от этой радости, она будет лишь бесконечно возрастать. У истинно верующего всегда есть утешение – предвкушение вечной жизни. <...>

В обывательском мнении будущая жизнь превратилась в некий призрачный подмир, место «заслуженного отдыха» после трудов настоящей жизни. <...> Это скорее некая эмоциональная проекция, утешение для тех, кто не желает взглянуть прямо в лицо тому, что стоит за их безверием. <...> Их неспособность поверить в вечную жизнь коренится в одном и том же обстоятельстве: они верят только в этот мир, у них нет ни опыта, ни знания, ни веры в мир иной, и главное: *они верят в такого бога, который не способен воскрешать мертвых.*

Иером. Серафим (Роуз, 1934–1982)

Вернуть. Это, собственно, наше отношение к времени. Что время уносит всё, для нас невыносимый скандал. Как время уносит, так оно пусть и вернет. Что вернет? В конечном итоге – золотой век.

Владимир Бибихин (1938–2004)

О счастье

Первая степень счастья – не согрешать, вторая – сознавать согрешения.

Сщмч. Киприан Карфагенский († 258)

Бог не оставляет людей навсегда ни в несчастье, чтобы они изнемогли, ни в счастье, чтобы они сделались легкомысленными, но различными способами устраивает их спасение.

Немалое дело для людей счастливых – уметь скромно пользоваться своим счастьем.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья.

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин (360–435)

Счастье для [обычных] людей – иметь себе сильных людей защитниками и помощниками. Для христианина счастье – иметь себе Бога Защитником и Помощником.

Свт. Тихон Задонский (1724–1783)

Мораль – есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья.

Иммануил Кант (1724–1804)

Будь доволен всеми, и ты будешь доволен собой, здоров и счастлив.

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

Счастье находится в нас самих, и блажен тот, кто понял это.

Свт. Нектарий Эгинский (1846–1920)

У человека бывают очи отверзты только во время неудач.

За дверью счастливого человека должен стоять кто-то с молоточком, постоянно стучать и напоминать, что есть несчастные и что после непродолжительного счастья непременно наступит несчастье.

Антон Чехов (1860–1904)

Если одно созерцание [Божественной] славы [при Преображении Господнем] наполнило учеников [Иисуса] блаженством, то каково должно быть счастье человека, достигшего <...> единения с Богом в такой степени, что Господь обитает в нем, пронизывая все его существо лучами Своей немеркнувшей славы!.. В этом и состоит высшее счастье: в единении с Богом...

Василий Кинешемский (1876–1945)

...Чтобы стать счастливыми, держитесь этих правил:

- думайте о Боге хотя бы столько же, сколько думаете о людях;
- бойтесь Бога хотя бы столько же, сколько боитесь людей;
- почитайте Бога хотя бы столько же, сколько уважаете людей;
- молитесь Богу хотя бы столько же, сколько просите людей;
- надейтесь на Бога хотя бы столько же, сколько надеетесь на людей;
- просите помощи у Бога хотя бы столько же, сколько просите у людей;
- исполняйте закон Божий хотя бы столько же, сколько исполняете человеческий;

ЛУГ ДУХОВНЫЙ. О времени и вечности. О счастье

- благодарите Бога хотя бы столько же, сколько благодарите людей;
- славьте Бога хотя бы столько же, сколько славите людей!

Свт. Николай Сербский (1880–1956)

Может ли грешный быть счастливым? Нет, не может быть. Но чудо совершается.

Архиеп. Сан-Францисский Иоанн (Шаховской)

Какая радость, когда люди на исповеди заявляют, что счастливы...

Прот. Александр Шмеман

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Увидел рекламный слоган «Больше не будет грязных разводов!». Подумал, что наконец-то утихнет вся эта шумиха в СМИ и в интернете с выкапыванием грязного белья знаменитостей, перестанут обсасывать по косточкам их бракоразводные процессы, публиковать компромат про всякий харассмент, абьюз и так далее и так далее.

Почитал дальше – нет, просто реклама бытовой химии.

Первый из помыслов отчаяния начинается вроде как с правды: дьявол показывает нам сияющую вдали гору святости. Белизной снегов и радугами светится она в небесной лазури... И от этой правдивой картины становится у нас внутри черно и тоскливо, ибо сразу понимаем: никогда мне, букашке, сего не достичь... и возвращаемся яко псы на свои блевотины, и лежим в депряке. А дьявол облегченно вздыхает: то-то же, лежите-лежите, нефиг дергаться...

Попалась реклама вебинара: «Как создать крепкую семью, зная тайны русского языка?».

На вебинар, понятное дело, не пойду, но некоторое время медитирую над фразой. Особенно над тем, предполагается ли там что-то еще знать, кроме русского языка, для создания крепкой семьи.

Жанр science fiction как-то не был у меня с детства в списке самых любимых. Ну, читал, конечно, всякое, но в основном в памяти – общая такая размытая картинка: кварки там всякие с мезонами, нудное описание устройства фотонного двигателя, черные дыры, зеленый коммунистический рай на гидропонике, и в таком роде.

Но однажды попались в руки книги Лю Цысиня** – это, конечно, великолепно. Написано чрезвычайно простым языком, переводы хорошие, прочищает мозги и

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–3 (LV–LVII), 2021. (Все примечания – ВС.)

** Лю Цысинь (р. 1963) – известный китайский писатель-фантаст.

подирает по шкуре морозом изрядно. Сейчас вот, после знаменитой трилогии «Память о прошлом Земли» – другой роман, «Эпоха Сверхновой».

Там изображена всемирная катастрофа – все взрослые на планете Земля погибли, а выжили только дети до 13 лет, но взрослые успели передать им цивилизацию в руки. И вот трое детей, правительство Китая, ломают голову, как заставить других детей работать по-взрослому, или же отныне жизнь пойдет по другому пути – по пути игры; и рассуждают: «Прогресс цивилизации обусловлен не усердным трудом людей, а их ленью». Мысль, конечно, совершенно не новая и всем известная.

Но вот к чему я пишу: внезапно подумал о том, что любое человеческое явление (любая человеческая страсть, по-святоотечески) – неоднозначно и имеет разные стороны; любой грех – это некое сильно или не очень сильно испорченное добро, созданное некогда Богом, вложенное в человека как часть образа Божьего. Вот и лень: не указывает ли косвенно она, как нечто «человеческое, слишком человеческое», на что-то небесное в человеке? не есть ли она некий неявный указатель в сторону свободы, – за пределы тюрьмы необходимости, в которой мы узники?..

В проповедях этого дня притчу о мытаре и фарисее часто трактуют моралистически: «будьте как А, не будьте как Б» (с уклоном в симпатию к тому или другому); однако, карабкаясь по лестнице притчи выше, вступаешь в зону разреженного высокогорного воздуха, которым человек едва может дышать, в зону невероятных горных величин и потрясающей красоты, в невыносимое равнинному рассудку: в парадокс закона и благодати.

В великое богословие апостола Павла, служащее и великим камнем преткновения до сих пор: делами закона не спасется никакая плоть, потому что Бог всех заключил в непослушание, чтобы всех помиловать, и так далее и так далее. Похоже, как его не понимали тогдашние хулители, две тысячи лет назад, так толком не понимают и нынешние апологеты...

Почему, зачем, Боже, Ты так сделал?! Если человек не в силах спастись законом, зачем тогда закон; если все же закон нужен, зачем Ты Сам нарушаешь его; разве Ты Сам не подчиняешься закону, Тобой же данному; что значит – «воистину свободен»?! Как, как мне охватить соответствие между, по словам фон Бальтазара*, «справедливостью, ставящей всё на свои места и называющей всё своими именами, и милосердием, которое всё сдвигает с места и переоценивает»?

Когда еле живой сползаешь вниз с этой высоты, – поджилки трясутся, легкие горят, сердце молотится, глаза навыпучку, – и смотришь вокруг, то все эти измыленные сентенции типа «пря о законе и благодати», гордость «нового израиля» перед неким умозрительным «старым израилем» и вот это вот всё, видится такой дичью. Самая дикая дичь – представление о том, что закон и благодать – это Закон и Благодать, такие персонифицированные существа, отдельные от Бога, которые как-то там действуют сами по себе, как сами по себе действуют в наших акафистах

* Ханс Урс фон Бальтазар (von Balthasar; 1905–1988) – швейцарский кардинал, католический теолог и священник-иезуит.

ангелы и святые, которых мы молим («не имама иныя помощи разве тебе!» – уверяя каждого по очереди) умолить за нас некоего неумолимого Спаса. Нет никаких отдельных существ, есть Бог Живой и мои с ним отношения – личные и в Церкви. И – мало того – Его, Его отношения со мной, живые, грозные, нежные, страстные в хорошем смысле, похожие на все образцы любви на свете, не сводимые ни к единым образцам.

Не могу более ничего сказать лучше и точнее по этому поводу, чем дальше говорил Павел в послании к римлянам: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?**

Интересно, в наше время кто-нибудь ставит детей в угол, сохранился ли сей образ как насущный, или только как ископаемый?..

«А теперь стой в углу и подумай!» – вот так и закрепляется в ребенке ненависть к мыслительным процессам.

К слову, у нас на церковных приходах встречается такое, напоминающее наказание: «– Батюшка, благословите за свечами смотреть? – Нет, за свечами есть кому смотреть! А ты стой и молись!», прискорбным образом предполагающее, что во время богослужения молиться – скучно и тягостно, и надо чем-нибудь себя занять, но, конечно, занятием, имеющим вид спасительности.

«Не могут они без хозяина-то».

Сериал «Топи»** случайно попался мне, когда вышло еще только три серии. И довелось досмотреть до конца... Сегодня про него уже немало спорят, выискивают кинонедочеты/достоинства, видят Кинга, Мамлеева и проч., хвалят Глуховского, музыку и так далее.

Я увидел – смысл вполне христианский, то есть резко, без спросу, ставящий перед человеком, любым, вне профессиональной принадлежности, очень насущные и очень болезненные вопросы. Про зависимость от своей топи, про желание, пронизавшее людей, как раковые метастазы, во что бы то ни стало сохранить «свой мир», СВОЁ, а если это своё все-таки разрушается – вернуть, и усиленно молиться именно о том, чтобы вернуть, неважно какой ценой, ценой чужой ли души, своей ли, просить, клянчить о даровании стоялой воды; и про то, что всё-таки, всё-таки – хозяин властен не над всеми. Вернее, не так: над всеми, но не навсегда. И выбраться из топи – можно.

Притча о блудном сыне – из тех, которые важны всегда, и думаешь о них всегда.

Сейчас вот думаю: это притча не только/не столько о сыне, сколько еще и – об отце.

* Рим. 11, 33-34.

** «Топи» – российский сериал (2021), снятый режиссером Владимиром Мирзоевым по сценарию Дмитрия Глуховского. В центре сюжета – несколько молодых людей из Москвы, которые бегут от своих проблем в отдаленный монастырь, расположенный неподалёку от деревни Топи (название вымышленное) в Архангельской области.

Я, ты, он, она – многократно примеряем себя (разно: покаянно, смиренно, с тревогой, мечтательно и проч., и проч.) в эту притчу: кто я? младший сын, старший? в чем именно? на каком этапе?..

Но я думаю: мы ведь еще способны и примерить себя – к отцу, понять и почувствовать – отца.

Есть в каждом из нас нечто глубоко сродное с ним.

И это повод для несказанной радости, мню.

О чудесах и о том, надо ли стремиться их искать.

Отцы Церкви не раз говорили, что и бесы «веруют, но дрожат»: моментально видят чудо, и распознают его как чудо, и опознают его как Божье, потому что мозгов-то у них куда поболее, чем у всяких там людей, но при том как были они бесами, так и остаются. Фома Аквинский в «Сумме теологии» пишет: «Демоны принуждаются к вере очевидностью признаков... Они принуждаются к вере через посредство естественной сообразительности своего ума».

Например, «мы» – это священники, попы сиречь, а «они» – архиереи, наши начальники. Как там у Салтыкова-Щедрина: «Все говорили: «Ваше степенство! вы – наши отцы, мы – ваши дети!»

Ан всяко бывает: вот нам Бог послал вполне нормального, человеческого архиерея. И живой, и бессмертный, и во Христа верует, и увлекающийся, в смысле творческом (любит старину периода новомучеников, и храмы восстанавливать и на сем примере народ учить), и добрый (что вылезит ему то и дело боком – добрых на Руси не любят, любят строгих), и когда строжится – то прямо как тот, лесковский, который весь как Божия гроза, крикнет и пальцем об стол ударит, а потом на палец дует.

Но я не об этом. А просто: вот село Шушенское Красноярского края, юг Сибири, март месяц. День православной книги (мероприятие такое). Отслужили литургию, потом пошли в местную библиотеку, совершали мероприятие (и не без пользы, надо сказать: там собрались те, кому это вообще интересно, в частности, как сказал некогда один император: «У РПЦ только два союзника: музейщики и библиотекари»), а в конце архиерей произносил завершающую речь.

А метелища за окнами!.. а снегу навалило в честь весны – страсть!.. ну и прикиньте, все мы такие с литургии сразу на мероприятие, да нежрамши, – какова была наша креативность.

А тут владыка и завершающую речь произносит, очочками блестит.

И говорит взволнованно, несмотря на сон, и равнодушно...

Возле храма, пока идет длинная служба, великопостно нарезают круги несколько детей в возрасте от нуля до примерно десяти.

Двое из них, мальчишки, остановились отдышаться, утереть сопли.

Ведут диалог:

– Завтра на службу пойдете?

– Не... А чо там?

- Коливо будет.
- Это чо?
- Задумывается:
- Ну... это как православный плов. Только безо всего.

Сил, крепости и радости всем вам, тем, кто притворил двери в клеть сердца своего. Первая седмица почему такой строгой считается? – просто потому, что быть на этих длинных, прозрачных, как серая постная сосулька, электрических, как оголенные контакты сердца, службах – помогает войти в Великий пост. Войти – и идти дальше, потому что Великий пост – это путешествие, дорога.

Вчера был день колива.

Единственный смысл, который считаю важным в отношении колива, – знак свободы, вероятно, то, что имел в виду и Федор Тирон в те давние времена*, во время тех событий: мир сей хотел насильно подчинить христиан себе, например, через пищу, но мы имеем свободу благодаря Христу, мы выпорхнули, как птицы из силка... примерно какой-то такой смысл.

Как только тут появляется тональность надмения, типа «мы поэтому выше вас» – это уже грешно, тошно.

Ну, а когда это просто такой обычай, вроде своеобразных розговин после Преждеосвященной** в пятницу, в честь того, что вот, «первую седмицу выстояли», очередное блюдо в православном кулинарном календаре... к чему это.

Хотя, впрочем, хорошо приготовленное коливо само по себе достаточно вкусно.

Доксология*** (о право-славящих Бога):

Невозможно всерьез вести об этом речь (ну, конечно, если не ограничиться рассматриванием празднования Торжества Православия только и беспримесно идеологически, типа это день, когда Церковь посверкивает циркулем железным и ликует, отсекая чужих, а что сверх того – то от лукавого, и в таком роде), если не поставить в центр – славу Божию, во всех ее аспектах.

О том, что такое слава Божия и каким боком при ней человек, написано целое Священное Писание, да и богословских изысканий много. Упомяну лишь то, что меня занимает именно сейчас: один из способов познать славу Божию – моя собственная немощь, падшесть, испробовавшая на себе разные способы измениться, но нимало не преуспевшая в этом.

* Император Юлиан Отступник (361–363) приказал градоначальнику Константинополя в первую неделю Великого поста окроплять еду, продаваемую на городских рынках, идоложертвенной кровью. В это время во сне константинопольскому архиепископу Евдоксию явился святой мученик Феодор Тирон, сожженный в 306 году на костре за веру, и предупредил его о замысле императора. Святой повелел употреблять в эти дни в пищу коливо (кутью) – кашу из цельных зерен пшеницы, ячменя, реже пшена или риса с добавлением меда или сахара.

** Литургия Преждеосвященных Даров – вечерня, во время которой христиане причащаются Святых Даров, освященных прежде — на предыдущей Литургии. Служится в особые дни Великого Поста.

*** Доксология (от греч. δόξα – «слава» и λόγος – «слово») – молитва, выражающая славословие Богу.

Думается, что все эти строгости подготовки к причастию – вычитывать, не пить глоточка воды и проч. – в немалой степени – из того времени, когда говели раз или два в год... Какая-то подспудная мука нечистого сердца, редко приходящего к Чаше, понуждала «оправдаться» и всё дотошно «соблюсти»... Люди, которые причащаются регулярно – у них совсем другое духовное настроение. Не «правила отменяются» – сама жизнь меняется, как у цыпленка: в яйце сидел – одна была жизнь, а разбилась скорлупа, вышел на свет – цыпленок тот же, а всё другое.

- Пусть расцветают все цветы!
- Они все и цветут. Слышишь, как зубами друг на друга клацают?

Подумал о св. Алексии, человеке Божиим.

Вот человек, его неповторимая, в изрядной мере извне неуследимая и наружу не выразимая жизнь, его отношения с Богом, с собой и людьми, его, что называется, тайна личности... А его рраз – и в святцы, служить всеобщим примером.

Поневоле вспомнилось из Евангелия: Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять его и сделать царем, опять удалился на гору один*.

Лишив под утро сна всех кого можно в квартире и получив за это порцию еды, кот да кошка легли спать, посреди пробужденного хаоса. Вокруг хтонические вихри и протуберанцы, а они спят.

Глядя на них, вспомнил выражение бабушки: «спом спят».

Из переписки Виктора Астафьева и Валентина Курбатова, 1978 год. Астафьев в письме поздравляет Курбатова со вступлением в Союз писателей, ободряет, говоря, что промотивируют его в работе или плетью, или пряником, и прибавляет: «Пряник дают всегда уже кем-то облизанный...».

Внешне, вроде бы, все это уже глубокая советская история, кому, зачем оно надо сегодня?.. – а по сути-то ничего ведь не изменилось.

Зане – жизнь такая.

Весной создан мир, весной Израиль сбежал из Египта, весной Христос умер и воскрес, и Архангел к Пречистой Деве пришел – тоже весной...

Всё, что в нас было юного, чистого, вдохновенного, всё, что, казалось бы, порушено и потоптано жизнью, заросло мозолями и келоидными швами, – всё живо, дорогие мои. Потому что эта вечная весна – это в нас гены Божии говорят, наше с Ним родство.

Фильм «Отец» 2020 года, с Энтони Хопкинсом в главной роли. Французский драматург Флориан Зеллер девять лет назад написал пьесу «Отец», она шла в театрах, а потом сделал из нее кино.

Пока написать про фильм и по его поводу ничего не могу, дышать нечем.

* Ин. 6, 15.

Ничего особенного, никаких блестящих арт-фокусов или там особенных духовных откровений, о которых не слыхала бы культурная публика, там нет. Но смотреть его – надо. Может, не всем: тем, кто знает о старости и насмотрелся на нее в обыденной жизни, может, уже и не надо. Но надо тем, кто, например, собрался жить долго. И еще тем, кто хочет домой, очень хочет домой, но не знает, где их дом.

Почему-то нередко обыватели думают, что молиться о властях – это какой-то сервизм со стороны православных христиан. Ничего подобного. Молиться о них надо, коли уж Церковь берет на себя Христову ответственность за всё в мире. Но молиться о властях – это означает молиться не только о том, чтоб они «не болели». А о том, чтобы властвовали по-Божьи, в том числе – с ответственностью за каждого вверенного их попечению гражданина, с мудростью и милосердием.

Жизнь христианина, пытающегося жить во Христе и по Евангелию, с точки зрения мира сего – неуспех, неудача, сплошь да рядом какое-то кособокое мучительное недоразумение, похвалиться нечем. В любой причем области, чего ни коснись в этом мире, от общественной карьеры («а покажите нам рукопожатность вашей знаменитой организации, ваши белые полта?.. фуу!! лучше бы не позорились! уберите с глаз, так мы и думали») до личного – борьбы с грехами, понимаемой как «самосовершенствование», вообще всякого «облико морале», разнообразных «отношений» и так далее, и так далее.

В свете сего, иногда «Жития святых», имею в виду популярные агиографические издания «с картинками», видятся мне не свидетельствами о подлинном в христианине и его жизни, а какой-то прилизанной, притянутой за титла адаптацией для мира сего, сделанной, может быть, чтобы миру было легче принять, опознать святых как своих, «ну таких светлых человечков», полезных миру для ...чего? скажем, «для культуры, картин и сухой штукатурки»; как там было у Чехова – грамота полезна, чтобы можно было прочесть вывеску «Питейный дом», так и святые полезны, чтобы побольше «праздников» было и стразовых гифок к ним, которыми тещу можно поздравить. Для миссии! чтобы миру сему было удобнее заглотить, скажут миссионеры! (но что именно заглотить?.. если написать неуклюжее «наживку», то недолго и соврать: червь, конечно, толст, блестящ и аппетитен, но есть ли в нем крючок, острый, небесной стали, разделяющий человека, как меч, до основания его?).

(Перечитал – сплошные кавычки какие-то.

Ну, впрочем, всё как в жизни...)

О движении и статике: Христос говорит: *Я есть путь, истина и жизнь**. Путь, движение.

Урс фон Бальтазар («Слава Господа. Богословская эстетика», гл. «Опыт веры»):

Тот, кто «водим» Духом (Рим. 8, 14), уже не может быть судим с той позиции,

* Ин. 14, 6.

которую он оставил (1 Кор. 2, 14–15), он даже не может судить о самом себе (2 Кор. 4:3). Это имеет далеко идущие логические последствия для формулирования христианского опыта, относящиеся к проблеме христианской надежды, которую невозможно разрешить со статической позиции.

(...)

...сам полет не может быть схвачен статическими кадрами фильма, даже если они быстро сменяют друг друга: цель спасения схвачена на лету, поскольку полет может быть понят только с точки зрения его цели, но именно только на лету, а не сам по себе, и потому он не может стать статической «уверенностью в спасении».

Для многих именно эта уверенность в собственном спасении и есть главный фундамент.

А далеко ли может уйти фундамент?..

С одной стороны, вроде как же – «дом на твердом основании», и вообще много церковной риторики вокруг «основания», «столпа и утверждения» и прочих образов статики (вплоть до «скреп» тех же).

С другой же стороны – «Вставайте, идем отсюда», надо двигаться, не укореняйтесь на чужбине, вас ждут дома; Христос воскрес, но мы еще только участвуем в воскресении, еще в дороге, вслед за Ним; как там в фильме «В джазе только девушки»: «Осгуд ждет нас у причала». – «Да, но МЫ-ТО еще не у причала!»

Начну-ка я за здравие да закончу за упокой (или – наоборот); в общем, думаю сегодня примерно такое:

Мы пошли за Тобой, повсюду шли («так весело, отчаянно»* и пр.), и в Иерусалим Ты въезжал на ослике (вон вся лента сегодня – «цок да цок»**), а мы за Тобой, и дальше пошли, на Тайную вечерю, и в Гефсиманский сад, и Ты подробно нам объяснил про крест и Воскресение – и туда мы, сначала потупив, потом, когда дошло, поныв, но таки пошли (кстати, ждем от Тебя восторженных лайков за это!), и дальше, и дальше, и... что?

Куда Ты нас привел-то?!

У каждого из нас был свой, понимаешь, СВОЙ образ конечной точки назначения, свой образ рая там, Царства, спасения и проч.

А здесь что?! пустыня какая-то!..

Понимаешь, мы всё, вот абсолютно всё понимаем, мы и веруем, и подвигаемся, и всё на свете, – а всё равно наше (мое) «я» вырывает куда-то не туда. Не к Тебе.

Воистину, поразительные мы люди существа.

Просто поразительные.

Иногда хочется написать что-нибудь не потому, что в написанном есть особенный смысл, а просто – нравится писать, водить пером по бумаге...

Написал: «человек, который был чистым четвергом» (так, все буквы одного размера) – и зачеркиваю слово «чистым».

В 1998 году меня рукоположили в дьяконы именно в Чистый Четверг, какое

* Из стихотворения Роберта Бёрнса «Макферсон перед казнью» (пер. С. Маршака).

** Из стихотворения Тимура Кибирова «А наш-то на ослике цок да цок...»

число какого месяца это было по календарю – не помню. В пасхальную ночь в лицо нашему крестному ходу, в котором я впервые шел в дьяконском облачении, откуда-то со стороны хакасских степей летел влажный снег. Он летел параллельно земле, выходит, параллельно и небу, летел и густо стоял на месте, наполнял собой это место, был как суфле между двумя слоями бисквита, пах морем, свободой и весной.

Да уж... вот только что, на утрени Великого Пятка, предлинной службе с двенадцатью Евангелиями, поминали мы ее составителей нѣзлым, тихим словом. И дивились им, как первобытные люди, с зачарованностью и тугою: для чего это вообще, как это?.. зачем из всех песен канона оставили именно пятую, восьмую и девятую?.. зачем прокимен посредине?.. откуда в одних старопечатных изданиях Евангелий пресловутая загадочная «фаска», исчезающая в других изданиях?.. и прочее такое же. *О предивнаго чудесе!* Догадывались только, что, вероятно, вся сия – результат каких-то вековых движух, процессов и эксцессов, наслоенных друг на друга прихотливым способом и имевших когда-то даже и смысл.

Еще такой образ в голове: нашли археологи штуку. Зачем она – профаны не знают, разузнали только специалисты. Приходят профаны на экскурсию, специалист им рассказывает, что это за штука да какое великое значение она имела в оные времена; профанам же видно одно: всё это интересно, конечно, но в наше время штука никому не нужна, никак и никем нигде не используется, но она все же – старинная, имеет инвентарный номер и лежит в витрине под стеклом, и из музея ее, разумеется, никуда не девать, ибо еще Вильям Оккамский объяснил: не создавай ненужных штук и закопанных в землю не выкапывай, потом назад не будешь знать как девать их. Все это хорошо, думают профаны, только к нашей-то жизни какое отношение эта штука имеет? Вот и должны теперь специалисты эти смыслы выдумать. Объяснить, чем для нас доныне столь важно происшедшее много веков назад в Цареграде великое потрясение, в каких таких Хонех было чудо и какое, почему католический обычай освящать свечи именно на Сретение – это достойно и праведно есть и покупайте наши сретенские свечи, а прочие католические обычаи – ересь, и что такое четверговая соль, ну и т.д.

Стихи! бываете вы столь таинственны, прекрасны, почитаемы и бессмысленны, как четверговая соль!..

О соли этой читаем, например, в Википедии: «Четверговую соль готовили один раз в году – в ночь со среды на четверг Страстной недели или утром в Чистый четверг. Этот обычай обрядового использования соли имеет древние корни, когда за солью признавали возможность давать здоровье и защищать человека. Об обычае упоминалось в Сборнике постановлений церковного собора XVI века «Стоглав», который осудил приготовление этой соли и постановил: «Заповедати в Великий бы четверток порану соломы не палили и мертвых не кликали, и соли бы попы под престол в Великий четверг не клали и до седмаго бы четверга по Велице дни не держали, понеже такова прелесть еллинская и хула еретическая. И который поп таковая сотворит, и тому быти по священным правилом во отлучении и в конечном извержении».

Несмотря на всю внешнюю суету этого дня, это день тишины. Какой-то миротворной, хорошей, насыщенной. Правдашной, как бывало в детстве. Тишины, которая старается не избавить тебя от раздражителей (искушений, по-церковному), а коснуться самой нутри: *Не так, как мир дает, Я даю вам**.

И ни один во гробе**.

Всем известна справедливая сентенция, что количество не заменит качества.

Но знаю по крайней мере один случай, когда справедливость сей сентенции встаёт с ног на голову: когда многоголосый хор, состоящий из абсолютно полноценных и незомбированных личностей, тысячеусто говорит: «Христос воскрес! Воистину воскрес!»

Сегодня с утра служили пасхальную службу в нашем доме инвалидов. Мы так каждый год: пасхальную литургию здесь служим на Светлой, в понедельник.

Наш здешний больничный храм имеет название – Воскресения Христова. Поэтому что был открыт и освящен на Пасху 2001 года.

Итак, сему храму – 20 лет.

Двадцать лет!! как с куста... Представить себе не могу. Словно вчера. То ли время прошло, то ли – вжжжжух.

Прутики березок сажали тогда между храмом и трансформаторной будкой – а сейчас они толстые и выше всяческих зданий в два раза.

В крестный ход пошли, по всей территории.

То было пасмурно и кисло, а тут раз и солнечно.

И собака юноши побежала с нами (что за собака, понятия не имею, какая-то косматая пришла, грязная, как в книжке Памелы Трэверс: «Огромный пёс, казавшийся наполовину эрделем, наполовину легавой, причём обе половины были, как ты помнишь, худшие»).

И все встречные, когда я их кропил святой водой, признавались в любви.

И сквозь все скорби, потертости, будни, грязь, старость, немощь, безразличие, выгорание, которые никуда волшебным образом не делись, потому что куда им деваться-то из реальности – сквозь них, не выкидывая их пинками и не вычеркивая, но ПРЕОБРАЖАЯ, стойко сквозила весна.

Как, знаете, иногда бывает: в кладовку, заваленную хламом, вдруг через окно проникнет свет – и всё, все предметы, и углы, и паутину, исполнит собой; и это есть свет смысла, свет жизни вечной, Пасхи и воскресения.

Перечитываю Лю Цысиня, «Память о прошлом Земли».

Если вы помните, в первом романе трилогии, «Задача трёх тел», речь идет о первоначальном этапе контакта землян с инопланетным разумом и о том, что изрядная часть людей, разочаровавшись в человечестве, решила поскорее предать Землю во власть инопланетян.

* Ин. 14, 27.

** «Воскресе Христос, и мертвый ни один во гробе». Из «Слова огласительного на Святую Пасху» свт. Иоанна Златоуста.

«– Знаете, почему я приехал сюда? – продолжал Эванс. – Первые ростки общевидового коммунизма пробились давным-давно здесь, на Древнем Востоке.

– Вы имеете в виду буддизм?

– Да. Христианство сфокусировано на Человеке. Хотя Ной и взял в свой ковчег всякой твари по паре, но другим видам никогда не придавалось такого же значения, как человеку. Тогда как в центре буддистского учения стоит сохранение всякой жизни. Вот почему я приехал на Восток. Но... Но теперь мне ясно, что везде одно и то же.

– Да, верно, люди везде одинаковы.

– И что мне теперь делать? В чем цель моей жизни? У меня четыре с половиной миллиарда долларов и международная нефтяная компания. И какой прок от всех этих денег? Наверняка на защиту окружающей среды затрачены уже не четыре с половиной, а четыреста пятьдесят миллиардов. Ну и что с того?! Цивилизация продолжает шагать по пути уничтожения всей жизни на Земле, кроме человеческой. Четырех с половиной миллиардов хватит, чтобы построить авианосец, но лавину человеческого безумия не остановит и тысяча авианосцев!..»

Такие обвинения в адрес христианства слышу нередко: де, из-за него цивилизация пошла именно по этому потребительскому пути.

Думаю об этом вот что.

Скажите, вы всерьез думаете, что, не будь на свете христианства, цивилизация, то есть жизнь людей, пошла бы по какому-то другому пути? Да полноте. Всё то же и было бы.

Что же христианство привнесло в человечество, чем оно коренным образом изменило жизнь на Земле? – Рискну сказать: да, пожалуй, внешне – ничем. Как воевали – так и воюют, так грабили – так и грабят, как гадили – так и гадят, под лозунгами и знаменами Церкви в том числе.

Но христианство сделало другое, более важное: дало человеку возможность знать правду. О его, человека, устройстве и положении, о его божественном происхождении и страшном падении, о Самом Боге, об окружающем мире. Эта правда такова, что в ней – невыносимое отчаяние; это правда человека, проснувшегося от сладких снов и увидевшего себя в аду (Нео в «Матрице», вытасченный из капсулы); правда в том, что мы – больше не дети, не можем более надеяться на уют и защищенность детской, мы должны срочно повзрослеть.

Невыносимое отчаяние – но и невероятнейшую надежду.

Не способ снова и снова склеивать разбитую чашку – но возможность пить из источника.

После службы еще дежурил сегодня в соборе, ну там крещение-отпевание, и проч.

Ударило днесь до +25. Как по мне – тепловая смерть Вселенной.

Кое-как («его лошадка, смерть почуя, плетется рысью как-нибудь») выхожу с территории воскресной школы, отворяю железную калитку. В калитке – пёс. Как у Вампилова:

«Из подворотни выбрел пёс косматый

И вдруг завоил, словно не к добру...»

Этот не воил, а вежливо и подобострастно мохнатыми бровями своими засма-
тривал на территорию; увидев меня, чувствительно кланялся.

– Что, говорю, жрать хочешь? – спросил я его.

– Дак ведь, ваше благородие! – бодро отвечал пёс. – Мы ведь как сказать: штош,
не без того ш! Вы наши отцы, мы ваши дети!

– «Дети»... куда бы вас дети... – бурча, вернулся я в здание школы и вынес псу
сладкую булочку. Пёс взял ее в пасть, причем в глазах его промелькнул какой-то
как бы огонь, подержал и аккуратно положил, слюнявую, на привратный кирпич.

– Ах ты аггел сотоны! – воскликнул я. – Так ты еще и не голодный! А за эту
булочку люди, может, жизни свои покладали! Ты чего же хотел, костей мозговых?
Или бланманже с профитролями?!

Пёс поморгал, прикинул хвост к носу, решил, что спорить – себе дороже, снова
аккуратно взял булочку и молчком пристойно понес ее куда-то за угол, причем по
походке его было видно, что громкие слова «бланманже с профитролями» произ-
вели все-таки некое впечатление на его несмысленное воображение.

Батюшка ничком лежит меж служб, как тляпка меж гряд. Рукоять тляпки отпо-
лирована, темна от пота, лезвие в сукровице молочая и пырья, в налипшем зеле-
ном мясе. Солнце палит, мошкара над головой зундит, сорняки, как зубы дракона,
бодро прут в рост.

Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие*.

Так хочется добавить: блаженны уверовавшие и верные.

Будь, например, я народ, я бы исправил народную присказку «Фома неверую-
щий» – не на «Фома верующий», а на «Фома верный».

Просто вот представьте себе: идет Фома к своим, к месту сбора, а вокруг него
Иерусалим бурлит: распяли! а он воскрес! кто говорит, что воскрес?! они украли
его тело, представляете! в святую субботу, сквернавцы! они распускают слухи, что
он воскрес! да стопудово воскрес, жена шурина моей тетки точно говорила! это
враки! это иноагенты, пятая колонна, это враги израильского народа мутят воду
во пруду, это все придумал черчилль в восемнадцатом году!..– и так далее.

Скорей, скорей прийти и самому посмотреть!

И вот – пришел, любящий Учителя и – верный Ему, своему Учителю.

Тот? Не тот?!.. Неужели?!..

И увидел, и потрогал, и видит – Тот, Тот!

И как был, так и остался Ему верен.

Вчера собирались опять в доме инвалидов, служили панихиду по всем усоп-
шим. Ну и разговорились, как всегда, о том да о сем, в частности, о войне... Сошлись
на том, что не только христианин, а и всякий трезвомыслящий человек понимает:
в падшем нашем мире война не кончается никогда. Не кончается, и не кончится.

* Ин. 20, 21.

Как рак: опухоль вырежут – а метастазы за тыщи км ползут, растут в душах, в головах, в похотях, в сердцах людей... Один человек сказал простое, обыденное: «Вот мы друг другу желаем “мирного неба”, и “лишь бы войны не было”, а что это означает? Лишь бы войны не было ВОТ ЗДЕСЬ, у нас, где я и мои живут... А где-то там – это вроде и не война, а так, новости из телевизора».

Сегодня больше тут неможется писать. Лучше пойти помолиться Богу. Помолитесь и вы, друзья – о жертвах в Казани*, о жертвах бесконечной интифады в Израиле и по всему Востоку, о томящихся в тюрьмах, словом, какими словами и о чем, вы уж сами себе знаете.

Достоевского «Идиота» я раз в пору своей юности прочитал за одну бессонную ночь. Роман меня потряс, помню (не помню точно уже чем, разным); но и до сих пор одно место меня там потрясает:

«– Чрез Настасью Филипповну? – подобострастно промолвил чиновник, как бы что-то соображая.

– Да ведь не знаешь! – крикнул на него в нетерпении Рогожин.

– Ан и знаю! – победоносно отвечал чиновник.

– Эвона! Да мало ль Настасий Филипповн! И какая ты наглая, я тебе скажу, тварь!».

Потрясает именно тем, что разве может русский человек запросто в разговоре выговорить это «Филипповн».

Думаете, пустяк? А сами попробуйте.

Тут в одном посте подняли вопрос (возраста мамонта, на самом деле), пристойно ли жене священника представляться, частным образом ли, в официальных ситуациях ли, как «матушка Z.», и насколько вообще канонично (sic!) жен священников так называть.

Кратко прорезюмирую: если у жены священника есть дети – вот им она и матушка, больше никому.

(В личном общении, разумеется, жену ли священника, друг ли друга, кого ли угодно, мы имеем право называть как нам вздумается и как воспитанность подсказывает, а какой-то устав, канон, регламент и пр. тут ни при чем).

Все сии церковные при – последствия всеобщего постмодернизма.

Например, покрестил я сегодня зараз 20 (двадцать) цыганских детей.

Хорошо ли это? думаю, весьма неплохо.

Дети орали, крестные и родители галдели, на улице был майский дождь и отовсюду произрастающая зелень, жизнь жительствовавала вовсю и, надо надеяться, будет жить и впредь, Богу содействующу.

Ходасевич, «О Пушкине» – «Кошунства»:

«Религия раздражала в Пушкине его пародическую жилку. Его кошунства долж-

* Имеется в виду вооруженное нападение на гимназию № 175 в Казани 11 мая 2021 г., в результате которого погибли девять человек.

но рассматривать как частный случай его пародии. В них больше литературной забавы, чем философии. Пушкинские кощунства можно определить как шуточные, а не воинствующие. Они не содержат борьбы с религией. Они даже гораздо более незлобивы, чем его литературные или политические эпиграммы. Они остры по форме и не глубоко философически: следствие того именно, что они возникают из чисто литературного пристрастия к пародии, а не из побуждений атеистических. В них несравненно больше свободословия, чем последовательного свободомыслия. Они легкомысленны и неядовиты. Необходимо, наконец, отметить то чрезвычайно важное обстоятельство, что после 1827 года мы не встречаем у Пушкина ни одного кощунства».

От себя добавляю: дело простое, житейское, к тридцати-то годам – повзрослел уж.

Про паука:

паук, аккуратно восстанавливающий свою паутину от случая к случаю повреждения ли, от сезона к сезону ли, от поколения пауков к поколению ли, тем самым соблюдает замысел Божий/волю Божию о себе и способствует жизни и стоянию творения.

Всякий же «царь природы», разбрасывающий ли носки, неспособный ли помыть за собой чашку, гадающий ли в лесу после пикника на поляне, неудержимо расползающийся ли как вирус в завоевании «сферы жизненных интересов», будь то в войне против себе подобных или в завоевании («усокровищенствовании») ресурсов Земли и космоса, эгоистичный ли и потребительский в межличностных отношениях, не хотящий ли хоть как-то бороться со своими греховными страстями и страстишками, со своей вольницей и похотями, и так далее и так далее, увеличивает энтропию (беру расхожий в обществе смысл слова: меру сложности, хаотичности или неопределённости системы) и тем самым приближает конец света.

Мне закричат: «Дак и надо, надо его приближать! Энтропия – наш друг, потому что в статистической физике она характеризует вероятность осуществления какого-либо макроскопического состояния. Мы же верующие! Второе пришествие Христа – и дивный новый мир, наконец, наконец-то!»

Да?.. Вопрос в том, кем мы с вами окажемся при конце света – невинными жертвами вселенской катастрофы или же устроителями ее, виновными в том, что она стряслась. Почему-то иные думают, что «конец света» – специально Богом задуман, что вот, мол, Он нарочно придет и ни за что ни про что уничтожит собственное творение, про которое совсем недавно Сам говорил, что оно «добро зело». Вся Библия – про то, что конец света – это конец ПАДШЕГО света, падшего и испорченного – мерзостями, творимыми людьми.

Не думаете ли, что Христос скажет некоторым: ну и фиговые же вы верующие. Не в том дело, что надо было во что бы то ни стало сохранить этот падший мир в некоем неизменном виде, нет, конечно, – но в том, чтобы, несмотря ни на что, даже если «абсурдно» и «нецелесообразно», УЧИТЬСЯ его сохранять, тем самым учась строить новый Божий мир и жить в новом, по новым законам.

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь»

Зачем же вы, скажет Христос, не посетили больных и заключенных, не утешили страждущих, теще-соседу-случайному прохожему доброго слова не сказали, зачем не мыли за собой чашек, зачем гадили у себя в подъезде и в любви и в дружбе и в отношениях, зачем свои гнойные страсти замазывали тональным кремом и заматали сор под диван, лицемеры вы и гробы повапленные? Вы работали на энтропию – а в дивном новом мире такие не нужны; там энтропии нет, а вы только к ней и приучены, и по ее законам навыкли жить; так что идите-ка, мои дорогие, в геенну огненную, там как раз энтропия правит бал, вам там, пожалуй, комфортнее будет.

Разрозненные мысли

Слова Христа ученикам о фарисеях *оставьте их, они слепые вожди слепых* (Мф. 15, 14) не означают «покиньте их, не общайтесь с ними», – это противоречило бы Его собственному отношению к фарисеям, к тому же – как можно покинуть того, кто, как и ты, часть народа Божьего?

«Оставьте их» = «оставьте их в покое», «не пытайтесь их изменить, если они к этому не готовы».

Меняйтесь сами, будьте городом на вершине горы.

Тогда слепые вас увидят. И не упадут в яму.

Иоанна Крестителя часто приводят в пример как обличителя неправедных властей, пострадавшего за это.

Говоря о секире, которая уже лежит у корней, Иоанн пророчески говорит о своей судьбе, так и судьбе Того, к Чьему приходу он призывает подготовиться.

Можно возразить – секира для бесплодных деревьев, а его и Мессию к ним никак не отнесешь.

Но вот слова Христа, ведомого на казнь: *не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших...* (Лк. 23, 28). Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

И Иоанн, и Христос знали – рубка начнется с плодоносных насаждений. С них самих.

И то, что Иоанна арестовали за обличение Ирода в блуде – не более чем частность. Не было бы этого, было бы что-то иное.

Потому что в целом он погиб за свое служение Предтечи.

За Благою весть.

Как и Мессия, как почти все апостолы.

Вот что важно не забывать. Ради этого стоит умирать.

Идея гражданского общества, рожденная в языческих полисах Греции, и учение об отношениях христиан между собой, которое есть плод Богоявления, – это разные миры. Даже если христианин говорит о гражданском обществе, он говорит на чуждом для него языке, о чуждых (теперь) для него смыслах (если он подлинный христианин). Что с того, что прежде он был частью этого общества и сейчас по плоти остается его частью, – он человек с другим гражданством. Он – «пятая колонна».

И даже если он участвует в гражданских акциях, он движим не их философией, а своими мотивами, которым цели этих акций не противоречат. Иначе он их избегает.

Его могут обвинять в трусости или пассивности – он спокоен: все это мимо цели.

«...– Учителя герменевтики говорят, что прежде Мессии должен прийти Илия!
– Правильно они говорят. Но его не узнали, потому что герменевтика бессильна указать Илию в Иоанне.

И Мессия, пришедший после Илии, так же пострадает, как Иоанн. Никто не узнает Его в распятом на Голгофе.

Герменевтика важна.

Но не она отверзает ум к уразумению Писаний».

– Я ничего не могу. Я – лежачий больной из силоамской купальни.

– Хорошо, тогда лежи. Но в нужном направлении.

И послал их по двое проповедовать, что приблизилось Царство Божье. И повелел мытарю и зилоту идти вдвоем.

Отвергнув жизнь как познание Бога, тем самым отвергаешь и познание себя.

Потому что понять свои узловые решения человек сам не в силах до конца, пока он не на свету.

И ад – это ужас непознанный самого себя, не только Бога.

Пророк – не предсказатель. Чаще всего он говорит то же, что и проповедник – но его слово со властью. И это разделяет слушающих, до этого вроде единых.

Притча о блудном сыне – ответ на 72 псалом. Необходимость осилить новое

понимание праведности. Сумей порадоваться за нечестивых, приглашенных на праздничный пир.

Вечная жизнь – тайна. Как и воскресение. В большинстве случаев, рассуждая о ней, подразумевают не вечную, а бесконечную жизнь. Непрерывность воспроизведения не преображенного изнутри человека. Но это – ад, «день сурка».

Вечная жизнь – это тайна Троицы и бытия Христа как человека.

Се, творю все новое (Ин. 21, 5), *у тех, кто будет веровать в Меня, из чрева потекут реки воды живой* (Ин. 7, 38) – вот это о вечной жизни. Одна из тайн – что она начинается уже здесь. Потому что Преображение начинается уже здесь. А вечная жизнь и Преображение – синонимы.

О простоте во Христе: прост не тот, кто отказывается размышлять о сложном, а кто погружается в глубины Божьи, сохраняя простоту.

– Могу ли я повлиять на судьбу умерших? – спросил я у Господа.

– А ты сам-то живой? Уверен? – ответил Он.

Умер от ковида Борис Грачевский*.

Представил его встречу с Христом – и как-то успокоился за него... большой ребенок. Не праведник ни в коей мере – именно ребенок. Со всеми плюсами и минусами.

Собственно, сам факт «Ералаша» – уже что-то очень личностное... «Если не станете как дети» – что-то в нем есть от этого... Кого-то Христос не выведет из ада, потому что человек упрется как баран. А его – выведет. Если он за о. Александром Менем бежал по киностудии, желая узнать что-то важное для себя, то и за Христом побежит сквозь ад.

Современное сознание покрывает жизнь густым орнаментом предлагаемых целей, возможностей и удовольствий, а смерть – орнаментом всякого рода зрелищных и смысловых ужасиков, связанных с ее приходом. В итоге под густым слоем этих тату не видно ни жизни, ни смерти как изначальных, краеугольных явлений. Человек проживает свой срок, почти не в силах пробиться к незамутненной чистоте взглядывания.

Благословенны те, в чьем творчестве остаются примеры такой расчистки, свидетельствования приближения к первичности замысла.

* Кинорежиссер и сценарист, создатель (вместе с А. Хмеликом) и руководитель киножурнала для детей «Ералаш». (Прим. ВС.)

История о грехопадении – великая духовная тайна. Она могла быть изложена лишь языком мифа. Миф – способ душевными средствами донести целостное духовное откровение.

Во многих фильмах используется этот прием – когда один герой видит перед собой другого героя и рядом – его клона. И нужно понять, где настоящий.

Я осознал, что, читая четверть века про Антихриста, во-первых, так толком и не понял о нем ничего, что вышло бы за рамки школьного богословия, во-вторых, понял о себе, что все это время вряд ли бы смог уверенно отличить его от Христа в силу внутренней слепоты.

Нет, сам я поначалу был уверен, что я зрячий и что со мной все в порядке. Подозрения, что мне нужна глазная мазь, появились не сразу, и я долго от них отмахивался.

Сейчас для меня прояснилось то, что Антихрист – потенциально реализуем в каждом из тех, кто идет за Христом. В некоторых он реализуется особенно ярко. И отличить его от Христа непросто.

Он очень харизматичен и по-человечески обаятелен. Он умеет привлекать к себе. Он всегда ответит там, где Христос бы промолчал, просияет там, где Христос уйдет в тень.

Человек с духовным взглядом, отойдя от первого очарования, заметит, что Антихрист тянет одеяло на себя. Что он – сам по себе. Что в нем нет внутреннего искреннего трепета перед великой тайной традиции. И вообще перед любой тайной. Что радость без трепета – не радость, а эйфория. Что за располагающим к себе образом не видно подвига преодоления. Его немощей, его усилия. Видна великолепная роль яркого актера – что там, за ней? Зрячий, через всматривание, не сразу – но проникнет за маску. И поймет, кто перед ним.

Но зрячих немного.

Христос не нуждался в герменевтике, изъясняя Писание. Это могли поставить Ему в упрек учителя и книжники – но не Его ученики.

Но в последующем «произошло огорчение и они разлучились» – конфессионально и доктринально.

Сегодня те, кто в догмате, в своем толковании Писаний оглядываются на отцов Церкви, как те оглядывались на апостолов, а те на Христа. Т.е., зная герменевтику, толкуют Писание не с ее помощью, а духовно, выводя толкование из своего внутреннего опыта, предлагая его Церкви.

Критерием тут служит не герменевтическое подтверждение толкования отрывками Писаний, а праведная жизнь, подтвержденная другими, – как у предшественников.

У тех, кто пребывает не в догмате, а рядом с догматом, отбросившим Предание, герменевтическое соответствие остается единственным прибежищем от своево-

лия и субъективизма. «Обоснуй Писанием» – их аргумент друг другу и инославным толковникам.

Да, а Христос?

Но ты же не Он.

Да, а Павел?

Ты не апостол.

Но пророческий дух?

Дар пророчества прекратился.

Это вынужденное самоограничение, к которому никто никогда не принуждал, – защитная позиция, чтоб сохранить устойчивость вероисповедания.

Тот, кто в догмате, и тот, кто рядом с догматом, могут таким образом понимать и принимать друг друга только там, где духовное толкование не отрывается от герменевтического.

Но это очень узкая полоса. Нейтральная полоса.

Не написано ли в законе вашем: «Я сказал – вы боги»? (Ин. 10, 34).

Несмотря на то, что подтекст мытаря – «Боже, будь милостив ко мне, хотя я не собираюсь переставать грешить»*, он оказался более оправдан, чем фарисей, не жалевший усилий в борьбе за праведность.

Почему?

Потому что фарисей в молитве оценил сам себя.

Оценивать себя – опасное дело.

На иллюстрациях фарисей всегда богач, а мытарь бедно одет.

Тогда как всё, скорее всего, как раз наоборот. Налоговик и праведник.

Но богатому мытарю сложно симпатизировать, а бедно одетый фарисей – слом шаблона.

ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ

Он взял молитву и сделал из нее стих, который можно читать, но которым нельзя молиться. Музыкальная стихия в нем полностью игнорирует содержание, живет собственной жизнью. Содержание молитвы Сирина стало исходным сырьем для создания словесно-смысловой гармонии, и только.

P.S. Но все-таки он гений.

Богопознание возможно только человеком, через человека, для человека.

Но человек пал. Он непоправимо поврежден.

* Лк. 18, 9–14.

Поэтому праведник – это грешник, для которого Богопознание (и тем самым самопознание, прорыв к себе истинному, не падшему) – главная цель жизни.

Только когда становишься одним из типажей «12-ти стульев», ни по возрасту, ни по мировоззрению не вписываясь в требования «дивного нового мира», понимаешь, насколько жесток античный смех авторов над персонажами.

«Не ешьте плодов от сего древа» – это серьезно. Заповедь Того, Кто тебя создал, не преступишь в результате праздной интеллектуальной игры. «Никто не пойдет на костер или на плаху из-за онтологического аргумента». Нужны глубокие и серьезные мотивы.

Для этого «...подлинно ли сказал Бог?» должно стать семенем, упавшим в подготовленную почву – в то, что Достоевский называл «идеей-чувством».

В данном случае – рептилоидный шепот внутри всколыхнул и подтвердил назревшее ощущение, что с миром в тебе и вокруг тебя что-то не так. Несмотря на заявленное до этого «и вот, все хорошо весьма».

Сцены исцелений в Евангелиях носят иконический характер. Процесс, чаще всего длительный и непростой, изображается как одномоментное событие. непонимание особенностей этого языка может вызывать неверные ожидания и искаженное представление чуда как моментального магизма, а не плода упорной и долгой внутренней работы. *Сей род изгоняется только молитвой и постом* (Мф. 17, 17).

*Я тяжело говорю и косноязычен** – речь не о физическом заикании. «Я говорю на языках, меня не понимают». «Разве у тебя нет брата с даром истолкователя?»

«Не буду пить нового вина, старое вино лучше» означает – «Я не хочу меняться. Не раскачивайте мою лодку».

Если набрать в поисковике «икона вознесение Илии», можно увидеть, что практически на всех изображениях Елисей держится за плащ Илии и не отпускает, пытаясь его удержать.

Если же просто набрать «вознесение Илии», выйдет множество исторических полотен и современных библейских иллюстраций на эту тему – и практически вез-

* Слова Моисея в ответ на повеление Бога идти к фараону и возвестить ему, чтобы тот отпустил народ израильский (Исх. 4, 10).

де потрясенный Елисей будет наблюдать, как возносится его наставник, на некоторых изображениях может фигурировать летящий на него сверху плащ.

Это очень любопытное сравнение.

По букве – верны вторые изображения. Не написано, что во время вознесения Илии Елисей держался за его плащ. Сказано лишь, что он подобрал плащ после того, как огненная колесница скрылась из глаз.

Но если посмотреть на поведение Елисея до этой сцены (первые десять стихов 2-й главы 4-й книги Царств), то увидим, что он буквально вцепился в Илию, как клещ, не давая тому прогнать себя, не отходя ни на шаг. Именно эту его позицию и отображает иконопись в виде наглядного зримого жеста.

Потому что икона – не иллюстрация. Она – богословие в образах.

Та легкость и быстрота, с которой Христос реагировал в «режиме он-лайн» на тщательно продуманные заранее вопросы-ловушки, – не что иное, как наглядное проявление жизни по Духу.

Проницательность и могущество ума, свободного от плена страстей.

Подвижник (истинный) «выдает» себя не только внутренней радостью, но и мгновенной и всепобеждающей мощью подлинно свободного ума. Возможно, думая об этих евангельских свидетельствах той легкости, с которой Господь обходил поставленные Ему ловушки и решал неразрешимые вопросы, читая в сердцах спрашивающих Его, как в открытой книге, апостол написал – «духовный судит обо всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2, 15).

Нагорная проповедь – дерзновенная попытка рассказать о праведности Нового Завета на языке Ветхого.

АНТРОПОЛОГИЯ ПРОРОКОВ

Исайя отличается завидной уравновешенностью и гармоничностью внутренней жизни и социального поведения. Поэт, по дарованию не уступающий крупнейшим представителям мировой поэзии, он при этом может говорить на равных с царями, каждый раз находя нужный тональный регистр и фразеологию.

Иеремия – простой человек, маргинал и правдолюбец в стиле героев Шукшина, только в иудейском варианте. Вся его книга – сплошной непрекращающийся конфликт как с Богом, так и с окружающими.

Иезекииль – человек с особенностями психики, крайне затрудняющими его общение с людьми. Он живет в мире своих видений, но доносить их до других – каждый раз испытание для него. Его множественные арт-акции, шоу-пантомимы, которые он устраивает – не намеренный прием, это свидетельство проблемы с

вербальным оформлением своих посланий, заставляющей выкручиваться такими вот способами.

Удивляет, с одной стороны, насколько странен выбор людей Св. Духом, учитывая, что антропология неотделима от духовного послания, всегда доносимого через конкретного человека со всеми его тараканами. С другой стороны – поражает, как эти несовершенства становятся частью Божьей работы, благодаря тому, что человек не отворачивается от своего предназначения и, не получив ответа на вопрос «почему именно я?», идет и посвящает всего себя выполнению порученного.

Если у человека нет свободы выбора, то лишь потому, что человек в своей свободе решил, что у него ее нет.

Слово «разочарование» образовано с помощью приставки от слова «очарование», означающего некое состояние человека. «Очарование» же образовано от существительного «чары». «Навел чары». «Чары рассеялись».

Разочароваться, таким образом, можно лишь в чем-то нереальном, в видимости, в фикции, которую считали подлинной реальностью. В том, что действительно истинно, краеугольно, разочароваться невозможно. Его можно предать – но не разочароваться. И даже предавая, будешь знать, что отворачиваешься от того, что настоящее, не справившись со своим неверием. От того, к чему всегда можно вернуться – и оно примет. Именно потому, что настоящее. А настоящее никуда не исчезает.

В падшем мире бытие (внешнее и внутреннее) – боль. И желание уйти от боли в небытие (не в буквальное, это крайность, а в видимость бытия, в исключенность сознания, в квазибытие, с помощью любого наркотика) – есть всегда. Наркотиком становится что угодно. Алкоголь, химия, хобби, работа, семья.

Самое отрезвляющее откровение – что им вполне может быть и молитва, и чтение Писания, и разные виды служения. Бунге называл это «активизмом». Вроде ты полностью захвачен и вовлечен, живешь полной жизнью, но задай тебе пару вопросов, причиняющих боль своей простотой и глубиной, своей трезвенностью, – и человек из подполья явит свое лицо.

Два брата поспорили. Из-за своих политических воззрений. И в результате чуть не забанили друг друга. Потом приняли решение – в общении не затрагивать эту область. Говорить о Христе, о церкви, о спасении людей, о своей борьбе за праведность и пр. А о политике не говорить.

Когда-то давно я задался вопросом – как мытарь Матфей и зилот Симон не поубивали друг друга, пока они ходили с Христом? Ведь не всегда Он был рядом с ними, чтоб разводить по углам. И не может быть, чтоб у них тема политического

положения страны не затрагивалась в общении. Я для себя сделал простой вывод – они договорились друг с другом не говорить на эту тему. Другого объяснения у меня не было, потому что это все, что я мог предположить, глядя на себя и единоверцев.

Сейчас я понимаю, что был слеп. Слепой все оценивает и объясняет исходя из своего опыта. То, что зилот и мытарь не убили друг друга потому, что они *изменились*, просто не приходило в голову – потому что я не видел рядом тех, кто изменился – до такой степени. Тех, кто впустил Христа в те области своих воззрений и представлений, куда до этого Он был не вхож. Все апостолы изменились – и поэтому смогли сделать то, что они сделали. Иуда не изменился – и потому сначала предал Христа, а потом покончил с собой. А не потому, что был Мальчишом-Плохишом.

Преображение. Вот что объясняет все. Для не испытанного его все, что делает и говорит Христос, имеет свое объяснение – но это объяснение ложно. Ответ Христа тем, кто показал Ему динарий – не находчивость и не мудрость. Христос даже не задумывался о том, КАК ответить, – ответ был у него на языке. Он все время предстоял перед Отцом – и на все, что видел и слышал, отвечал как Сын, стоящий рядом с Отцом. На любой политический или теологический вопрос Он отвечал, не задумываясь – потому что ответ не требовал размышления.

Тот выбор, который сделали братья, – это поражение. Потому что это выбор меньшего из двух зол. Безблагодатный выбор. Выбор, который не даст двигаться вперед и вверх – только вперед. И немножко вниз. А потом еще немножко. Но это видишь, только что-то, пусть самую малость, поняв о Преображении Христа – о том Преображении, которое должны испытать все, кто пошел за Ним.

Только потому, что есть учение о Троице, рожденное Преданием Церкви, можно всерьез говорить, что Бог – это Любовь: любовь выражается в осуществлении, в ее приложении к кому-то. Если Бог – единая Личность, как Он Сам к Себе может проявить любовь? Но Он – единство трех ипостасей, где каждая имеет свободную волю – и использует ее не для самоутверждения, но для выражения своей любви к другим ипостасям.

Именно потому, что есть откровение о Троице, возможно откровение о Церкви: требование быть едиными невозможно осуществить без познания внутритринитарных отношений, не придя в итоге к законнической структуре в той или иной ее форме, даже не желая этого. Потому что осуществить требование единства человеческими силами невозможно иначе как жестким набором правил, пусть даже и основанных на Писании.

Но отношения внутри Троицы показывают и убеждают – возможно иметь единство свободных волей, основанное не на принуждении, пусть даже к правильным вещам, но на любви и отречении от себя ради других.

Только потому что есть Троица, было возможно сотворение человека – с той же полнотой свободы, что есть у Творца. Потому что понятие свободы есть только там, где есть выбор, – а Троица являет в себе постоянно этот выбор между любо-

вью и смирением – и эгоизмом и гордостью. Имея в себе потенцию реализовать и то и другое, ипостаси никогда не используют то, что может нарушить их единство в любви. Именно потому что есть Троица, можно что-то понять о жизни на Небесах, где есть свобода выбора – и при этом нет греха.

И это единство было засвидетельствовано на Иордане, где Сын смиренно дал себя крестить, и Отец воззвал к Нему с небес и Дух показал себя сходящим на Сына. Троица отныне пребывает с людьми – и в каждом поколении являет таинственный, но познаваемый по мере сил пример истинного единства.

Придя в гости к Елисавете и Захарии, Мария три месяца разговаривала только с Елисаветой, потому что Захария все время молчал.

Жизнь с Богом – не чудеса и не великие достижения. Тьма может показать и то и другое.

Свобода и честность – вот чего у нее нет.

Уверенность в своей избранности равна принятию на себя ответственности. Безответственная уверенность говорит о неадекватности.

Наши небеса записаны на именах.

Лишь три вещи Бог творит ИЗ НИЧЕГО – мир, жизнь и человека.

СЛЕПОЙ ОЩУПЫВАЕТ СЛОНА

Все школьные годы я не любил стихи. Не любил и не понимал этой абсолютно неестественной и непригодной в жизни речи в рифму. В любимых книгах и автор, и герои разговаривали так, как разговаривают в реальной жизни. Никто вокруг не разговаривал стихами. Я просто смирялся с фактом существования непонятого мне явления и с необходимостью периодически заучивать что-то наизусть – спасала хорошая память.

(То, что параллельно существовали любимые песни, где за вычетом мелодии оставались стихи, т.е. та же самая неестественная речь в рифму, – это тогда в голову не приходило.)

Потом был камешек, выпавший из плотины, – вечер Бродского на 1-м канале тогда еще советского ТВ. Я услышал, как Михаил Козаков читает его стихи. Это были стихи, все та же метрическая, неестественная речь в рифму, но, парадоксаль-

ным образом, я забыл об этом – настолько был поражен содержанием. Это была речь моего современника, который мыслил и чувствовал как я – и при этом говорил об этом стихами. Оказывается, при помощи этой искусственной формы можно было донести все то, что наполняло изнутри, – причем так, как нельзя выразить обычными формами речи.

Через дыру в плотине забила вода, и дыра стала потихоньку расширяться. Наступило постперестроечное время, и я прочел то, что раньше не мог. Того же Хармса. Еще не будучи глубоко знаком с мировой поэзией, я уже вполне осознавал, что поэзия – это, говоря словами Пастернака, исток Амазонки. Где не одно русло, а тысячи, и есть те, которые родственные для тебя. Нужно только их найти.

В институте я обнаружил, что записываю какие-то важные для себя мысли и трудноуловимые ощущения в виде небольших текстов. Но это не были стихи, да и я сам их так не называл. Друзья при чтении жаловались, что, читая их глазами, испытывают дискомфорт. Но если при чтении произносят вслух, дискомфорт уходит.

Это была подсказка. Я еще до этого открыл для себя тексты Уитмена, взяв у друга антологию американской поэзии, и испытал очередной шок, впервые столкнувшись с верлибром: и это тоже стихи? Так, оказывается, тоже можно? Я попробовал разбить свои миниатюры на отдельные строчки, записав их не прозой, а как стихи, столбцом. Сразу стало легче читать.

Я осознал, что то, что я пишу, похоже на стихи намного больше, чем на что-то еще.

Мандельштам о Пастернаке: «К кому он обращается? К людям, которые *никогда ничего не совершат...*»

Поэт, пишущий для аудитории «работников на жатве», вроде бы находится в более выигрышной позиции. Ведь его слушатели меняют мир и себя. Но именно «вроде бы». Делатели на жатве бывают разные. Как писал Сергей Круглов –

Вечер. На новый текст пригласил я соседа.
Пришел – тапочки, белая рубашка,
Пепелесая, постная стрижка-канадка
(Картинка из притчи о милосердном баптисте!);
Разбавил чай кипячёной водою,
Прочёл, сурово сдвинул брови,
Уставил в меня палец: а ты
Записался в праведники?
Что ответить? Смутить не смею!
Меня ведь, грешным делом, учили,
Что старый дедушка Коль
Был весёлый король,
И никому он голов не рубил.

Для поэта благотворна аудитория работников, озабоченных не статистикой

сбора урожая, не количеством плодов в корзинах, но разгадыванием тайны человечности Того, о Ком они проповедуют.

От таких работников даже затрещина – благо и елей на голову.

– Каким ты меня видишь? – спросил Поэт.

Я показал ему портрет, нарисованный мной.

– Но это же совсем не я! – удивился он.

– Ты хочешь сказать, что портрет не похож на тебя такого, каким ты сам видишь себя? Но кто тебе сказал, что твой взгляд на самого себя – это и есть ты настоящий?

– Разве мой собственный взгляд на себя не важен?

– Для тебя самого, конечно, важен. Остальным то, как ты видишь себя, неинтересно. У каждого есть свой собственный ты. Каждый покажет тебе твой портрет, который он нарисовал. Это будет очень пестрая галерея.

Поэт замолчал. Потом сказал:

– Интересно было бы побродить в этой галерее.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Двадцать с лишним лет назад один друг сказал – «когда у меня плохое настроение и всякая муть внутри, я беру жену и говорю ей: «пошли проповедовать людям о Христе!». Мы идем с ней на улицу и делимся верой с прохожими. И когда мы идем домой, на душе уже не муторно, а легко и радостно. Потому что благовестие с унынием не уживается».

Я слушал его с уважением. Это было личное свидетельство. Не то, что человек вычитал в книге.

Я по-прежнему уважаю эту позицию. Но айсберг моих убеждений с тех пор перевернулся, обнажив подводную часть.

А если делиться верой не с кем? Сегодня даже не обязательно для этого оказываться там, где физически нет людей. Другое время. На улице уже не остановишь человека и не будешь говорить с ним о жизни так легко, как это бывало прежде.

Но по большому счету дело не в этом. Это – соображение слишком внешнего, поверхностного характера.

Более глубокий слой айсберга – почему мне нужно с кем-то делиться верой, чтоб избавиться от тьмы в себе? Что я строю в себе такое, что эта постройка не работает без некой подпорки, контрфорса, пусть бы даже и такой благовидной, как благовестие другому человеку? Почему проповедь становится неким подспорьем, служебным инструментом для восстановления внутреннего мира? Почему, оставаясь один, я становлюсь слабым и беспомощным? Неужели Бог во мне не может совместно со мной прогнать мою тьму?

Это вовсе не риторические вопросы, как может показаться.

Помню другой разговор, случайно услышанный мной спустя пару лет, на выездной конференции. Один говорил – я уже не знаю, кому еще благовествовать, меня уже в городе каждая собака знает, на улице прохожие меня видят и издали улыбаются начинают. Второй ему отвечал – пусть, а ты все равно иди и ищи погибающих. Великий наказ все равно остается! Без него – что еще нам остается делать, если мы ученики Христа?

Церковь есть совокупность спасенных, но спасенных индивидуально (я спасен!), так что их спасение ничего не означает для мира, ничего в нем не творит, не есть спасение мира, совершающееся в спасении каждого человека. Но этот опыт спасенности, поскольку он, в сущности, не имеет никакого содержания кроме этой спасенности, неизбежно начинает наполняться, можно сказать, почти любым содержанием. Спасенный должен спасать. Поскольку у спасения этого нет никакого ни космического, ни эсхатологического горизонта, нет духовной глубины, нет духовного знания ни мира, ни Царства Божьего, объектом его становится прежде всего то зло или тот грех, от которого нужно спасать, в уничтожении которого и состоит спасенность.

(Протоиерей Александр Шмеман)

Оглядываясь на свой внутренний опыт, могу подтвердить это наблюдение. В моем случае ощущение своей избранности, в которой я когда-то был искренне убежден, обесмысливало для меня остальной мир. Смысл его существования заключался только в том, что в нем были такие же, как я, избранные, которых нужно было найти и спасти через благую весть. Другого смысла по отношению ко мне этот предназначенный огню мир не имел.

Но это впитанное мной предание вызывало диссонанс со многими другими уровнями моего «я», которые я не мог зачеркнуть.

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

(Николай Гумилев)

Красоте творения, которую я ощущал как художник, в предложенной мне картине мира богословского места не отводилось. В лучшем случае ее воспринимали как своего рода «крем на торте» – да, но мир-то все равно падший и все равно сгорит, как написано!

Огонь, в котором горит богач в притче, – это пламя своего безличия. Огненная деменция.

Когда у опытного потребителя смерть забрала все, что он потреблял, оказалось, что кроме этого больше ничего нет. Личность проявляет себя в служении другим людям. Господь не судья, а соболезнующий Врач. «Чадю!», обращается он к горящему богачу устами Авраама. С осужденным так не говорят. Но врач не может помочь насильно. Он не может заполнить пустоту в человеке, сжигающую того, – созданный по Его образу должен сделать это сам.

Ризо АХМАД

Рассказы

Обратный билет

Туроб вернулся домой поздно, поклевал, что жена подала, да тут же на курпачах перед столиком с дастарханом улегся спать. Мастура не стала его тревожить, а ведь планировала, как придет и поест, поговорить. Однако поняла, что сейчас никакого толку не будет. Оставила разговор на утро.

Так и получилось. Отдохнувший, искупавшийся под теплым душем, Туроб что-то напевал. Мастура и сказала себе «олга»*.

– Туроб-ака, помните чигит**, что вам дали вместо зарплаты на вашем хлопункте, сто кило?

– Ну?

– Я их на масло поменяла. Тридцать литров.

– Хорошо поменяла, из ста кило получается двадцать шесть-двадцать семь, до тридцати не дотянет...

– Так вот, – Мастура сочла эти расчеты за похвалу, – надо бы продать, детей одеть, скоро сентябрь. Вам кое-что прикупить, да и мне бы тоже не помешало.

– Эх куда хватила, как будто у тебя не тридцать, а все сто литров этого масла.

– Я и об этом подумала. Вещи будем покупать не новые, а приличные за полцены, в магазинах... как их... во, вспомнила: «Секунда» называется.

– Ну да, есть такие магазины, сам слышал. За полцены, а то и за четверть. А белышко вообще килограммами продают. Но, говорили мне, вещи приличные, почти новые, не порванные, чистые, а то и совсем новые.

– Поэтому надо продать маслишко-то.

– О чем говоришь, дура: в райцентре ни у кого денег нет.

– Так я же не здесь продавать.

– В Бухаре, что ли? Так там то же самое.

– Не в Бухаре, а в Ташкенте. Там, говорят, масло хлопковое подорожало. Я все

* Вперед (узб.)

** Хлопковые семена (узб.)

выяснила-рассчитала. Во-первых, поезд хороший из Кагана, ночью сядешь, рано утром – там. А следующей ночью обратно – и утром в Кагане. Ехать продавать надо только на Чорсу-базар, там специальное место есть, оказывается, где все торгуют маслом. Продадим и бегом в эту «Секунду», она тоже рядом, внутри большого магазина, он называется «ГУМ», на втором этаже. Если быстро управимся, то и покушать можно культурно в кафе, и погулять в парке Бешагач, там, говорят, такое огромное колесо, сверху весь город виден, а люди и машины – как муравьи... А, Туроб-ака? Поедем, а?

– Я? Со мной? В Ташкент? Совсем сдурела! Да кто меня с работы отпустит? Я бригадир, забыла?

– Ну и что, что бригадир, Туроб-ака. Сдалось вам это бригадирство, если денег в вашем хлоппункте не дают, семенами-ватой отбояриваются, а то и вовсе только обещают и все. Спасибо Господу, вы у меня есть, да и огород наш, куры, корова. Вы стараетесь, мукой меня всегда обеспечиваете, хлеб, яйца, молоко и катик* всегда на столе, дети, тьфу-тьфу, не голодают, получше, чем у многих других. А вот как вас всех приодеть – ума не приложу, денег-то нет совсем. Насобирала только понемножку на билеты на поезд вам и мне, туда и обратно. Так что поедем? Мы быстро вернемся, всего-то две ночи в поезде и один день в Ташкенте. Поехали, а?

– Мастура, я не поеду, я и в Бухаре-то сто лет назад был, а в Ташкенте и подавно.

– Что же делать, Туроб-ака, что делать, дадаси? Аж плакать хочу. Я же не за себя, одежда поизносилась у детей, обуви никакой ни у нас, ни у малых. А в наших сельпо, кроме хозяйственного мыла, столетних спичек, что не зажигаются, и этой проклятой водки ничего и нет. А через три месяца зима, всем по пальто нужно, не в Африке живем.

– Знаешь что – езжай сама. А меня не трожь. Но провожу, в Кагане на поезд посажу, обратно встречу.

– Как же я одна? Ташкентцы, говорят, народ ушлый, зазеваешься – съедят с потрохами.

– Ты на себя посмотри, разве можно стопудовую, да с таким задом, съесть?! Да если бы к твоей фигуре характер жесткий, вот была бы бой-баба. А то слишком мягкая с людьми. Хотя за это и люблю.

– А вы научите.

Целый час муж объяснял жене, как себя вести в незнакомых местах – в поезде, на улице и в автобусе, на базаре и в магазинах. Без крика и злобы, но свой интерес знать – твердо отстаивать, денежки и документ какой – поглубже держать, чтобы никто не достал.

Посмотрел на часы и спохватился, побежал, схватив приготовленный сверток с обедом и пол-лепешки – пожевать по дороге.

Туроб дорожил своей работой. А с тех пор, как его поставили старшим в бригаде из двенадцати рабочих, так и вовсе понял на себе большую ответственность.

* Кислое молоко (узб.)

** Отец (уважительное обращение к мужу).

Бригада занималась сооружением хлопковых бунтов*: хлопок-сырец наверх подавала им конвейерная лента, десять парней аккуратно укладывали его и утапывали – получалась огромная белая квадратная гора на асфальте площадью двадцать на двадцать метров и высотой тоже двадцать. А ленту нагружали пара его ребят с тракторных прицепов. Придет время, хлопковый сезон закончится и рабочие станут возить этот хлопок на тележках в цех, потихоньку разрушая красивые белые горы. В цеху другие мастера с помощью машин отделят вату от семян, спрессуют ее до невозможности и сформируют тюки, каждый ровно по сто килограмм, обернут грубой холщовой тканью и сожмут металлическими обручами.

Туробу, бывшему школьному второгоднику, светила только дорога в мардикоры – махать лопатой и кетменем да собирать руками хлопок в поле. Он и стал работать простым рабочим на хлопункте. Был усерден в работе, тих и скромн в отношениях с людьми. Но не был забит-пришиблен, имел, когда спрашивали, свое мнение и свой голос. Через четыре года ему вдруг поручили бригадирство, он от этого всколыхнулся и впервые почувствовал себя достойным человеком. Он словно проснулся от спячки и стал очень дорожить этим местом. Но от природы был добр, спокойно работал со своей бригадой, без надрыва и крика. За это и стали его уважать люди.

И теперь, когда наступил 1990 год и всё в огромном советском государстве стало очень плохо, он все равно с благоговением относился к своей работе бригадира, хоть и платить перестали, а кормили только указами и обещаниями вот-вот улучшить положение. Поэтому когда жена сегодня заговорила о поездке в Ташкент – всего лишь один день там и две ночи в поезде, – он ужаснулся: как это, бросить работу в начавшуюся хлопковую страду? Этого никак нельзя было допустить. Хотя жену и детей он любил больше жизни и ради них сделал бы все, но только в нерабочее время.

Однако он проникся заботами жены и повез ее и три бидона, в каждом по десять литров хлопкового масла, на собственном мотоцикле «Урал» с коляской. Купил в кассе жене на ее деньги два билета на плацкартные места туда и обратно, донес до вагона все три бидона. Боялся, как же будет поднимать жену с асфальта в вагон, ведь она и в самом деле была уж очень добра телом – последствия частых родов; детей у них было четверо и, кажется, намечался еще один. Но перрон был высокий, взбираться по ступенькам в вагон оказалось не нужно, Мастура сама дошла до своего места, уселась, поздоровалась со всеми пассажирами, а Туроб донес ей тяжелые бидоны.

Едва он попрощался и вышел из вагона, как во все отсеки плацкартного вагона полезли люди, кто с билетами, а кто и без, на радость проводникам, но все с баулами, сумками, чемоданами и мешками. Вскоре в отсек, где сидела Мастура, рассчитанный на четырех пассажиров, набилось человек двенадцать, а весь проход и третья полка были забиты поклажей. А народ все заходил и заходил. В их отсек мужики больше никого не пустили. О том, чтобы поспать лежа, не могло быть и

* Большие кипы хлопка-сырца.

речи. Отовсюду шум, брань и ругань. Что ж, Мастура понимала: она не одна поехала в Ташкент, чтобы продать, что имела, и купить нужное. Разговоров во всем вагоне только об этом и было – кто что купил, продал, обменял. Рассказывали и небылицы: как за одного кучкара* некий мужик приобрел пианино; что в институты поступать теперь нужно не с тысячами рублей (о долларах тогда люди не слыхали), а с теми же баранами или с лошадкой справной, или даже с верблюдом; как за ужин с водкой в одном ташкентском ресторане пожилой, солидный человек снял с себя настоящие американские джинсы, то ли «Леви», то ли «Страус», а сам в кальсонах так и ушел...

Так как-то доехали до Ташкента, с двенадцатью остановками, ровно за двенадцать часов. Было раннее утро. Бидоны снести помогли ей проводники, они были довольны и потому добры, много получили от безбилетников и уже прикидывали, сколько начальнику поезда, чтобы он не обиделся, сколько себе. Откуда и силы-то появились у нее, все три тяжелых бидона доперла за раз до автобуса № 46, сквозь тесный строй бомбил-таксистов с голодными глазами и надсаженными от криков голосами. Поднялась еле-еле, кто-то помог, уже и не до стыда ей было, когда кто-то ухватил ее за зад и приподнял на ступеньки. Ни до чего теперь, только вперед, захватила ее, как и всех, деловая спешка...

Когда выходила на Чорсу, задержала всех спускающихся, с ней стали ругаться и позорить, а шофер вышел из кабины и взял с нее за три билета. Ладно, бог с ним, скоро она освободится от этих проклятых бидонов, и наступит свобода и сладость женская выбирать вещи в магазине.

Бидоны с маслом у нее сразу купили на входе какие-то шустрые пацаны, и за хорошие деньги, она-то рассчитывала только на половину этого. Но когда подошла к другому выходу, где это масло хлопковое продавали крикливые ташкентские торговки, и спросила, почему тут литр, поняла, что серьезную сумму она прогадала. Ругала себя кишлачницей и колхозницей, но уж теперь ничего не сделаешь, масла-то не вернешь. Тихонечко, не спеша пошла в ГУМ, что был на противоположной стороне большого проспекта. Даже и не верилось, что руки свободные и ничто их не оттягивает. Нашла на втором этаже «секонд хэнд», накупила, тоже не спеша, по своему списку одежды и обуви всем членам семьи. Продавщицы, как увидели, сколько вещей она покупает, сразу подобрели к ней. Денежки еще оставались, купила и газовый тюль на все окна их дома, уж больно был хорош, весь желтенький, а на этом фоне – огромные нежные алые цветы. Теперь уж, с такими занавесками, муженек не отвертится от хоть слабенького домашнего ремонта, хотя бы побелки и покраски внутри и снаружи. А она и дети мужу помогут.

Всё! Всё сделала, к своему великому удовольствию. Пора и на вокзал на том же автобусе. Поезд вечерний, села с большой своей сумкой в кресло в зале ожидания, еще раз перебрала все купленные вещи в бауле и представила, как будут радоваться дети обновкам, а муж от удовольствия только крикнет. Пристроила баул под сиденье и прикорнула, нащупывая поминутно его ногами, чтобы не дай бог не стащили.

* Баран-производитель.

Виделся ей сон: праздник 1 мая, всем кишлаком в Бухару поехали, все нарядные, женщины думают о том, какой будет обед на собранные со всех деньги, обещали цыплят «с табаком», почему «с табаком» – непонятно, может так вкуснее, когда табак пожаришь на сковороде. И почему цыплята? – дали бы уж кур полноценных, а то у цыплят кожа да кости. Мужики же мечтают о пиве холодном, им, кроме пива, душевного разговора и сигарки в зубы, больше ничего и не надо. И подалее от женщин, надоели... Пстой-ка, поняла-поняла: цыплята – это покушать, а кто захочет курить – им и табак прошу пожалуйста. Ну а детям мороженое, шары воздушные и лимонад или сладкую газировку. Всё будет, дети!

Так и поспала, наверстывая прошедшую ночь, хорошо поспала. Проснулась, посмотрела на людей – все бегают, копошатся, ругают всех подряд. А ей хоть бы хны, довольная, домой скоро поедет, утром будет там. Больше сна не было. Разговори-лась с женщиной в соседнем кресле. Такая же бедолага, только из Самарканда, привезла вареной кукурузы два мешка, продала за полдня, накупила нужных вещей детям, кое на что не хватило. А вы где отоваривались? В магазине, «ГУМ» называется. На каком этаже? На первом. Э-э, дорогуша, ошибочка у вас вышла, надо было на втором этаже, там большой отдел, «Секунда» называется, в три раза дешевле. Вот, посмотрите, можно всех одеть-обуть. Можно, хорошие вещички, молодец, надоумила, в следующий раз...

Еще три часа пролетели в беседе незаметно, а тут объявили посадку на бухарский поезд № 661. У нее был вагон восьмой, она точно помнила, а место пятое. Подошла к проводнику.

– Билет ваш?

– Вот, возьмите.

– Что вы мне, гражданочка, даете?

– Билет.

– Так он вчерашний, вот число, посмотрите, вот написано: «Бухара – Ташкент».

На нем вы приехали.

– Так мне муж вроде два билета покупал.

– Ну поищите, другой билет найдите. Отойдите в сторону и ищите, другим не мешайте.

Всю себя Мастура обыскала, баул весь вывалила прямо на кафельный пол перрона. Нету! Только этот, вчерашний.

– Ой, пустите меня в вагон, дяденька, меня дома ждут, умрут, убьются без меня. Я и место помню, дяденька, милый, вагон восемь, место пять...

– Не положено, отойдите!

Она – в крик, несколько волос, кажется, у нее сразу поседело...

– Не кричите тут, идите к начальнику вокзала, время еще есть.

Побежала Мастура обратно на вокзал, но не добежала, увидела в окне, что поезд отошел и его уже не догонишь. Села в зале ожидания и заплакала. Устала от тревог, уснула, обхватив ногами драгоценный баул. Приснилось холодное утро, тучи низкие и черные. А ее дети голышом играют. Заболеют ведь, а ну домой! Ой, ручки холодные, ножки ледяные, ужас какой... Проснулась оттого, что кто-то тро-

нул ее за плечо. Вздогнула, испугалась, обхватила руками баул. А это милиционер. Честь отдает.

- Паспорт предъявите.
- Вот, возьмите.
- Вы уже долго здесь сидите, все поезда пропустили.
- Билет я потеряла. В Бухару мне, а билет был, теперь уже нет.
- Идите в кассу, купите новый. А здесь так долго сидеть не положено. Ладно, до утра, но утром уходите, или я вас выгоню.

Мастура стала думать, что предпринять. И все из-за этого чертового газового тюля, на кой он ей нужен, а теперь денег ни копейки. Нет, копейки есть, поеду на автобусе в тот самый ГУМ, сдам обратно этот тюль проклятый, а потом куплю билет и домой.

- Тюль обратно не взяли.
- У нас вторичный товар, мы обратно не принимаем.

Сколько ни упрасивала, ни умоляла, продавщицы стояли насмерть. В ногах только не валялась, все аргументы выложила и про детей, и про мужа. Нет, не шелохнулась ни одна. Стала просить дать ей денег в долг, всего-то 15 рублей 50 копеек. Скоро вновь приедет – отдаст и рубль сверху. Только рассмеялись. Поняла – с такими бесполезно. Потаскилась обратно на вокзал...

Опять беседа с проводником, а ночью с милиционером, но с другим, прежний бы уже выгнал ее, как рецидивистку. И кто-то ее толкнул в сердечко – пошла встречать бухарский поезд: может, кого из знакомых встретит. А он только что подошел. Она пошла тихо вдоль перрона. А навстречу ей крик на весь вокзал, нет – на весь мир:

- Мастура, Мастура, я здесь, я приехал за тобой!
- Это был он, ее Туроб; увидела Мастура его, бегущего навстречу...

Очнулась в медпункте.

Оказывается, Туроб нечаянно, по закону подлости, оставил ее билет на обратный поезд у себя в кармане. А обнаружил его только на следующее утро, когда шел на работу. Испугался, но и он дотумкал своим необразованным умом, что деньги у нее какие-то останутся, купит другой билет в ташкентской кассе. Но когда Мастуры не оказалось на обратном поезде, Туроб не на шутку встревожился. Утром побежал к директору хлоппункта. Директор, когда понял, в чем дело, не только разрешил ехать, но и денег дал, целых пятьдесят рублей...

Плакали от счастья оба. А потом она резко вскочила и села на койке, и глаза сразу высохли:

- Где баул?
- Вот он под тобой, то есть под кушеткой.
- Никто не трогал?
- Никто, только я.
- Тогда ладно, – и опять заплакала.
- Но вдруг что-то толкнуло ее в грудь...

Врачи не спасли, не откачали. Обширный инфаркт.

Бесприданница

Пока ребенок мал, ему все нипочем, а уж лучший кусок всегда достанется. Но как повзрослеет, вот тут и возникают сложности бытия. Особенно если семья бедная. Вот и Нисо, как стукнуло ей двадцать пять, призадумалась: пора бы замуж, а никто не приходит свататься.

А все потому, что отца нет, давно умер от почечной болезни, ей тогда было шестнадцать. Остались у мамы она да еще четверо младших. И побежала мать, никогда до тех пор не выходившая из мужниного дома и не имевшая никакой профессии, в разные места наниматься хоть кем. Взяли ее в двух местах уборщицей: в райархив, работать ночью, и в школу – ранним утром до начала уроков. Но что заработает уборщица, дворничиха, посудомойка или сторожиха хоть на десяти таких работах? Все уходило на скудное пропитание для шести ртов, а с одеждой и обувкой для детей мать побиралась у соседей, да и учителя и учительницы несли ей ношеное от своих чад.

Так что богатого, да и просто никакого приданого у Нисо не было и не могло быть. Кто к такой придет свататься? Был бы отец-кормилец, он бы устроил, извернулся бы, но устроил, как нужно. Так нет его, чего уж тут!

Но девушка-то была хороша, пригожа, да и умна: постаралась – и по окончании школы выучилась в педтехникуме, а затем стала работать в родной своей школе учительницей начальных классов. Уже шестой год работала. Младшие дети тоже подрастали, стали помощниками мамы, а часто и подменяли ее, не забывая, конечно, учиться. Да что толку – по-прежнему не хватало ни на что. Так что все шло для Нисо к горькому званию старой девы. Стала она, прежде бойкая и веселая, с годами скучнеть и уже не хотела видеть ни бывших подруг, давно вышедших замуж, ни гор красивых вдали, ни солнца жаркого, ни луны прохладной. Утешением были только работа и проверка дома тетрадей любимых ею учеников, да ужин со всеми домочадцами за общим столом.

Когда ребенок мал, так с шумом бегает и прыгает, влетает-вылетает, смеется и плачет, и весь мир обнимает. Но вот и зелень травы потемнела, и вечера уж холодны, и заборы соседей, кажется, подросли. Мать, чувствуя дочкину тоску, пригласила сваху. Та явилась, но лишь увидела, как они живут, развернулась и ушла. Тогда мать написала письмо своему старенькому тога*. Тот доживал свой век в Хорезме, куда его забрала хорезмская жена, у хорезмийцев женщины всегда сильнее, попробуй поспорь – получишь по лбу.

Приехал тога. Закрылись они с матерью и долго-долго говорили, аж с вечера, как приехал, и до самого утра.

Через день дядя уехал, а ровно через неделю после того у их дома остановилась вся из себя легковая машина с хорезмскими номерами и вышли из нее три женщины; особо выделялась одна, намалеванная неумело косметикой старуха. Со всеми говорила только в приказном тоне, громко и грубо, с сильным хорезмским акцентом. Спросила у выбежавших соседок, где тут тот самый дом, из-за которого

* Дядя.

ей пришлось по всему свету проехаться, и назвала имя матери Нисо. Ей услужливо показали, она это отметила про себя и еще выше подняла голову, а когда встала перед калиткой, окинула взором невзрачный фасад, покачала головой, обругала по матушке того, кто отправил их сюда, и стукнула несколько раз ногой по низу калитки. На стук вышли дети, а матери и Нисо не было дома. Не отвечая на саломы, она так же гордо прошла внутрь, приказав спутницам следовать за ней. В этом доме никогда не шуршали шелковые платья, так что двум девчонкам-школьницам стало интересно и они не отходили от гостей, послушно отвечая на всякие вопросы. Мальчиков гости никак не заинтересовали, и они затеяли тут же на улице играть в альчики, воспользовавшись отсутствием сестер, которым было поручено проследить за их домашними уроками...

Вскоре прибежала мать – ей кто-то сообщил – и устроила гостям чай со сладостями. Вернулась и Нисо, но к гостям выходить не стала, а ушла к себе. Но мать была настойчива, и Нисо пришлось выйти из своего укрытия. Она, как любая женщина, сразу отметила богатство нарядов и украшений: парча и золотые нити на платьях, жемчуга на шеях, на пальцах перстни, запястья в браслетах, вместо поясов – круги из золотых монет, туфли из бархата с золотошвейной отделкой. Все это было некрасиво, вычурно и пошло; но что поделаешь, таковы они, наши богатые старухи...

Когда Нисо вошла, приезжие переглянулись, выказывая тихое одобрение.

На властные требования главной гостьи Нисо не хотела отвечать, но, увидев глаза матери, подчинилась. Прошла по комнате, показав, что не хромоножка, руки вверх подняла, даже зубы показала, как лошадь на скотном базаре; открывала и закрывала глаза и прочитала наизусть главную суру из Корана, чтобы знали, что мусульманка...

Еще через три недели приехал все тот же автомобиль, и Нисо с матерью отправились в Ургенч, тысячу раз наказав младшим, как себя вести и что делать не делать в их отсутствие, – в первый раз оставляли детей без присмотра. Нисо, которую там уже называли «келин»*, десять дней водили по ургенчским складам, куда простому люду вход заказан, и накупили там для нее столько нарядов и платьев, обуви и зимней одежды, головных уборов и платков, что на целый век десяти женщинам хватит. Это были длинные и тягостные дни; лишь к ночи и сну хозяйки оставляли мать и дочь в покое и провожали до их комнаты. Лишь на десятый день Нисо, наконец, показали из окна жениха. Это был молодой мужчина, но уже не юноша. Он был неплох собою, немного низковат, кажется, ниже ее, Нисо, и одет, как столичные парни, пришедшие на смотрины. Тогда только мать и дочь в своей комнате дали волю слезам и причитаниям, потом обнялись и о чем-то тихо думали, каждая о своем.

Настал свадебный вечер. Нисо вышла на люди с шумной толпой хорезмских девушек, гремели барабаны, перекликались карнаи и сурнаи, рубабы сталкивались с дутарами и домбрами... Кажется, тут собрался весь город. Расселись за длинные столы, пили-ели, ели-пили, и скоро никто уже не обращал внимания на молодых. Тогда жених дал ей под столом яблоко, потом большую котлету, налил сладкой

* Невеста.

воды в стакан, и опять все под столом. Она поблагодарила его глазами, скрытыми за фатой, но он заметил и был горд.

Все, выходявшие говорить тосты, уже были пьяны и довольны, и требовали, чтобы через девять месяцев обязательно родился сын-богатырь. Гости понемногу начали дурить; слава богу, были только обнимания и жаркие признания, до драк не доходило. Пели певцы, и играли музыканты, молодые люди бегали от стола к столу и наливали, приносили и накладывали. Жених с невестой устали вставать и садиться в знак уважения к выходявшим к микрофону с тостами. Если бы не жених, Нисо бы, наверно, сошла с ума, ей до этого не случалось бывать в таком шумном обществе. Но он жал ей руки под столом и говорил ласковые слова, которые слышала только она.

Наконец молодых отпустили и они ушли в свою комнату, но сквозь закрытые окна и двери все равно до утра были слышны звуки праздника. Только тут, оставшись вдвоем, они спросили друг друга об именах, рассмеялись и стали тихо беседовать, вернее, он говорил, а она слушала. Это заметили подглядывающие и подслушивающие под дверь старухи, посланные от главной тут хозяйки, той самой, что приезжала к Нисо и командовала там. Они доложили ей о нулевом результате, просто сидят в постели и болтают, не спят. Тогда она приказала им принять решительные меры, и они вошли в комнату молодых и уговорами и упреками, мол, так не делается, заставили их раздеться и лечь в постель...

А ранним утром всем этим тетушкам и другим старухам и молодухам вынесли на обозрение белую простыню. К удовольствию всех, она была окровавлена. Через час привели умытую и искупанную невесту в другом уже свадебном наряде, и начался келин салом*.

На третий месяц Нисо забеременела и стала худеть, потому что не ела и не могла есть. Она превратилась в старую, усталую и некрасивую женщину. Муж жалел ее и не давал в обиду своей матери, той самой главной старухе, уж очень хотевшей подмять под себя весь человеческий род. Но жизнь Нисо становилась все тяжелее, как ее живот; хотя мужа своего она вроде полюбила, он был ласков с ней. От него же она узнала, что она у него третья жена, две жены ушли из их дома, не родив ему ребенка, а третью никто ему уже не давал в Ургенче, хоть и был он из богатого и завидного дома. И третью пришлось искать далеко, совсем в другом, далеком от них городе Бухаре. Но Нисо благодарил тех, неизвестных ей его жен, что он достался ей, такой хороший и ласковый, верный ее защитник, иначе она бы тоже сбежала от такой свекрови. Она старалась хоть что-то делать по дому, подметала и поливала большой двор, делала уборку в комнатах, уходила в сад и обрезала виноград, кустарник, цветы и деревья. Но мыть посуду, готовить обеды и завтраки она никак не могла, сразу рвота. Поэтому кухарка по-доброму гнала ее из кухни: ханум, идите-ка отсюда, отдохните, а покушать я вам принесу, шурпу вот приготовлю из свежего барашка и молодой картошки, тошнить не будет от этого.

* Обряд *келин салом* (дословно: «невестино приветствие») – представление невесты родственникам жениха; одна из старших женщин (не из родни) произносит от лица невесты краткое стихотворное приветствие каждому из родственников, в конце которого невеста кланяется ему (или ей).

Свекровь же говорила с ней только в отсутствие ее мужа, а повторяла одно и то же:

– Ты молилась сегодня? А перед молитвой мылась? А в молитвах вспоминала о нас, обо мне? То-то, иди отсюда, видеть тебя, доходягу, не могу. – И вслед уходящей: – Что, мы не рожали? Еще как, но так никогда не болели. Химическая какая-то.

Вскоре свекровь стала возить ее в город по все тем же складам – покупать для будущего ребенка тысячу вещей.

На седьмом месяце беременности у Нисо начались жестокие боли, живот вырос до очень больших размеров, и она просила мужа не трогать ее в постели, все ей было больно. Но она полюбила своего мужа и говорила ему об этом, это его очень успокаивало...

В роддоме она родила мертвого ребенка. Он был задушен ее внутренними трубами, обвинившими его шейку. Мужа и свекровь допустили к ней в палату лишь на третий день после родов. Чувствовалось, что старуха хотела сожрать ее, но боялась сына. А он тихо сказал при матери:

– Дорогая, милая моя, я по-прежнему люблю тебя и никому тебя не отдам.

Она знала, что ему сказать, когда свекровь вышла и оставила их одних:

– Милый, любимый мой, я вас тоже люблю, и благодарю господу, что вам была я отдана. И если вы не бросите меня и не отправите одну домой, то прошу, умоляю вас, милый мой, уедем вместе ко мне на родину, в мой родной дом, где моя мать и малые братья и сестры. Им надо помочь, иначе все у них будет плохо. Вы будете им отцом, и мы построим там на старом месте новый дом. Моим младшим надо учиться, они все очень умные, им надо поступать в институт. С вашей помощью мы все заживем там счастливо. И я вам рожу пять детей, не меньше, как моя мама, я смогу, я уже знаю и умею, как управлять собою, а вы и мама мне поможете. Поедем, муж мой, а?

При этих словах из рук старухи, подслушивавшей под дверью палаты, вывалился поднос с фруктами, громко и протяжно зазвенел на полу. Не подняв поднос, она грозно застучала каблуками, уходя прочь.

Длинные дни и ночи

Когда Бахром Одилову исполнилось семьдесят, он стал ночами, когда все спят, выходить на улицу и рыскать по ближним мусоркам. Собирал там пластиковые бутылки и макулатуру, складывал в тележку и привозил домой. В маленьком дворе вываливал все собранное на большой стол, сортировал, бумагу и картон складывал в коробки, пластиковые бутылки бросал в мешки, подавив их ногами, чтобы больше поместилось. А доски и остатки от всякой выброшенной соседями мебели, оконных рам и дверей, до дома не довозил, а сбрасывал у ворот ошхоны Улугбека-ошпаза*, такой у него с ошпазом был уговор: он ему тележку дров, а

* Повара.

тот – две порции вкуснейшего плова. А макулатуру, пластик и железо – правда, они реже всего появлялись в мусорных баках, – Бахром-ота сдавал по воскресеньям, как набиралось достаточно, в пункт приема вторсырья на их же улице, Шавкату и Лазизу.

А почему ночью? Да стыдно было перед соседями, хоть ни у кого не крал; его в махалле считали, да и он сам себя считал человеком интеллигентным и солидным, днем-то по улице ходил в шляпе, в беседах со всеми был культурен и улыбчив. А тут по мусоркам шастает, словно бомж... Поэтому выходил с тележкой в два или в три часа ночи и быстро возвращался, оглядев по верхам кучи и взяв то, что видел, дальше не копался. Но и так много находил, что можно сдать-продать.

А днем было много других дел. Поухаживать за четырьмя фруктовыми деревьями и четырьмя виноградными лозами, подстричь, полить, отломать и выбросить сухие ветки, затем телевизор и сон в любимом кресле, завтрак, чтение книг из своей библиотеки, обед, влажная уборка и пылесос в комнатах раз в неделю, хождение в городскую библиотеку тоже раз в неделю, там всегда были свежие газеты и журналы, и местные, и из Москвы, каких в газетных киосках не бывало. У него был хороший аппетит и отменный сон, он много ходил бодрой походкой, на зависть своим сверстникам. Болезней, слава богу, в последнее время не случалось, если не считать небольшой ноющей боли в правом колене, да и нога недостаточно сгибалась, чтобы достать рукой и потереть мочалкой правую стопу... Это были последствия частых переломов в юности, когда он был борцом-вольником, трижды чемпионом республики. Но он натирал по утрам колени разными мазями и пил терафлекс, помогало.

Раньше старик занимался ночной работой ради забавы, по-узбекски это называется «эрмак». А сейчас это его ночное дело стало давать важную прибавку к пенсии, потому что Бахром-ота завел сразу двух собак – пса и суку. «Завел», впрочем, неправильно сказано, он не собирался никого заводить, боялся привязанностей, которые могли отнять у него свободу, самое дорогое, что у него было. Но что было делать, когда он услышал писк и возню в одной из картонных коробок, которую хотел бросить в свою тележку, подняв с земли. Сначала испугался, увидев при свете фонаря два съезжившихся от холода комочка. Осмелев, вытащил щенят. Они были еще слепые, видать, всего несколько часов назад родила чья-то собака и выбросила хозяева. И такие люди бывают, что тут поделаешь.

Что поделывать? Принес их домой, отогрелись они в его комнатах и запищали еще больше. Он налил в миску молока... И никому их не отдал. Зато расходов стало больше, хорошо хоть Улугбек, кроме плова, давал теперь и кости.

Прошел год, собаки стали совсем взрослыми, он и переселил их во двор, чтобы в его отсутствие не рвали постель и белье. Выгуливать их не требовалось, им хватало и двора; там и спали в просторной теплой конуре, которую он сам им построил из подручных досок, а лежали на теплом старом ковре, что он нашел на мусорке и основательно вытряс. Джек и Джека, других собачьих имен он не знал, спали в его отсутствие или когда он сам спал. Со временем они перестали тревожиться, когда не видели его. Он приучил их не рвать кору деревьев, не обгрызать углы дома и не есть штукатурку. Они даже по нужде ходили только под

старую яблоню на уложенные там деревянные носилки, вот какие стали умные, понимали, что старику доставлять неудобства никак нельзя, он ведь часто ворчал: «Вот выкину вас отсюда, узнаете потом!», а они этого никак не хотели. А на чужих людей, конечно, лаяли, но как хозяин окрикнул – замолкали: значит, человек к их отцу пришел, а не грабить-красть. Бахром-ота часто с ними беседовал. Он говорит, а они слушают, сидя на задних лапах, и поворачивают за ним морды, высунув языки свои алые.

Лишь однажды Джек и Джека заставили старика серьезно поволноваться, понервничать основательно. Залез он как-то по лестнице на забор, где от соседа свисали ветви яблони с яблоками, сорвал парочку и дал им, съели за милую душу. Тот день был воскресным, он скоро ушел. А собаки и забрались в его отсутствие по лестнице на забор – он был плоский, и по нему можно было ходить. Не удержались собаки от соблазна и прыгнули вниз к соседу во двор. Для них это было просто путешествие в новый мир, они ведь дальше своего двора до сих пор ничего не видели. А там, у соседа, все переполошились; собаки тоже перепугались, стали отчаянно лаять... Соседу бы дожидаться Бахрома-ота, ведь знал, чьи они, но из природной вредности вызвал по телефону МЧС. Те не заставили себя ждать, приехали, отловили собак в большие сети и увезли.

К вечеру старик пришел домой и сразу заметил пропажу. Как не заметить, если нес собакам две большие мозговые говяжьи кости, хотел прямо с порога кинуть им, а собак нет. Стал искать, заметил лестницу... Значит, забрались... Пошел к соседу. Ругаться не стал, позвонил в МЧС. Ему сказали, где собаки, он и поехал на следующий день с утра пораньше в собачий приют за городом. Большой по его меркам отдал штраф и даже взятку дал, но отобрал собак своих, которых в общей клетке другие собаки давно, еще с вечера, собирались разорвать, но те заняли круговую оборону и пока держались. Повез их на такси, все сели сзади, а старик посередине между ними, а перед тем еле уговорил бомбилу и обещал две суммы дать, если что попортят или нагадят. Но собаки вели себя смирно и даже не лаяли, чувствовали свою вину и опускали глаза, когда Бахром-ота с укоризной глядел на них:

– Отбились от рук, не бил я вас, а теперь побью, как приедем, палкой побью, сколько сил хватит, да-да, не сомневайтесь. В следующее воскресенье приедет ваш новый хозяин, мы и возьмемся за вас, негодяи и дураки...

А потом старик надолго замолчал, забыл о них, ушел в воспоминания. Воспоминания были совсем недавние: у одинокой, как и он, старухи-соседки, живущей через двадцать домов, родился внучок, а дочка бросила его бабушке и уехала обратно в свой Екатеринбург.. Он, как прослышал, часто стал приходить к соседке, неизменно с двумя лепешками и пловом от Улугбека, подкармливал их. А бабка-то болела. И умерла в больнице, поручив ему взять мальчика к себе.

Мальчик и дед скоро привыкли друг к другу; думал Бахром-ота, что вот, внука Бог ему дал. Но не так думали о них в милиции. Пришли и забрали мальчика в детский дом. В усыновлении Бахрому-ота отказали, потому что он один и уже совсем старый. Разрешили приходить проводить внука по воскресным дням (вот почему он и уходил в тот день надолго). Как мальчик подрос, его стали отпускать со

стариком на полдня, и они ходили то в цирк на Хадре, то в парк на Бешагаче, то в зоопарк, посмотреть на разных зверей, то в парк Анхор – покататься на большом медленном колесе. На быстрых каруселях они боялись, а на том колесе из их кабины был виден весь город. Потом они ели в кафе любимые мальчиком пирожки. А вчерашний воскресный день был для старика особенно хорош, потому что Даврон, так назвала мальчика покойная его бабушка, сказал ему:

- Бобо, хочу к вам домой, познакомиться и поиграть с вашими собаками.
- Ты не будешь их бояться? – спросил Бахром-ота.
- Но вы же рассказывали, что они хорошие и умные, значит подружмся.

Теперь Даврону шесть лет, на следующий год пойдет в школу. К тому времени, думал в такси старик, он поднакопит денег, чтобы подарить пацану ноутбук, а все остальное – форму и портфель с книгами и тетрадями – дадут в детдоме. Но ничего, лишь бы не умереть и быть здоровым к тому времени, когда внучок окончит школу и его отпустят на все четыре стороны. Вот тогда жить вместе им никто не запретит.

А теперь ночами надо работать побольше, расширить территорию, куда он ходит за пластиком и макулатурой. Пенсия-то небольшая. Но он постарается. И старик взглянул на своих собак и потрепал им загривки, и, смеясь уже, повторил:

– Вот в следующее воскресенье приедет ваш новый хозяин, мы и возьмемся за вас, негодяи...

Алексей УСТИМЕНКО

Перелистывая прежние дни...

*Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года**

24 ноября 1966 г. Четверг.

Спал плохо. Начал замерзать уже в три часа ночи. Очевидно, мои старички плоховато протопили печь. Проворочался на своей жесткой постели – на досках. Пробовал накрываться с головой, и под утро как будто уснул, чтобы проснуться уже в половине девятого и, наскоро выпив стакан кофе, броситься в редакцию.

Думал, чем заняться первую половину рабочего дня. Так и не додумался. Очевидно, мешает чемоданное настроение. Не смог подсказать и Г. Кривонос^{**}. Чтобы не сидеть без толку в кабинете, пошли в управление. Там договаривались насчет каких-то статей от специалистов сельского хозяйства.

Потом столовая. Сытно и с чувством обедаем. Для аппетита, по просьбе своего начальника отдела, даю ему некоторую сумму для перевода ее в надлежащий ароматный виноградный напиток, способствующий пищеварению.

Наконец, расходимся. Я – домой, он – еще куда-то. Время – половина третьего.

Сажу и читаю главу из «Войны и мира». Затем иду в поселковый совет. Все заняты. Опять редакция, кое-какие уточнения дальнейших дел. Опять я дома. На этот раз, опять не раздеваясь, ложусь отдохнуть полчаса и неожиданно быстро засыпаю. Вдруг словно кто-то разбудил. Встал. На часах до конца рабочего дня осталось 30 минут. Опять иду в поселковый совет. Разговариваю. Записываю несколько общих фраз из сказанного мне. И направляюсь в редакцию. Все. Конец рабочего дня.

Иду в магазины. Беру булку белого хлеба, триста грамм какой-то колбасы и еще одну банку концентрированного кофе со сливками. Опять возвращаюсь в редакцию. Пусто, если не считать уборщицы, которая скоро ушла, и печатника, выпускающего газету на завтра.

Беру пишущую машинку и заканчиваю перепечатку своей новеллы «Идет ночь...».

* Продолжение. Начало в №№ 2–3 (LVI–LVII), 2021.

** Геннадий Гаврилович Кривонос, заведующий сельхозотделом редакции газеты «Молодость Сибири».

Закончив, начинаю работу над очередной (третьей) линогравюрой. Делаю несколько оттисков. По-моему, неплохо. Жалко, когда уеду, придется оставить мысль о получении столь качественных оттисков. Многотиражка печатается в новой типографии «Советская Сибирь». А там в цех проходить запрещено, тем более выпустить что-то для себя на станках.

Кстати, из телефонного разговора сегодня с мамой узнал неприятную весть – редактор многотиражки пока не звонит... А здесь я уже сам вырвал почву у себя из-под ног.

Перетащил раскладную кровать к старикам. Должен заехать шофер из маминского учреждения, бывающий здесь, и забрать в город.

Скучно. Девять часов, а делать больше нечего. В «Дневник» день записал. Завтра опять работа. Дел много. Сейчас играет радио. Телевизор сегодня не работает. Читать не хочется браться – болят и сонно закрываются глаза. В комнате о чем-то спорят старики. Особенно старуха. Она предпочитает говорить в ролях, представляя то одно, то другое лицо. Она всегда права, и ее мнения неоспоримы:

– И у ей, главное, – больше всех... Рот разинула и – «Унесу!..».

Старик молчит. Днем я встретил его около универмага. Он бродит без дела. Инвалидность. Середину его дня составляет сон. Правда, однажды в это время я застал его за интересным занятием. Он ползал по полу и... мыл пол. Очевидно ему, без причины, немного не по себе, что он дома сидит, а старуха в это время работает у себя в больнице. Она прачка.

Я почему-то сейчас подумал, что мое житье в Колывани все время напоминало, напоминает и будет напоминать полугодовую экскурсию в другую, неизвестную мне жизнь, в которую я был случайно заброшен, как живая частица ее целого.

25 ноября 1966 г. Пятница.

Вечером после работы пошел в кино. Смотрел двухсерийный детектив «По тонкому льду»*. Так себе...

Вышел из Дома культуры после сеанса и удивился. Во все небо – свет. Громадный яркий диск и матовый блеск луны. Кажется, что на него даже невозможно смотреть, не прищурив глаза. А кругом светло, словно днем. И если б, глядя на часы, я не узнал, что уже за полночь, я бы совершенно не поверил этому.

А потом, лежа в постели, в темной и холодной кухне, слушал югославскую эстраду.

Уснул уже в завтрашнем дне.

26 ноября 1966 г. Суббота.

Планерка в редакции. Вновь записываются в блокноты и записные книжки темы и факты, о которых необходимо рассказать на страницах нашей газеты в ближайшую неделю. Я тоже записываю, хотя в душе вопрос – «Зачем?». Именно на этой планерке все и решится.

* Фильм режиссера Д. Вятича-Бережных, снятый в 1966 году по одноименной повести Г. Брянцева, о работе советских разведчиков в годы Второй мировой войны.

Решилось.

– Итак, Алексей Петрович, за вами последнее слово...

– Что ж. Заявление я уже подал и брать его назад не буду...

На этом и заканчиваем. Все. Со вторника я свободен. Кончился полугодовой период моей самостоятельной и одинокой жизни в Колывани. Кончился период моей трудовой деятельности, работы в газете.

Доработал ранее снятый с полосы материал. Отдал перепечатывать. Очевидно, он будет последним материалом, опубликованным в районной газете «Трудовая правда» с моей подписью.

Завершив мелкие редакционные дела, я взял тяжелый, словно штанга, чемодан с книгами и пришел к маленькому, ветхому черно-серому, скрипящему от мороза зданию, около которого останавливаются автобусы. Но их не было. Зато неожиданно подскочил юркий «ГАЗ-69». Мне удалось с комфортом уместиться на переднем сиденье, рядом с шофером.

Машина мчалась на бешеной скорости. Кусты, снега, стволы сосен... Синее небо и яркое солнце. Красиво. Сказочно. Мороз.

А я сидел и думал, что уже мне долго-долго не придется ехать вот так... Бывать в командировках (собственно, за последнее время я вообще от них отвык). Именно эта быстрота и радость (предстоящих) встреч пробуждали такие воспоминания. Нет. Такую жизнь я не оставлю навсегда. Это понял я сегодня. В дороге.

Дома уже приготовились к моему приезду и даже выделили место для занятий – стол в большой комнате, на котором уже стоял привезенный мною подсвечник.

27 ноября 1966 г. Воскресенье.

Занялся разборкой бумаг и книг. Был в читальном зале. Повторил еще раз параграф о Präsens. Но этим моя работа там не ограничилась. Взял для чтения «Лезвие бритвы» Ивана Ефремова. Читаю ее, эту книгу, вторично, многое воспринимается совершенно по-новому. Лучше.

28 ноября 1966 г. Понедельник.

Опять встал чуть свет: в Колывани еще остались бумажные дела, нужно дооформить.

Мороз где-то около 30 градусов. Закрываясь воротником пальто от пронизывающего ветра, почти бегом шел к автобусной остановке. И, что интересно, – думал: «скорей, скорей бы добраться к старикам, в тепло, согреться, отоспаться...».

Ехал на попутном «ГАЗ-69». Редакция. Утро. Зашел в кабинет к нашей Галке. К секретарю. Услышал шеф. Вызвал:

– Ну, какие намерения? Работать или ехать?..

– Ехать, – ответил я.

– Что ж, тогда можно ускорить оформление документов...

Денег в редакции пока нет. Расчет, следовательно, получить не удастся. Что делать? Денег нет (и) для дальнейшего прожития здесь в ожидании расчета.

С другой стороны – уехать нельзя, старикам надо платить за квартиру.

Все же решил ехать. Договорился с ними. Они успокоились, когда узнали, что в залог у них остается пока моя раскладная кровать и что они, оказывается, знают редакционную секретаршу Галку Пантелееву, которая – по моей просьбе – должна зайти и заплатить, как только в редакции будут деньги, а я получу расчет.

Простился со всеми. Многим оставил номер нашего телефона. Особенно обрадовалась П.М. Ганина*. Она на прощание пожелала мне «...только всего хорошего».

Шефа не застал – ушел на совещание.

Получил билет члена профсоюза работников культуры.

Все. Распростился со всеми. До свидания, редакция: место, где я начал свою самостоятельную жизнь.

Осталась библиотека. Принес книги. Не все. Половину забыл на квартире у стариков, упаковав уже в свой туристический рюкзак. Пришлось распаковывать и брести по морозу в библиотеку второй раз. Последний. Всё.

Прощаюсь со стариками. Автовокзал. Мимолетная встреча с Зоей. Я ей еще до сих пор не вернул переданной ею в редакцию тетради стихов одного парня. Сказал, чтоб зашла сама. Теперь уже окончательно все.

Такси. Еду. Последний раз мимо церкви.

Потом стоящая на бугре Колывань, с дороги. Вдали. За машиной.

Опять дорога.

«Смотри, наслаждайся, – говорю я себе, – последний раз...»

Вот город. Вот мои дома. Улицы. Возвращение блудного сына домой. Почти как в легенде.

Завтракал дома. Обедал и ужинал вместе, тоже дома.

29 ноября 1966 г. Вторник.

Отсыпался. Потом окончательно закончил приведение в порядок номеров «Молодости Сибири». Теперь осталось то же самое сделать с «Комсомольской правдой».

Читальный зал. «Лезвие бритвы» и «Немецкий язык». Потом по абонементу взял новый сборник произведений Г. Горышина «Снег в октябре»**.

Одна из работниц библиотеки, пожилая женщина, остановила:

– Устименко, подождите, я хочу вам что-то сказать...

Оказалось, что в этой же библиотеке берет книги специальный корреспондент «Пионерской правды» по Новосибирской области Елена Львовна Готц (Е. Павлова)***. Имеет несколько вышедших сборников... Так вот, в библиотеке прочитали мой

* Прасковья Михайловна Ганина – насколько помню: заместитель редактора и зав. отделом партийной жизни.

** Книга Глеба Горышина (1931–1998), вышедшая в 1966 году.

*** Елена Львовна Павлова (Гоцева). С сайта факультета журналистики МГУ, почетным выпускником которого была Елена Львовна: «Ее журналистская биография коротка и длинна одновременно: 47 лет работы в одной газете – «Пионерской правде», сначала (по распределению) собкором по Западной Сибири (москвичка уехала в Новосибирск), с 1972 года – в центральном аппарате. Наша Лена очень любила жизнь и детей, а дети, самые юные читатели страны, знали и любили ее голос в газете... Последние десять лет Елена Львовна отдала редакторской работе на общественных началах. Превосходный литературный редактор, она в этой роли фактически стала соавтором десяти книг, вышедших из-под пера журналистов-известинцев».

опубликованный рассказ «История», и ей рассказали обо мне всё, что знают. Елена Львовна выслушала и пригласила меня (через работников библиотеки) зайти к ней домой, что мне и передали.

Я, конечно, поблагодарил, но... Но пойду вряд ли. Идти туда – надо нести свои работы, а у меня пока пара слабых законченных рассказов да стихи, которые уж совсем никуда не годятся. Правда, есть несколько отличнейших сюжетов и несколько начатых рассказов, но это – стадия работы. Вот кончу, тогда видно будет...

30 ноября 1966 г. Среда.

Читал. Читал долго, почти полдня. Зашел к Сергею. Он готовится сегодня вечером сдавать начертательную геометрию – играет в шахматы с моим бывшим коллегой по комсомольскому комитету (вот уж не ожидали встретиться!) Толиком Перьевым. Поговорили, посмеялись, послушали музыку. Потом Толик ушел домой, а Сергей принялся что-то усердно переписывать из любезно предоставленной кем-то тетради. Поговорили с ним о его жизни. Он серьезно увлекся какой-то дамой со второго курса института. Она старше. И теперь почти каждый вечер пропадает с ней. Спрашивал о Гале...

Вновь был в читальном зале, но немецким занимался мало. Помешал проходящий сегодня здесь вечер творчества советских поэтов. Мастера художественного слова из Дома культуры имени А. Жданова читали стихи Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, В. Солоухина и Н. Заболоцкого. Почти ни одной фальшивой ноты. Отбор?

Вечером вышел прогуляться по вечерним улицам. Встретил Зою. Она печальна и грустна. Сашка болеет. Перезанимался. Что-то с головой. У нее самой непрерывные разногласия с его матерью, издерганной уже до невозможности.

Успокаивал, как мог. И, кажется, немного поднял ее, Зоин, боевой дух. Завтра зайду к Александру.

1 декабря 1966 г. Четверг.

Встаю в одиннадцать часов дня. И почти целый день ничего путного не делаю.

Сегодня с утра, где-то часов в двенадцать, зашел к Александру. Он читает книги, сидя в кресле и задрав ноги на диван. Ходит к нему медсестра, которая делает уколы в N-ое место... Потом он говорит с Зоей. Она звонит ему по телефону. И опять занимается. В общем, по внешнему виду, он не так уж и плох. Только задерган и нервный уж слишком.

Потом дома. Вырезки нужных статей и работ В. Пескова* из «Комсомольской правды».

Читал. Заходил друг по прошедшему празднику седьмого ноября. Смотрел журналы и мои работы.

* Василий Михайлович Песков (1930–2013) с 1956 года был обозревателем газеты «Комсомольская правда», постоянным автором рубрики «Окно в природу». Широкую известность Песков получил в качестве ведущего телевизионной передачи «В мире животных» (1975–1990, вместе с Н. Дроздовым).

Гулял с Валеркой. Зашли к Игоринной маме, развеселили.

Потом опять гуляли с Валеркой, который весьма нахально заглядывался (или делал вид?) на хорошеньких девушек.

Сейчас уже скоро полночь. По радио читают «Медного всадника» А.С. Пушкина. Отличнейшая вещь. Особенно описание города.

Я пишу к себе в «Дневник».

2 декабря 1966 г. Пятница.

С «Сиблитмашем» что-то не выходит. По телефону с его редактором говорила мама. Подробности пока не знаю, но она посоветовала поинтересоваться заводом п./я.-92*. Там нужны литсотрудники.

Днем читал «Снег в октябре» Г. Горышина. Повесть отличная. Природа описана замечательно. Это именно русская природа. Но, мне кажется, иногда автор словно хочет щегольнуть этим и вставляет пространнейшие описания совсем не туда, куда надо. Ну, в общем, отлично. Так целый день и не отрывался от этой книги и к вечеру окончательно закончил ее чтение.

Правда, сегодня я начал писать новый рассказ «Черемуха», который пока мне нравится самому. Это уже третий или даже четвертый рассказ, начатый, но, увы, не законченный... Новые сюжеты отвлекают. Это плохо.

Взял сегодня в руки свежий номер «Молодости Сибири», увидел подпись «В. Данилушкин, студент кафедры журналистики Уральского государственного университета». Стало тяжело на душе. Мои ровесники учатся. Дают длиннейшие статьи в газете, то есть – в «моей» области... А я, словно на каком-то ненужном приколе, мучаюсь бездеятельностью.

Писать меня тянет. Я не скрываю это и не стремлюсь сдерживать себя здесь. Но получается ли у меня? Могу ли я писать не просто, не стандартно, а как-то по-своему, интересно? В этом для меня сейчас основной вопрос, и все, пришедшие на ум ответы, пока отрицательны...

3 декабря 1966 г. Суббота.

Позвонила редактор «Сиблитмаша». Пока ничего утешительного. Выяснится только к 16-му числу. Долго. На 92-м отказали. Завод закрытый, чуть ли не засекреченный, и мой возраст не подошел. Когда узнали о моем сотрудничестве с газетами, что я уже работал литературным сотрудником, пообтерся немного в сибирских газетных кругах – пригласили, но возраст... В общем, две газеты отпали.

Странно. Редактор «Сиблитмаша» и корреспондент «Пионерской правды» имеют фамилию – Готц. Обе. Интересно, может, родственники?

4 декабря 1966 г. Воскресенье.

Утром долго спал. Я становлюсь лентяем и, что хуже всего, безразличным. Целый день читал дневник В.Ф. Булгакова «Л.Н. Толстой в последний год его жиз-

* «П./я.» – «Почтовый ящик» (Предприятие п./я. № ...) – открытое служебное наименование заводов, предприятий и организаций оборонного характера, формирований, принятое в СССР для открытой почтовой переписки с указанием города.

ни». Сегодня дочитал его до конца, конечно, если бы не такое громадное количество одновременно читаемых книг...

Отнес книгу в библиотеку имени Герцена, ликвидировав таким образом последнюю книжную задолженность.

Дома (днем) никого. Папа и мама, забрав лыжи и карманный приемник, уехали в наш сад.

Вечером долго читал, писал и слушал музыку и даже добился за столь позднее сидение (далеко за полночь) окрика разбуженного папы.

5 декабря 1966 г. Понедельник.

Годовщина со дня опубликования (впервые!) в газете небольшой моей работы, которую я ровно год тому назад назвал в своем дневнике «статьей».

Честно говоря, праздник не удался. Почему? Возможно, из-за дальнейшей неопределенности с работой. (Сегодня я даже решил, что пойду на завод. Хоть кем. Хоть по какой профессии. Можно даже использовать II разряд разнорабочего, присвоенный мне полтора года назад.)

Зашел к Валерке. Он занят. Смотрит по телевизору хоккей и одновременно чертит что-то слишком сложное. Он учится. Монтажный техникум. Будущий строитель.

Потом сидели у нас дома, рылись в моей библиотеке, которая, по моим подсчетам, достигает сотни томов. Он выбрал себе три книги в отместку за один (четвертый) том С. Есенина первого издания (1961 года) с повестью «Яр» и поэмой «Страна негодяев».

Вечером с увлечением читал роман Яна Отченашека, а теперь, сейчас, возобновлю работу над «Войной и миром».

6 декабря 1966 г. Вторник.

Без конкретно определенной цели поехал в город. В редакцию газеты «Молодость Сибири». На душе противно. Какая-то пустота и постоянное чувство неудовлетворенности. Тянул время. Книжные магазины. Круг по улицам. Остановки возле каждого киоска. Потом здание редакции. Первый этаж, второй, третий, четвертый... Стою, делаю независимый вид, не решаясь войти в отдел. Спускаюсь на второй этаж. Там еще отделы редакции. Приемная. Пусто. Опять четвертый.

Дергаю дверь. Вхожу. Двое, Ямпольская и Шпак, работают*. Заняты. Кажется, чем-то недовольны.

Галина Шпак отрывается от работы неохотно. Ямпольская за все время не подняла глаз от бумаги совсем...

Рассказываю.

– Почему поспешил? Что дальше? Как отпустили? Без эксцессов? Жди шестнадцатого, может, все же «Сиблитмаш»? Задание надо?

– Давайте.

* *Нелли Степановна Ямпольская* – журналистка; в 1966 году корреспондент газеты «Молодость Сибири». *Галина Антоновна Шпак* (1931–2009) – журналистка; в 1966–1967 годах – сотрудник газеты «Молодость Сибири», затем многолетний сотрудник газеты «Наука в Сибири».

Звонит:

– Таня? Узнаете, это Галя Шпак... Помните?.. Как у вас? Все хорошо? Едете? В Куйбышев? А моего мальчика возьмете? А денег ему дадите? Только от редакции...

Не вышло. Командировка отменяется. Тогда она направляет меня в Дом народного творчества.

Иду туда. Надо же что-то делать. Он переехал. Что ж, тогда завтра.

Сажусь в троллейбус и еду домой. Четыре часа дня.

Получил письмо от Игоря, в нем была и фотография, сделанная, очевидно, на пропуск или на «Личное дело». На ней он выглядит совсем ребенком, впечатление это оттого, что он обстрижен. Прислал газетные вырезки с кораблями и значки, тоже на военно-морскую тему.

Сегодня закончил вторую книгу Яна Отченашека «Хромой Орфей». Жалко. Расстался с друзьями, близкими мне во многом. Отдельные отрывки надо еще и еще раз перечитывать.

Получил извещение о получении расчета. Сюда пришло 48 рублей 22 копейки. А если Галка там взяла еще двенадцать рублей: десять за квартиру моим старикам, остальное – за профсоюзные марки, – значит, я получил 60 рублей.

Черт его знает что. Как противно на душе! Какой сумбур, неопределенность...

7 декабря 1966 г. Среда.

Половину дня дома. Брался работать – утром не пишется.

После обеда был в военкомате, поставился на учет. Сегодня там не пробиться – проводы в армию. Гитары, баян, пьяные слезы. Накурено. Шум колесом... Насилу пробился.

Получил деньги. Расчет. С припиской от Галки:

«Алеша, здравствуй! Посылаю твой заработок. Общая сумма 60 рублей 22 коп. 10 – за квартиру, 1 руб. за профсоюз. 1 руб. за почтовый перевод. И тебе осталось 48 р. 22 к. До свидания. Г.П.

Как ты там устроился?».

Надо будет обязательно ответить ей. Хорошая, простая девушка. Хороший друг.

На полученные деньги сразу же купил несколько журналов.

В Москве возобновили постановку «Иоланты» П.И. Чайковского – оперы, с которой началась моя любовь к музыке, к серьезной музыке. Сегодня 175 лет со дня смерти Моцарта. Решив ничего не писать вечером, лег, чтобы слушать радиопостановку о его жизни и музыке.

Часов в шесть вечера встретился на улице с Александром. Поговорили и по-детски позабавились: мы с ним против Димки с его друзьями играли в снежки, крепости, катали друг друга в пушистом снегу. Здесь же я сломал дужку своих очков, теперь надо новые.

8 декабря 1966 г. Четверг.

В поисках работы. Был на заводе электротермического оборудования, но очень-то ничего не добивался. Потом зашел к маме на работу в «Сибнефтехим-монтаж». Домой ехали вместе.

Вечером, взяв для страховки Александра, пошел по данному в библиотеке адресу на квартиру к Елене Львовне Готц (Павлова) – корреспонденту «Пионерской правды» по Западной Сибири.

Дверь открыла она сама. Ее дом, оказывается, как раз напротив нашего.

В комнатах много мелких, лишних вещей. Небольшой домашний беспорядок. В большой комнате о чем-то жаловался ребенок. Она называла его Лешей. И, как бы извиняясь, сообщила мне, что он болеет...

Беседовали поэтому мы недолго. В общем, – если у меня еще есть работы о детях и для детей, можно приносить их ей, и они будут появляться на страницах газеты...

– Думаю, что вы не забудете моей квартиры. Теперь я буду вас ждать... – сказала она на прощанье, стоя в дверях своей квартиры.

Я сбежал вниз по лестнице, где ждал меня Александр.

9 декабря 1966 г. Пятница.

В поисках работы с утра поехал на завод электротермического оборудования. Пытался из проходной созвониться с редакцией, но не удалось. Номера телефона никто даже не знал...

Пошел на соседний завод ЖБК и ГИ № 1, где когда-то работал. Там узнал номер и вновь позвонил. Дозвонился... но из разговора с редактором понял, что они уже договорились с какой-то девушкой, которая придет к 1 января. И вообще, сейчас ему некогда, он уезжает в типографию...

Я еду в трамвае домой.

На одной из остановок, около злополучного завода, садится человек, в руках у которого рулон многотиражки «Электropечь». По всем данным – тот самый редактор. Решаю, если выйдет около типографии «Советская Сибирь» – заговорить...

Не вышел.

Я еду домой. Но когда он пересел на 3-й номер троллейбуса, я вдруг понял – он едет в городскую, бывшую типографию...

Возможность упущена. Поговорить не удалось.

Перед сном. Половина параграфа из учебника русского языка переписана и выучена. Хорошо и много читал. Потом слушал радиорассказ о традиционном польском фестивале в Варшаве «Джаз джембори»*.

Уже долгое время я пытаюсь разобраться в современном джазе. Понять его. Иногда импровизация прекрасно чувствуется. Красиво. Особенно, когда импровизируют пианисты. Но иногда джазовые мелодии кажутся сухим, несвязным набором звуков, трескотней. Понять. Разобраться...

* Джазовый фестиваль, проходящий в Варшаве с 1958 г.

10 декабря 1966 г. Суббота.

В 9 ч. 30 минут выехал в город за материалом. Дом народного творчества, куда я держал путь, находился в Центральном парке культуры и отдыха. Руководит им директор – Вера Алексеевна Галионцева. Познакомились. Она и методист хорошо и подробно рассказали о проходящем Всероссийском конкурсе художественной самодеятельности, в данном случае – о народных театрах и драматических коллективах.

Итак – теории много. Данные есть, но нет личных впечатлений... Вера Алексеевна поняла это и протянула билет на драму в 3-х действиях «Именем революции» М. Шатрова*. Потом подумала и протянула мне еще один... Кроме этих пригласительных билетов – еще два приглашения: в Дом культуры имени М. Калинина и (завтра) на репетицию в театр оперетты. Оба приглашения связаны со студиями бальных танцев, с лауреатами конкурсов и – в частности – с прошлым фестивалем «Зимняя фантазия».

Расстались по-дружески. Надо будет обязательно расширить связь с Домом народного творчества.

Побродил по городу. Рад. Опять у меня в блокноте цифры, фамилии, имена, мысли. Опять я стал журналистом (хотя и временно, но хорошо)! Сегодня я поработал.

Только вернулся домой – зашел Александр. Вышли гулять. Долго бродили по заснеженным улицам. Сегодня небольшой морозец, где-то около 20 градусов.

Поговорили о жизни.

Зашли в магазин. Приобрели: он – пленку для фотоаппарата (надо бы и мне!), я – отличнейший блокнот за 80 копеек, хорошо оформленный и удобный не только для журналистской работы (летом; зимой его обложка становится на морозе крепкой, как сталь), но и для дальнейшего ведения дневника.

Читал новый номер «Советского экрана», «Войну и мир».

Вечером у бабушки. Смотрел уже нашумевший (в хорошем смысле слова) документальный фильм «Подвиг» о Ф.Э. Дзержинском**. Да. Вещь твердая, хорошая.

11 декабря 1966 г. Воскресенье.

Почти целый день проболтался без дела. Без большого дела. До вечера. Читал, делал какие-то пометки, листал журналы, ворошил газеты, ходил в магазин и вырезал женскую головку из кусочка мела... Ждал Сашкиного телефонного звонка, чтобы поехать на репетицию ансамбля «Сигма» Дома культуры «Юность» и посмотреть исполнение новых бальных танцев, а по пути – взять материал. Но – он не позвонил. Я – не поехал.

Очень не хотелось идти в Дом культуры имени Клары Цеткин. Думалось, что самодеятельность – грубая, плохая игра, испортят весь вечер. Но работа есть работа. Надо же и быть в курсе премьер. Пошел и... не пожалел!..

* Пьеса Михаила Шатрова (1932–2010) о Ленине (1957).

** Полное название «Подвиг. Феликс Дзержинский»; фильм режиссера Л. Махнача (1966).

Первая приятная неожиданность – это встреча с Валею Цыганковой. Когда-то мы с ней вместе учились. После выпускного бала мы с ней так и не виделись.

Вспоминали школьные годы, говорили о настоящей жизни, о проведенном лете. Она была на уборке урожая в Маслянинском районе. Работала на току. Сейчас в одном из научно-исследовательских институтов работает чертежницей. Потом говорили о театре вообще, и об этом – в частности. В этом спектакле ее брат играет Степана. Он студент-физик. Мельком познакомился и с ним лично, но больше – с его игрой на сцене. Неплохо. В общем, и вся героическая драма М. Шатрова «Именем революции» поставлена хорошо. Здесь же присутствовали: директор Дома народного творчества и специальная отборочная комиссия из Москвы, так как отбор номеров строгий.

Первые два действия просидели с Валею рядом, делясь впечатлением и мнениями. В антракте, перед третьим, – пошли за кулисы. Она куда-то убежала (как я потом узнал – к осветителям наверх), а я остался сбоку сцены и так, до конца спектакля, находился среди спящих и занятых до того, что не обращали на меня никакого внимания, артистов. Было как-то странно видеть рядом с собой шагающего и о чем-то раздумывающего В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, красноармейцев в буденовках и белогвардейских шпионов в золотых очках, с тростью в руке и пистолетами в карманах.

Помог перетаскивать декорации и получил выговор за то, что во время третьего действия подо мной предательски скрипнул стул.

Потом было обсуждение. Мы сидели с Валею и ждали результатов (вот тогда-то и подошел ее брат). Оценка комиссии была хорошей. Брат остался в своем узком театральном кругу отмечать успех премьеры, а мы с Валею пошли по пустынным ночным улицам домой. К ее дому. По дороге я как обычно шутил. Кажется, удачно, так как она смеялась, по-моему, искренне.

Дома. Уже поздно. Все спят. Еще одна глава Л.Н. Толстого. Дневниковые записи и хорошее-хорошее настроение.

...Завтра много работы. Буду писать статью-обзор о народных театрах и драматических коллективах. И завтра же надо будет достать билеты в Академический театр оперы и балета на премьеру оперы Т. Хренникова «Безродный зять». Валя идет тоже. Она мне и сообщила об этой премьере.

12 декабря 1966 г. Понедельник.

Только встал и сразу же сел писать статью, отдав ей всю первую половину дня. С перепиской я закончил ее где-то часа в три дня (угораздило же меня испортить еще весной свою печатную машинку). Немного перекусил и поехал в редакцию сдавать материал. Мороз неплохой, и я, кажется, отморозил себе конец носа, пока добрался.

В редакции Г. Шпак, Н. Ямпольская. Парень из этой же комнаты – сотрудник редакции. Какой-то мальчишка в пальто и без шапки, беседующий с ним (очевидно, молодое дарование), еще один парень (как потом выразилась Ямпольская – «явного университетского типа»), говоривший с Г. Шпак. И девушка, при-

шедшая с парнем, державшая в руках сумочку и сидевшая на диване. У обоих по толстому обручальному кольцу. У нее на <положенном> месте, а у него – на большом пальце.

Я присел на валик дивана. Ждал, когда окончится беседа о биологии, о каком-то Клячкине (отличная фамилия!) и о книге «Дегенераты у власти», которую нигде не достать и которая ходит в перефотографированных списках*.

Дождлся конца разговора. Передал Галине материал. Она взглянула, поморщилась: «Ох, уж этот мне почерк...». Поинтересовалась, где я устроился, сказала не бросать начатую в статье тему («Ты уж все ходы-выходы знаешь»). Я не стал спорить.

Оставив свои «Фестивальные премьеры», вышел на морозную улицу и пошел к театру оперы и балета. По пути заходил в салон художественных работ, в книжный магазин «Знание», где приобрел книгу Р. Подольного «Предки и мы»**. Хорошо оформлена, с интересным содержанием и неплохим изложением. Я рад, что у меня в библиотеке такая новинка.

Вечером опять что-то писал. Читал. Слушал музыку где-то до часу ночи.

А перед этим был в библиотеке имени Некрасова. Взял рассказы А.П. Чехова (7 том). Начали записывать книгу в мой толстенный формуляр. Стоящий здесь же мужчина увидел это:

– Можно к медали представлять... Вон сколько книг прочел... Девушка, вы уж походитеайте...

Но девушка была слишком серьезной. Ей некогда было заниматься такими пустяками. Она только чуть улыбнулась краем губ и начала выяснять – какие книги еще остались у меня дома.

13 декабря 1966 г. Вторник.

А вот сегодня уже полнейшее отсутствие большой цели. Хотя бы – цели на день. Поэтому он проходит сухо и тоскливо, делая таким же мое настроение. Ничего не читается и не пишется.

На улицу не выходил. Мороз.

Лег в 11 часов спать и, не засыпая, провалялся до 2 часов ночи, слушая музыку и думая...

... – Назови мне слово, констатирующее что-либо...

– Дурак...

14 декабря 1966 г. Среда.

Сегодня поставил своеобразный рекорд – спал до 12 часов дня. Половина суток! Идиотизм! Надо бросать это. Надо бросать.

Читал Н.Г. Гарина-Михайловского. Сцены счастья Карташева (в конце четвертого тома). Да тут еще музыка... В общем, я неожиданно вышел из настоящего.

* Брошюра немецкого и советского психиатра Артура Кронфельда (1886–1941), написанная в СССР в 1941 году; в ней ставятся психиатрические диагнозы Гитлеру и его соратникам.

** Книга по антропологии популяризатора науки Романа Подольного (1933–1990).

Стал счастливей. На душе легче, веселей, и на глазах появились совсем радостные детские слезы... Что это? Нервы? Ненужная чувствительность? Или просто счастье жизни? Не знаю, наверное, последнее... Нет. Если я люблю мир, в этом заслуга книг и музыки. Эти два Великих божества, которые могут сделать со мной абсолютно все.

Вот в таком настроении я звонил в <строительный> трест № 43, в партком. Там пригласили редактора многотиражки «Строитель». Я говорил с ним замечательно. И он назначил мне встречу завтра в 5 часов вечера. Может, повезет? Хоть бы так. Иначе все надоедает слишком быстро.

Рисовал. Все экспериментирую. Был в библиотеке имени А.С. Пушкина. Взял два тома его произведений – писем, критики и публицистики. Начал читать и уже могу уверенно сказать – у действительно гениального человека красиво и велико все. Все, что характеризует его как человека.

Немецким языком сегодня занимался вяло и немного. Ой, провалюсь!..

...А на улицах мороз. Временами он достигает минус 42 градусов по Цельсию. Начальные классы в школы не ходят. На деревьях иней. Он толстый, иглистый, холодный. Оттого, что он облепил даже самую что ни на есть мельчайшую частицу ствола, деревья кажутся пушистыми снежными красавицами, каждая часть тела которых стройным, закутанным контуром контрастно белеет на фоне серого неба.

Вокруг мгла. Видно не дальше пятидесяти метров в окружности. И не ясно, или это дым запутался во фьордах улиц, или это поднялся специфический, связанный только с зимними морозами, туман... Холодно.

Прохожие похожи на черные силуэты. В их одеждах невозможно найти отдушину, чтобы увидеть частицу человека. Мужчины, женщины, девушки... Перепуталось все. И в туманной морозной вечерней темноте они движутся, как безмолвные смешные и милые машины с убыстренным ходом...

15 декабря 1966 г. Четверг.

Целый день (до половины пятого) провел дома. Читал письма Пушкина (вот что по-настоящему характеризует человека). Замечательно!

Приводил в порядок газеты – вот напасть-то!.. Так и прошел день.

По пути к строительному тресту забежал в киоск и приобрел полу-журнал, полу-плакат «Спутник кинозрителя».

Зашел в трест. Редакция «Строителя» на первом этаже, в самом конце коридора... в библиотеке... Н-да...

Редактором* – молодой парень с мешками под глазами, похожий на Джордже Марьяновича и на дядю Равиля.

– Здравствуйте... Могу я видеть редактора...

– Он перед вами...

Так мы начали наше знакомство. Потом разговор. О макетировании, о шриф-

* Олег Лукьянов – в те годы редактор многотиражной газеты «Строитель» строительного треста № 43.

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

тах – не умею (это уже хуже...), о жанрах – любой (посмотрим). И вот первое задание – зарисовка. И... нужна оперативность. Что ж... Завтра надо ехать в СУ-13, или в СУ-14, или в СУ-15. Кажется, началось... А, может, у него просто нехватка материала? А там – рассосется, и я – не нужен... А там и мест нет...

Второй день (от мороза, что ли?) пишу стихи.

Уже поздно. Иду спать, вернее – слушать заключительную арию Лизы из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама».

Все. День кончился...

16 декабря 1966 г. Пятница.

(запись сделана 17 декабря)

Мороз рад – вырвался на свободу. Уже несколько дней не видно солнца, а в лабиринтах улиц стоит туман.

Намерзся основательно. Ездил в СУ-14 и СУ-13. В последней организации удалось взять данные по теме. Однако человека, о котором собираюсь писать, не видел. А время ограничено. Завтра вновь сдавать материалы, собственно, еще сырые... Можно, вообще-то, съездить к нему на объект. Но уж слишком сильные морозы, – они могут не работать.

Был у Сергея. Говорили немного и о будущем празднике. Где, – а главное! – с кем его провести.

17 декабря 1966 г. Суббота.

Писал. Писал по вчерашним данным. Никуда не ездил. Нет смысла. Сам пообморожусь и его не застану.

В три часа дня отнес редактору написанное. Прочитал. В общем – похвалил. Он даже заинтересован, чтобы я здесь работал, хотя сам собирается уходить. Посоветовал мне все же увидеть этого каменщика, о котором я пишу, а работу разрешил принести в понедельник.

До меня к нему приходили устраиваться еще двое: парень («нагло себя вел и набивал цену») и женщина («которая совсем уже не подошла»). Третий – я.

Читал письма Пушкина. Особенно интересны его письма к жене. Можно было бы в будущем, взяв их за основу, написать отличнейшую работу в стиле Гессена*, – сочетание вымысла с исторической правдой в художественной обработке. Можно было бы еще раз сделать новое открытие личности А.С. Пушкина.

Мороз остановился на цифре 40 градусов. А в некоторых районах области, говорят, он опустился до минус 48, 49 градусов. Давненько же не было таких морозов. Во всяком случае – я не помню.

18 декабря 1966 г. Воскресенье.

До четырех часов дня фактически ничем не занимался. Читал, так и то – урыв-

* Сергей Яковлевич Гессен (1903–1937) – известный пушкинист.

ками. Беру то одну, то другую книгу, и кроме «Дневника» А.В. Никитенко* ничего не задерживало внимания.

Потом пошел к бабушке. Смотрел «Авиценну»** – фильм, после которого острее захотелось заниматься и ехать учиться, причем, обязательно на Восток. В Ташкент.

Вот и все.

Сейчас думаю, как уладить дело с подпиской на Библиотеку мировой литературы. Где взять денег и на какую из трех серий подписаться.

Завтра поездка на объект. Встреча с бригадой каменщиков, с Антипиным Н.П., а в заключение – с редактором «Строителя», который решит: продолжать мне поиски дальше или можно остановиться здесь.

19 декабря 1966 г. Понедельник.

Вчера вечером читал дневники А.В. Никитенко.

Мороз немного утих – уже минус 32. Это неплохо. Однако я замерз даже и при такой температуре. Еще бы: ожидание автобуса, разговор с каменщиком Антипиным, дорога назад, опять ожидание автобуса; потрачено два с лишним часа и все это – не заходя в помещение.

Писал зарисовку. Сухо. Стандартно. Но вполне можно печатать. Сегодня (по совету редактора «Строителя») вечером *отретуширую* ее. Завтра утром отнесу. В общем, редактор одобрил ее. Просмотрел мои документы. И попросил в среду к 8.30 явиться к нему, чтобы идти в партком для окончательного разговора. Однако перед этим еще необходимо заручиться рекомендательным письмом и временным удостоверением из редакции «Молодости Сибири».

Должны дать. Правда, вторично просить рекомендацию уже неудобно. Но, что сделать?! Так надо.

Перед сном. Книжки. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»***. Немного занятий русским языком. И вопрос: писать, ретушировать заметку или – завтра? Что-то спать хочется... и читать немного.

Перечитывал свои дневниковые записи. Иногда хорошо – когда искренне. Даже стилистические, а иногда (из-за спешки) и грамматические ошибки могут о многом рассказать. Если их редактировать – то совсем-совсем немного...

20 декабря 1966 г. Вторник.

Утром принес немного переделанную зарисовку. По пути остался редактировать какую-то статью о профсоюзах. Меня понемногу вводят в курс.

После обеда зашел к Сергею. Он сегодня не пошел в институт – готовится к сдаче коллоквиума. Это завтра. Говорили долго. Смеялись. Отдыхали.

* Александр Васильевич Никитенко (1805–1877) – историк литературы; на протяжении многих лет вел обстоятельный дневник, который стал одним из важных источников по литературной и общественной жизни середины XIX века.

** Фильм режиссера Камиля Ярматова (1956).

*** Сочинение Фридриха Энгельса (1888).

Потом в редакцию «Молодости Сибири» за рекомендацией и удостоверением. Прихожу. На столе лежит моя статья. Галина Шпак сразу же сказала:

– Вот хорошо, что ты пришел... А то так написал, так написал, что ничего не понять: мужчины или женщины?.. Машинистки отказываются перепечатывать... И в следующий раз пиши с полями...

Я ей «перевел» все фамилии. Извинился.

– Наверное, на пятницу пойдет. Кажется, не устарела...

– По-моему, тоже... – ответил я.

Она написала мне рекомендацию, которую затем подписал редактор Н. Мануйлов.

– Немножко корявой получилась, – заметила она, отдавая мне ее, перепечатанную на белой мелованной бумаге официального бланка, – сам виноват... беги...

21 декабря 1966 г. Среда.

8.30. В редакции. Иду с редактором на беседу в партком. Хорошо. Одна (основная) инстанция – не против. Дальше – отдел кадров. Автобиография. Заполнение карточки учета кадров. Все. Пока – долой бюрократизм!..

Райком ВЛКСМ. Становлюсь на городской учет. Трест. Редакция. Вычитка материалов. Редактор занят макетированием. Я наблюдаю.

Потом: он едет в типографию – отвозит отливать заголовки. Перед отъездом дает мне толстенный фолиант Н. Богданова и Б. Вяземского «Справочник журналиста». До глубокой ночи сидел над ним, пытаюсь понять, что такое верстка и макетирование.

Вчера около редакции «Молодости Сибири» встретил Илью Фоянкова*. С бородкой. Прячет лицо в воротник пальто. Скопил глаза в мою сторону. Весело и неожиданно блеснули.

Завтра в 9 утра на работу. Первый полный официальный рабочий день в редакции газеты «Строитель».

22 декабря 1966 г. Четверг.

Немного морозное утро. Редакция. Работа. Я пришел первым. Полистал подшивку. Дополнительный материал, который привез редактор, изменил макет газеты. Закончили (вторично и окончательно) расположение материалов на второй полосе и поехали в город, в типографию «Советская Сибирь».

На третьем этаже выписываю разовый пропуск с 10.00 до 16.00 часов.

И вот я в наборном цехе городской типографии. Я – за дверь, мимо которой часто проходил, идя на консультации к Е.Ф. Иванову, на занятия в «Репортер» и... за получением гонорара.

О. Лукьянов (это и есть главный редактор «Строителя») принес несколько готовых гранок текста и отливки заголовков. Гранки – впервые видел их сегодня

* Илья Олегович Фоянков (1935–2011) – поэт, журналист, переводчик. В описываемое время – собственный корреспондент «Литературной газеты» по Сибири.

ня – держал в руках и даже утащил одну (со своей первой работой в этой газете) домой на память. Гранки – это длинные листы газетной бумаги (16 x 63 см), на которых длинной колонкой, в центре, оттиснут набранный текст публикуемого материала. Обычно гранки имеют номер (для удобства распределения и сверки с макетом).

Сразу же начали верстку газеты (сборка в одну колонку отлитых на линолите строчек текста в газетном положении).

Верстала девушка, похожая на грузинку. Рядом верстался очередной номер «Молодости Сибири». Я мельком просмотрел его, но своей статьи не увидел; или устарела окончательно, или признали, что ее можно публиковать в любом номере, в любое время, – она не устареет... Был в ротационном и брошюровочном цехах. Видел сверстанную полосу «Вечернего Новосибирска». Был в областном ЛИТО – местной цензуре, без визы которой газета не выйдет в свет. Примерно познакомился с редактором и коллегой из газеты «Академстройовец» – парень в очках, в коричневом свитере сидел и писал статью для «Вечернего Новосибирска», которая начиналась словами: «Представьте, что где-то случилось землетрясение...» и т.п. Верстку и выправку газеты закончили к 3 часам 30 минутам дня. Сдали в цинкографию рисунок знакомого художника к новому номеру и поехали домой.

По пути я затащил редактора в отделение Союза художников на персональную выставку картин Титкова*. Оба пришли к выводу, что среди акварелей – удачных работ почти совсем нет. Зато есть отличные рисунки пером (тушь) и карандашом.

Редакция. После рабочего дня О. Лукьянов разъяснил мне систему объектов треста и – как к ним добраться.

Разошлись по домам. Итак, сегодня в моей голове полнейшая путаница из оттисков, верстки, ротаций, шрифтов (!), лиц и впечатлений, а сверху этого – grossbuch «Справочник журналиста».

23 декабря 1966 г. Пятница.

Встал еще раньше обычного. Поехал в типографию «Советская Сибирь». Взял разовый пропуск, чтобы найти свою газету, и заказал постоянный (пришлось отдать фотографию, приготовленную для отдела кадров треста). Тираж газеты, 1000 экземпляров, унес в одной руке и в одной пачке.

Разделили в редакции всю эту пачку по управлениям и занялись работой. Редактор посвятил почти весь остаток дня вдалбливанию в меня названий шрифтов и способов макетирования. Ничего не понял, а в голове – страшная путаница.

24 декабря 1966 г. Суббота.

Ждал управляющего трестом Рацкевича. Но он заболел. Встреча с ним не удалась.

* Иван Васильевич Титков (1905–1993) – новосибирский живописец и график.

Там же встретил Валеркиного отца. Он пожал мне руку и сказал:

– Привет журналистам...

Потом вместе с редактором разъехались. Он на 702 завод, а я в строительное управление № 13. Разговор с председателем стройкома. Потом иду на какой-то склад, где работает лучшая бригада. Знакомлюсь. Выясняю, что надо.

Возвратился раньше Олега Лукьянова. Ему удалось сделать несколько фотографий. А я пока не берусь, хотя сейчас можно.

Вечер. Читал вновь взятые в библиотеке стихи А.С. Пушкина.

25 декабря 1966 г. Воскресенье.

Наконец-то опубликованы «Фестивальные премьеры». Неплохо. Я рад. Но немного поздновато (сам виноват).

Был у Сергея. Оттуда пошли к Зое. Александр лежит в больнице – испорчены нервы. Но к новому году должен выйти праздновать...

Обсуждали, где, у кого собираться... Пока в фокусе только Зоя...

Сейчас уже около полуночи, а еще надобно накидать контуры зарисовки о вчерашней встрече с бригадой.

...Конец очерка. Автор: «...Если вам хоть раз придется употреблять пивовинные изделия новосибирского комбината, обязательно вспомните о тех, кто его строил».

26 декабря 1966 г. Понедельник.

...Что это: различие требований, вкуса и образования редакторов или – разная специфика газет? Эти же самые работы в районной газете у меня приняли бы без правки...

И еще. Если я выдержу дни работы в этой редакции, если шефу удастся внедрить в меня то, что он считает нужным, – я буду настоящим журналистом...

27 декабря 1966 г. Вторник.

– В четверг поедешь верстать номер. Ничего, не трудно. Я подъеду чуть позже...

Итак, редактор поручил верстку номера. Смогу ли?

Материалы не идут. Одну ничтожную информацию переделывал около шести раз.

– Ты не обижайся, – сказал по этому поводу редактор.

А я и не обижаюсь. Только бы не выгнал, то есть – только бы не лопнуло его терпение. Еще не было ни одного моего материала без основательной его правки.

– Твой бич – повторение...

Да. Это так. Мой слог стал сухим, канцелярским, скучно читаемым. Когда же это я успел заразиться казенщиной? Уж не в Колывани ли?.. А может, это у меня не выработался еще собственный стиль, и я, как губка, впитав читанное (при-

чем – громадное количество мусора, шелухи и прочей дряни), возвращаю это опять на бумагу.

Настроение – дрянь. Может – бросить писать? А что тогда? Надо впечатлений. Надо узнать жизнь... – старая история! Но, может, она правильная?

Два дня ложился спать далеко за полночь. Хочу спать. Сегодня долго ни читать, ни писать не буду. Хожу полусонный.

Были с Сергеем в больнице у Александра. Провалиется в ней, наверное, не меньше двадцати дней. Значит, Новый год без него. Сергей куда-то уходит. Кажется, компания друзей редет. Все празднуют в семейном кругу.

Был в типографии. Сдал материалы в номер. Кроме злополучной информации, пока ничего нет.

Может, лягу поздно, – листал стихи Ильи Фонякова.

Замечательная штука жизнь, без которой не мыслима никакая поэзия! Замечательная штука поэзия, без которой не мыслима никакая жизнь...

Полчаса назад я был уверен, что все это – мои мысли. А сейчас уже сомневаюсь...

28 декабря 1966 г. Среда.

– Бабуся, а ты чего здесь делаешь?

– Караюлю. Не видишь?..

– А кого?

– Да постройкомы, конечно.

– А кто это?

– Да мужики вроде все. Такие ругательники, такие ругательники...

...Опять на мою долю досталось редактирование какого-то производственно-показательного письма. Удивительно, это, а потом и еще несколько (других) редактор не взял для переделки и не попросил переделывать. В общем, в новогоднем номере «Строителя» пойдут три или четыре заметки, отредактированные мною.

Подготовил еще несколько материалов вдобавок ко вчерашнему, я их тоже отвез в типографию.

На улице ледяной ветер, а по городу ходят слухи, что температура упадет до шестидесяти градусов мороза.

Занят был целый день полностью. Утро – редактирование и проба составления макета. День – отвез в типографию, в набор. Вечер. Дома – переводил с немецкого, занимался теоретическими вопросами редактирования. Незаметно приблизилась полночь. Надо кончать.

29 декабря 1966 г. Четверг.

Верстать не поехал. Шефу надо было ехать самому. А я занимался тем, что звонил по телефону ответственным лицам, секретарям партбюро и договаривался о редколлегии. Звонил мастерам, инженерам-экономистам и прочим све-

душим лицам с просьбой о материале для экономической страницы (организуем в следующем году).

В 7.00 вечера – театр оперы и балета. Премьера. «Безродный зять». Опера*. Очевидно, специально ее постановка приурочена к Новому году.

Интересное начинается с фойе. Там пришедших встречали ряженые. Одетые в русские древние костюмы скоморохов, они шутливо кланялись каждому вошедшему и пытались не то показать <путь>, не то просто ударить легкой плеткой из разноцветных лент.

Странно и необычно оформлена «Программа». У меня середина партера. Прежде чем занять место в зале, был на выставке подарков, сувениров и всего, что отражает историю нашего театра. На этот раз оформление в нем иное. Множество места уделено русским деревянным и раскрашенным глиняным игрушкам. И всюду на свободных местах расположен русский лубок. Под некоторыми картинками пытался читать текст. Ничего. Удастся. Особенно (до самого конца!) прочитал про Анику-воина и Смерть.

Недалеко, чуть впереди и левее, сидела Валя. Да. Это, очевидно, типичный представитель театрального мира. Человек, искренне любящий театр.

Она была одна. Брат занят в институте. Я сел рядом, и мы вместе начали слушать оперу и смотреть ее. А смотреть было что. Декорации неплохие. Иногда даже эффектные, но иногда режиссер, кажется, злоупотребляет применением грубой техники на сцене. Все вдруг поехали за кулисы, или вдруг уползла вверх целая сцена. И так до бесконечности...

Исполнение разнопестрое. Есть мишура, и есть крупинки драгоценностей. Нина Афанасьева хорошо исполнила партию Варвары. А. Федосеев, недавно отпраздновав свой бенефис, был неплох и в этой, последней роли. З. Диденко, В. Егудин и Н. Логутенко тоже оставляют цельное впечатление, а остальные цельного впечатления игры и музыкально-вокального исполнения не составляют.

В антракте иногда (собственно, был только один антракт) интереснее, чем во время действия на сцене. Зазывалы кричали. Медведь под балалайку танцевал твист. Человек-кукольный театр показывал сценки. Гул. Смех. Настоящая имитация народного гуляния в фойе театра.

Домой на автобусе № 39. Проводил ее до самого подъезда. Отдал ей билеты в театр оперетты (31 декабря) на большой праздничный концерт.

30 декабря 1966 г. Пятница.

Поехал в типографию за газетой. Номер празднично оформлен, но содержание довольно сухо. Однако, наверно из-за яркой розово-сиреневой краски, в управлении треста она понравилась.

После работы зашел Сергей, и мы пошли на школьный новогодний вечер.

Пока я одевался, он просмотрел мои стихи. Кажется, мнение осталось хорошее. Во всяком случае, он поднимал веселые глаза и многозначительно улыбал-

* Опера Тихона Хренникова (1966) по народной повести «Фрол Скобеев».

ся. Ему понравились два: «Трудно...» и «Ожидание». Одно из них он переписал. Он прав. Эти работы самые искренние и, наверное, самые лучшие. Искренность всегда необходима в работе. Особенно в работе людей, описывающих жизнь.

Вечер в школе. Кинохроникеры опутали половину зала и коридоры своими «канатами». Вовсю светили прожекторы. Многие из танцующих просто не хотели танцевать при таком свете. Молодой, но серьезный кинооператор (или еще кто-нибудь) подходил к группам учащихся или бывших выпускников (нас было больше) и просил организовать вальс, столь необходимый для кинохроники. Но все танцевали шейк или твист.

Я не танцевал. Встретил троих из нашего бывшего 10 «в»: Николая Татаренкова, Александра Терещенко и Александра Гончарова. Видел подружку Эли. Передал привет.

Сергей держал темп в твисте с грустной девушкой-девочкой. После вечера провожал ее. Он недоволен: его дама опять не пошла. Бедняга. Он искренне страдает.

31 декабря 1966 г. Суббота.

Где праздновать? С кем? Эти вопросы оставались открытыми. Александр болеет. Сергей в институте. Вот только Валерка...

Настроение, в общем-то, не праздничное. Да тут еще пришел какой-то лысый дядька в зеленом костюме и сообщил мне о том, что с 24.00 31 декабря до 04.00 1 января я дежурю в тресте. Что ж. В некотором отношении это даже хорошо; во всяком случае, исчезла полная неосведомленность.

Год окончен. Сегодня последний день. Всюду смеются. Парни идут группами и в паре с девушками, причем они солидно и дружно тащат сетки с газетными свертками, в которых девичьи туфли для вечера...

Отпраздновали в узком домашнем кругу. Немного. Елка с компанией девчонок ушла на пустующую квартиру бабушки. Димка тоже там. Мы втроем выпили бутылку шампанского (гораздо раньше наступления Нового года), и все улеглись спать – ночью мне работать. Но как-то не спалось... Около девяти часов вечера я встал, разобрал на столах и пошел к Валерке – уж слишком грустно одному...

У него родители собирались уходить в гости, а он принужден сидеть дома с собственным братом. От такого горя, и за новый год, мы с ним подняли по паре не очень больших рюмок, кажется, портвейна, и побежали поздравлять Игорешкино семейство. И правильно сделали! Его мама была одна. Сестра ушла на вечер. Тихо. Пусто. Поздравили. Она была здорово рада. Показывала нам еще одну, новую фотографию Игоря в училище.

– Хорошие вы мои мальчишки... – так мы попрощались.

Почти полночь. Мы с Валеркой у него дома. Грызём конфеты, смотрим телевизор. Хорошо. Настроение стало действительно праздничным. Но... надо идти. Да я еще обещал прийти чуть пораньше – пускай хоть у моего предшественника не пропадет праздник, вернее – сам ритуал его проведения.

Включил свой приемник. Читал. Слушал музыку. Танцевал твист в гулкой

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

комнате секретаря. Занимался гимнастикой. Когда пробило двенадцать – выпил стакан воды и прокричал «ура». Всё.

Однообразное и, кажется, деловое настроение.

Мой сменщик пришел в 4.30. Извинялся. Был радостным, веселым и празднично-пьяным. Всё извиняясь, он проводил меня до самого выхода на улицу, а когда я проходил под окнами, где он начал дежурство, – там было уже темно...

Наверное, решил отдохнуть...

Окна были светлыми, праздничными...

Итак – ушел 1966 год.

АВТОРЫ НОМЕРА

АХМАД РИЗО (Исмаил Ахмедов) – прозаик. Доктор педагогических наук, профессор. В настоящее время – на пенсии. Живет в Ташкенте.

ДЖУМАЕВ АЛЕКСАНДР – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.

КАЛИНИН МИХАИЛ – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока». Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

ИЕРЕЙ СЕРГИЙ КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор восьми книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

КУБЛАНОВСКИЙ ЮРИЙ – поэт, эссеист, критик. Автор более двадцати лирических книг, вышедших в США, Франции, России. Лауреат премии Москвы в области литературы и искусства за 1999 год, премии Александра Солженицына (2003), «Новой пушкинской премии» (2006), Патриаршей литературной премии (2015) и др. Живет в Москве и Поленове.

ИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР МАЗЫРИН – доктор церковной истории, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва). Живет в Москве.

ОЗМИТЕЛЬ ЕКАТЕРИНА – историк, религиовед; ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Автор пяти монографий по истории Православной Церкви в Средней Азии, русской культуре, религиоведении и культурологии. Живет в Московской области.

ИЕРОМОНАХ МИХАИЛ (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

УСТИМЕНКО АЛЕКСЕЙ – писатель, журналист. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

ФЛЫГИН ЮРИЙ – историк, автор исследований по истории Православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

Содержание журнала «Восток Свыше» за 2021 год

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КУКИН. «О, полчаса ходьбы и чтение молитв...» – № 1 (LV). С. 5.

Ольга ПАНИНА. «Постучала я...» – № 2 (LVI). С. 5.

Михаил КАЛИНИН. «Настоящая традиция не бывает мертва...» – № 3 (LVII). С. 5.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. «Ветви старой яблони плодоносят...» – № 4 (LVIII). С. 5.

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Утро в Долине плача. 1225 лет преставления преподобных Иоанна, Сергия, Патрикия и прочих во обители святого Саввы убиенных (20 марта 796 года). – № 1 (LV). С. 6-12.

Патриарх на воротах. 200 лет преставления священномученика Григория V, патриарха Константинопольского (10 апреля 1821 года). – № 2 (LVI). С. 6-17.

Мальчик с теленком. 1075 лет преставления преподобного Иоанна Рильского (18 августа 946 года). – № 3 (LVII). С. 6-13.

Мария из Гаврилова-Яма. 75 лет преставления мученицы Марии Даниловой. – № 4 (LVIII). С. 6.

Новостные страницы *иеромонаха*

Михаила (СТОЛЯРОВА)

Восьмисотлетие Александра Невского и другие новости. – № 2 (LVI). С. 18-20.

150-летие Ташкентской епархии, закладка нового храма и другие события. – № 4 (LVIII). С. 14.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. «Откуда ты такое дерзновение приял?..» Послание патриарха Никона царю Алексею Михайловичу 1661 года. – № 1 (LV). С. 13-25.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Зарождение епархии. Первые православные сооружения Туркестана

Юрий ФЛЫГИН. Камалонская часовня: создание, забвение, возрождение. – № 1 (LV). С. 26-33.

Александр ГАЛАК. «Церковь будет устроена вполне...» Из истории самаркандского Свято-Георгиевского храма. – № 1 (LV). С. 34-41.

Тема: Возрождение епархии. 1940-е – начало 1950-х годов

Роман ДОРОФЕЕВ. «Православное духовенство Киргизии высоко оценит внимание Советского Правительства...» Из истории церковно-государственных отношений в Средней Азии в середине 1940-х годов. – № 1 (LV). С. 42-48.

Дмитрий ПАВЛОВ. Путешествие епископа Гургия (Егорова) по Ташкентской епархии в 1947 году. – № 1 (LV). С. 49-59.

Эльвира МЕЖЕННАЯ. Ташкент: узелки на память. – № 1 (LV). С. 60-67.

Новый сборник о среднеазиатских исповедниках веры. – № 1 (LV). С. 68-74.

Прот. Михаил ПУТИНЦЕВ. «Миссионерская проповедь может послужить поводом к возмущению магометанского населения...». «Письма из Кульджи» (1877) и их автор. Публикация, предисловие и комментарии Светланы Асановой. – № 3 (LVII). С. 14-31.

Тема: Епископат Русской Церкви в Средней Азии в 1920-е – начале 1930-х годов

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ. Ссылное духовенство в письмах и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий) в Средней Азии. – № 2 (LVI). С. 21-32; № 3 (LVII). С. 32-46; № 4 (LVIII). С. 19.

Иерей Александр МАЗЫРИН. «Непременно в старом городе, на кошме и в чапане...» Средняя Азия в жизни епископа Тихона (Шарапова). – № 4 (LVIII). С. 36.

Юрий ФЛЫГИН. «Я просто терял голову с Туркестанскими делами...» О служении митрополита Никандра (Феноменова) на ташкентской кафедре (1927–1933). – № 4 (LVIII). С. 45.

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Лев ДУНИН-БАРКОВСКИЙ. «...Был еще офицер Дунин-Барковский» О жизни туркестанского военного, педагога и общественного деятеля Валериана Дунина-Барковского. – № 1 (LV). С. 75-93.

Жозеф КАСТАНЬЕ. Басмачи. Национальное движение коренных народов Средней Азии после революции (с октября 1917 года по октябрь 1924 года). Перевод с французского Анатолия Цапенко. – № 2 (LVI). С. 33-76.

Ефрем РЯБОВ. «И там Кастанье, и тут Кастанье...» Книга «Басмачи» и ее автор. – № 2 (LVI). С. 77-90.

Тема: Колониализм: pro et contra

Владимир ТРУХАЧЁВ. Долгое эхо «Большой игры». Соперничество России и Великобритании в Средней Азии как исторический и геополитический феномен. – № 3 (LVII). С. 47-57.

Шухрат МУХАМЕДОВ. «...Признает себя покорным слугою Императора Всероссийского». Дипломатические отношения Хивинского ханства с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX веков). – № 3 (LVII). С. 58-70.

Обсуждение книги Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения». – № 3 (LVII). С. 71-81.

Александр ДЖУМАЕВ. «Мы вставали, когда в кабинет входил Фитрат». Абдурауф Фитрат, русская культура и советское востоковедение. – № 4 (LVIII). С. 50.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Гомилия святителя Иоанна Златоуста на Собор бесплотных сил. Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума. – № 1 (LV). С. 94-101.

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О посте. О покаянии. – № 1 (LV). С. 102-105.

О браке и семье. – № 2 (LVI). С. 87-90.

О священстве. Об иконах. – № 3 (LVII). С. 82-85.

О времени и вечности. О счастье. – № 4 (LVIII). С. 70.

Иерей Александр КОЛОТОВКИН. Таинства Церкви: Покаяние. – № 3 (LVII). С. 86-91.

Евангельские страницы протоиерея

Сергия СТАЦЕНКО

Вера и засохшая смоковница. – № 1 (LV). С. 106-109.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО. Освящение храма можно сравнить с Крещением. Слово на освящение храма св. Александра Невского на ташкентском Боткинском кладбище. – № 3 (LVII). С. 92-95.

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные записи в «Фейсбуке» последних лет. – № 1 (LV). С. 124-132; № 2 (LVI). С. 91-102; № 3 (LVII). С. 95-107; № 4 (LVIII). С. 75.

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли. – № 2 (LVI). С. 103-116; № 4 (LVIII). С. 90.

ПРОЗА

Ризо АХМАД. Рассказы. – № 4 (LVIII). С. 104.

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Лейла ШАХНАЗАРОВА. Она так и не научилась готовить плов. – № 1 (LV). С. 133-138.

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни... Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года. – № 2 (LVI). С. 117-132; № 3 (LVII). С. 108-134; № 4 (LVIII). С. 117.

Дильбар АБДУРАХИМОВА. «Целый фибровый чемоданчик сахара-рафинада...» Отрывки из воспоминаний. – № 3 (LVII). С. 135-148.

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Нужно найти свою речь...» На вопросы ВС отвечает поэт Михаил КАЛИНИН. – № 1 (LV). С. 124-132.

РЕЦЕНЗИИ

Юлия КОЛОТОВКИНА. Долгий путь к слову. – № 1 (LV). С. 138-140.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svysh@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LVIII
№ 4, 2021, октябрь–декабрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2022 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2022).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568